БОЛЬШОЕ СПАСИБО, МИСТЕР КИББЛВАЙТ

РОДЖЕР

ДОЛТРИ

МОЯ ИСТОРИЯ

АВТОБИОГРАФИЯ ОСНОВАТЕЛЯ ГРУППЫ THE WHO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Моя история» – это откровенная история о том, как обычный парень из бедной семьи, заводской рабочий, так сильно любил музыку и верил в свою мечту, что сумел воплотить ее в жизнь и стать величайшим рок-музыкантом. Умудрившись не погрязнуть в круговороте наркотиков, буйной закулисной жизни и хаосе, царящем во время гастролей, Долтри уверенно вел свою группу к успеху. Эта книга не просто история жизни знаменитого британского музыканта, но и полная, точная биография The Who.

- Роджер Долтри
  -
  -
  - Глава 1. Фланелевая рубашка
  - Глава 2. Вон из школы
  - Глава 3. Годы скиффла
  - Глава 4. The Detours
  - Глава 5. The High Numbers
  - Глава 6. The Who, верно?
  - Глава 7. Как непросто расставаться
  - Глава 8. Непокорная шевелюра
  - Глава 9. Томми
  - Глава 10. Побег за город
  - Глава 11. Who’s Next
  - Глава 12. Под новым руководством
  - Глава 13. Семья
  - Глава 14. Свет, камера, мотор!
  - Глава 15. By Numbers
  - Глава 16. Конец, начало и очередной конец
  - Глава 17. Жизнь после
  - Глава 18. Реформация
  - Глава 19. Братья
  - Глава 20. Я надеялся, что умру
  - Благодарности
  - Фотографии предоставлены
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17

Роджер Долтри
Моя история

Roger Daltrey
Thanks A Lot Mr Kibblewhite. My Story

© RHD LLP 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Посвящается Хизер.

Глава 1. Фланелевая рубашка

Одним жарким душным вечером во Флориде в марте 2007 года мы с Питом вышли на сцену амфитеатра «Форд» в Тампе. В девятый раз за этот месяц и в семьдесят девятый за последние полтора года концерт начался с песни «I Can't Explain». Я махнул своим микрофоном в сторону аудитории, приготовившись начать шоу, и уже взялся было петь первую строку: «Got a feeling inside…», как вдруг мне показалось, что микрофон весит целую тонну. Он вылетел из моих рук, как брошенный с корабля якорь. Вернулся он обратно или нет – этого я сказать не могу. Все вдруг провалилось во тьму.

Очнулся я уже за кулисами. Перед глазами плясали размытые огоньки, то рядом, то вдалеке слышались обеспокоенные голоса. Пит стоял возле меня, он пытался понять, что случилось. Откуда-то издалека доносился галдеж двадцати тысяч разочарованных фанатов. На протяжении пятидесяти лет подряд я всегда справлялся. Я всегда выходил на сцену и выступал. Сотни, даже тысячи концертов: пабы, клубы, дома культуры, церкви, концертные залы, стадионы, «Пирамид-стейдж»[1], «Голливуд-боул»[2], Супербоул[3], «Вудсток»[4]. Обычно, стоило только сцене озариться светом, как я уже стоял на переднем крае и был готов зажигать. Но не в этот вечер. Впервые с того самого момента, как в возрасте двенадцати лет я взял в руку микрофон, чтобы петь песни Элвиса, я не смог выступить. Меня погрузили в карету скорой помощи. В тот вечер я был разочарован сильнее всех. Под вой сирены я приобретал новый горький опыт: я чувствовал себя беспомощным.

В течение нескольких дней врачи осматривали меня вдоль и поперек и в конце концов пришли к выводу, что уровень соли в моем теле был намного ниже нормы. Сейчас это кажется очевидным, но тогда до меня не сразу дошло. Каждый раз, когда мы отправлялись на гастроли, длившиеся по два-три месяца, мне становилось дурно. Очень-очень дурно. И сейчас, после всех этих лет, я понял, что ларчик, оказывается, открывался довольно просто. Всему виной была соль, а точнее, ее недостаток. Вся эта беготня и работа до седьмого пота буквально высушивали меня. Мы работали как атлеты, но никогда не тренировались как атлеты. Два-три часа, концерт за концертом – нам даже некогда было подумать об этом. Никаких разминок и растяжек, витаминов и пищевых добавок. Лишь гримерные, в которых стояли бутылки с алкоголем. Мы же рок-группа, а не футбольная команда.

Но это было не единственным откровением той недели. Пару

дней спустя один из врачей подошел ко мне, сжимая в руке снимок грудной клетки.

– Итак, мистер Долтри, скажите на милость, когда вы умудрились сломать позвоночник? – спросил он.

Я вежливо возразил, что ничего не ломал. А он так же вежливо заверил меня, что у меня абсолютно точно был перелом. Все доказательства были у него на рентгеновском снимке: один случай перелома, плюс один не очень осторожный пациент.

Скорее всего, вы думаете, что я наверняка должен был бы запомнить момент, когда сломал позвоночник, но на мою долю выпало столько передряг, что так с ходу и не скажешь. В любой истории рок-н-ролла присутствует элемент удачи, но удача приходит только вместе с тяжким трудом. Если упал, то поднимайся и просто шагай вперед. Таковы были правила в самом начале, и таковыми они остаются по сей день.

Мне на ум приходят три случая, когда я мог сломать позвоночник. Это могло произойти, когда мы снимали клип «I'm Free» для фильма «Томми» в 1974 году. В видео на отметке 01:15 есть момент, когда солдат отправляет меня в кувырок. Это был довольно простой трюк, но я очень неудачно приземлился. Не могу припомнить, слышал ли я какой-нибудь хруст, но было чертовски больно. Большую часть дня мы потратили на съемки вступительной части песни, где мой персонаж, Томми Уолкер, выбивает спиной стекло и падает в воду. Сначала мы сняли эту сцену снаружи, а затем пошли в студию, чтобы продолжить съемки на фоне синего экрана. Мы угробили на это целый день. Я падал с высоты пары метров на мат и так дубль за дублем. «Еще разок, Роджер» – это было одной из любимых реплик Кена Рассела. Ему всегда нравилось доводить своих актеров до ручки.

– Ты уверен, что это необходимо, Кен? – отвечал я, возможно, уже заработав перелом позвоночника.

– Еще разок, Роджер.

– Как скажешь, Кен.

Или же я мог получить перелом в марте 2000 года по дороге на концерт «The Ultimate Rock Symphony» на стадионе «Сидней Энтертейнмент Центр». Пол Роджерс из Bad Company позвонил мне и сообщил, что заболел, поэтому мне пришлось выступить вместо него. За мной заранее выслали фургон, я запрыгнул внутрь и по пути разогревал свой голос. Я проделывал одно странное упражнение: одной рукой придерживал язык полотенцем, а второй держал себя за подбородок, исполняя при этом чудные гаммы. Звучало и выглядело это довольно дико, будто в меня вселился демон. Хочется верить, что этот демон был относительно мелодичным, но все-таки это не самое лучшее

занятие, когда ты вот-вот попадаешь в аварию.

Одному богу известно, что было на уме у той женщины, которая свернула на автостраду. Она вклинилась в наш ряд без предупреждения. Мой водитель успел затормозить, и мы врезались в нее сбоку. Все было не так уж плохо. Мой язык по-прежнему был завернут в полотенце, и мы все еще были живы. Я не слышал, чтобы что-нибудь хрустнуло, но мне было чертовски больно. Когда мы наконец прибыли на концерт, мной занялся остеопат, который по косточкам собрал меня перед выходом на сцену. Полагаю, что тот вечер я пережил всецело благодаря адреналину, но последующие три года боль не утихала.

Однако, скорее всего, это случилось, когда я был в лагере в возрасте девяти или десяти лет, скажем, в 1953 году. Я состоял в организации «Бригада мальчиков» (международная христианская молодежная организация в духе бойскаутов. – *Прим. пер.*) и расхаживал туда-сюда по пляжу, горланя бойкие американские маршевые песни, изумляя отдыхающих. Я пел как маленький ангелочек. Единственной проблемой был мальчик по имени Реджи Чаплин, который также состоял в «Бригаде мальчиков». Это был здоровенный пацан. Я не шучу, он был на фут выше меня и на два фута шире. Он жил на Уэнделл-роуд в Шепердс-Буш, что было лишь в пяти минутах от моего дома на Перси-роуд. Но это имело колоссальное значение. В том районе жили семьи, с которыми лучше не связываться. Там и сейчас есть такие семьи, таков уж Лондон. В Шепердс-Буш стоило бояться Чаплинов, которые проживали на Уэнделл-роуд. Это была мрачная семья с мрачной улицы, и, к сожалению, здоровяк Реджи затаил на меня злобу.

Итак, мы были в лагере, и поскольку я был самым маленьким, меня решили бросить на одеяло и подкинуть вверх. Примерно таким образом развлекали себя дети, до изобретения «Айпадов». Реджи был заводилой, и, когда я подлетел на высоту пятнадцати футов, он выкрикнул: «А теперь отпускаем его!». Я до сих пор слышу, как этот засранец кричит: «Отпускаем его!».

Разумеется, они убрали одеяло. Я ничего не мог с этим поделать. Я камнем грохнулся на землю и потерял сознание. Возможно, тогда что-то и хрустнуло, но я был далеко-далеко в царстве фей. С одной стороны, это означало, что отдых в лагере был окончательно испорчен. Я должен был провести остаток дня в дурацкой больнице, и до конца недели мне пришлось проторчать в палатке «Бригады мальчиков», мучаясь в агонии, причиной которой, как я узнал недавно, была мой сломанный позвоночник. Но с другой стороны, я уладил проблемы с Реджи.

Пока я лежал на земле без сознания, он был уверен, что

укокошил меня. Когда я пришел в себя, Реджи был первым, кого я увидел, и он плакал. Самый подлый парень из Шепердс-Буш в три ручья лил слезы, испытывая чувство вины и страха. Парень чувствовал себя ужасно. После этого случая он сделался моим ангелом-хранителем, и отныне я был с Чаплином на дружеской ноге. Теперь я мог не опасаться мрачного семейства с мрачной улицы. Все стали относиться ко мне иначе. Я стал неприкосновенным. Благодаря этому я продержался всю начальную школу, но после нее все пошло наперекосяк. Однако я забегаю вперед. Мы должны вернуться в те времена, когда меня не заботили вероятные переломы позвоночника и школьные проблемы. Мы должны вернуться в самое начало.

* * *

Моя мама откладывала роды до первых часов 1 марта 1944 года, прежде чем явить на свет вашего покорного слугу. Она не хотела, чтобы я родился в високосный год 29 февраля. Только представьте: день рождения раз в четыре года. Это никуда не годится, не так ли? Хотя при таком раскладе сегодня мне было бы лишь восемнадцать с половиной.

Мне повезло, что я вообще родился. У Грейс Ирен Долтри – но вы можете называть ее Ирен, как и все остальные, – в 1938 году диагностировали болезнь почек. Когда ей удалили одну из почек, ее здоровье еще сильнее пошатнулось, и в итоге она заболела полиомиелитом. Она провела два месяца в «железных легких», одном из первых в Британии аппаратов для искусственного дыхания, в госпитале Фулема. Долгое время ее жизнь висела на волоске, и лишь чудом ей удалось выжить, но на следующие несколько лет она была прикована к инвалидной коляске.

Впрочем, с моей точки зрения, куда важнее были предостережения врачей о том, что она никогда не сможет иметь детей. Если бы они оказались правы, то это была бы очень короткая книга, но мой папа принял вызов. Когда началась война, он отправился во Францию с Королевской артиллерией, и это все равно не остановило его. Его довольно часто отпускали домой повидать маму, выдавая отгулы по семейным обстоятельствам. Девять месяцев спустя после одного из этих очень «обстоятельных» визитов вопреки всему на свет появился я, Роджер Гарри Долтри.

Это было непростое время для того, чтобы заводить ребенка.

Люди считают, что «Блиц»[5] закончился в 1941 году. Как бы не так! Март 1944 года стал третьим и самым худшим месяцем операции «Steinbock»[6] – «Маленького блица», длившегося пять месяцев и показавшегося совсем не маленьким пережившим его людям. Люфтваффе бомбили весь Лондон, а затем, когда стали терять надежду на успех операции, они принялись запускать крылатые бомбы V-1. Первый удар произошел, когда мне было восемь недель. Через месяц немцы сбрасывали уже более ста бомб в день.

Одной из целей была фабрика по производству боеприпасов в Актон-Грин, в добрых двух милях от Перси-роуд, но V-1 всегда терпели неудачу. Двойной агент Эдди Чапмен сообщал немцам о точности бомбардировок и дезинформировал их, чтобы они не вносили корректировки в свои расчеты. Хвала небесам за его работу, но это означало, что улицы Шепердс-Буш брали на себя основной удар. Каждый раз, спасаясь от бомбежек в подземке, мы никогда не были уверены, что нас не будет ожидать кратер на том месте, где когда-то стоял наш дом. Мы с мамой провели много ночей, укрываясь на станции «Хаммерсмит». Примерно за неделю до моего рождения она решила, что у нее могут случиться схватки во время одной из тяжких ночей, которые ей приходилось проводить на платформе номер четыре. Спустя все эти годы сложно представить, как она справилась со всем этим в одиночестве, пока папа был на войне. Пожалуй, легче не стало, когда мы с мамой на тринадцать месяцев эвакуировались в сельский дом в Странраре, на юго-западе Шотландии, чтобы избежать самых беспощадных бомбежек. Миссис Джеймсон, наша хозяйка, уже делила свой четырехкомнатный коттедж с еще одной семьей фермеров, но она все же выкроила местечко для моей мамы, меня, моей тети Джесси и двух ее дочерей. Пять человек ютились в одной комнатке. По прошествии более семидесяти лет, пускай и с большим опозданием, но я хочу выразить благодарность миссис Джеймсон и всей ее семье.

Столько потрясений выпало на долю молодой мамы, но Ирен никогда не жаловалась. Даже много лет спустя я никогда не слышал, чтобы мама или папа говорили что-то плохое про свою жизнь в военное время. Они вспоминали только хорошие времена. Шесть лет смерти и разрушения гигантских масштабов они представляли, как чудесное времечко. Но не думаю, что кто-нибудь из нас, детей войны, позволил себя одурачить. Дети проницательны, от них не утаишь, что времечко было далеко не чудесным. Между строк этих веселых историй мы читали правду. Даже будучи ребенком, я понимал, что те времена были очень тяжелыми для папы. Он потерял своего брата в Бирме. Нам

сообщили, что это была дизентерия, но он был в японском лагере для военнопленных, поэтому кто знает, от чего он умер. Папа никогда не говорил об этом, но были косвенные намеки.

Однажды мы направлялись в деревню Лансинг в Сассексе, чтобы навестить мою младшую сестру Джиллиан. У нее диагностировали шумы в сердце, и по этой причине ее отправили в санаторий. Каким-то образом папа заполучил большое старое такси. Понятия не имею, как он это сделал, но только так мы могли видеться с Джиллиан каждое воскресенье в течение года. Тот визит пришелся на День памяти павших. Незадолго до 11:00 папа остановил такси и заставил нас стоять на тротуаре в тишине, как он это делал каждый год. Я заметил слезу, стекавшую по его щеке. Для мальчика было шоком увидеть своего отца плачущим. Он был добрым человеком, но отчасти пустым – вот что сотворила с ним война. Я помню, у него был такой же взгляд за день до собственной смерти. Это случилось девять месяцев спустя после того, как моя сестра умерла от рака груди. Ей было всего тридцать два года. В тот день я понял, что мой отец плакал внутри не только после смерти Джиллиан, но с тех самых пор, как вернулся с войны. Война вытворяла это со многими людьми. Она забрала что-то у каждого. Отец Пита, Клифф, был очень похож на моего, хотя говорил он намного больше. Я уверен, что ему помогло справиться с травмой то, что он играл на саксофоне в группе Королевских военно-воздушных сил Великобритании. Мой же папа всегда хотел только тишины. Мне кажется, что на протяжении всей жизни он так и не смог отойти от послевоенного шока.

* * *

Мое самое первое воспоминание было связано с отцом, который вернулся с войны. Он был ранен в День «Д» (день высадки союзных войск в Нормандии 6 июня 1944 года. – *Прим. пер.*), но сразу же приступил к исполнению административных обязанностей, поэтому его не демобилизовали до конца 1945 года. Тогда мне было без пары месяцев два года, поэтому вполне вероятно, что первое воспоминание было собрано из фрагментов. Но я помню, как вся семья впервые собралась вместе в нашей гостиной, где вдоль стен были расставлены стулья. Я помню паутину на мужских сапогах, его рюкзак и военную каску. А еще я помню свое удивление, когда этот совершенно незнакомый человек, который только что пришел к нам в дом, разделил постель с моей мамой.

Кажется, что все это так далеко, эта жизнь, детство, взросление в послевоенные годы. Если вы сами не прошли через все это, то, боюсь, вам будет сложно это представить. Неслучайно многие, кто был родом из моей эпохи, отставали в росте. Первые два года моей жизни оказались самыми голодными из-за нехватки продовольствия. В 1945 году американцы решили прекратить свою политику ленд-лиза, благодаря которой Британия в рассрочку получала продовольствие из США. В то же время, как только военные действия закончились, мы столкнулись с необходимостью делиться едой с немцами. Я никогда не слышал, чтобы кто-то на это жаловался. Немцы были врагами, пока шла война, а после мы делились с ними без каких-либо возражений. В конце концов они были в куда худшем положении, чем мы. Я думал об этом, когда впервые приехал в Германию с The Who в 1966 году. Я был просто поражен. Как так получилось, что мы воевали с ними? Они так похожи на нас. Это чудесные люди. А мы шесть лет вели против них полномасштабную войну. Сумасшествие.

Большую часть моего детства еду выдавали по карточкам, и наши аппетиты уменьшались вместе с нашими животами. На завтрак у нас была каша и бутерброды с сахаром к чаю. «Национальный хлеб» приходил с «добавкой кальция», он был посыпан мелом – уловка, чтобы мы думали, будто получаем белый хлеб. Приходилось стоять в очереди за еженедельной порцией яичного порошка. Два раза в год в качестве угощения у нас была жареная курица. Тогда это было большое событие, но сегодня эти цыплята вряд ли смогли бы попасть на полку супермаркета. Это были паршивые, тощие, жилистые недомерки – больше костей и сухожилий, чем мяса. В 1998-м я сыграл Эбенезера Скруджа в постановке «Рождественской песни», которая проходила в Мэдисон-сквер-гарден, и на столе у бедного трудолюбивого офисного клерка Боба Крэтчита была курица по крайней мере вдвое больше, чем у нас после войны. И это его мы должны были жалеть?

Мы ничего не выбрасывали: старые тряпки, бумага, банки, кусочки ниток и пустые бутылки – все это могло пригодиться. На полках не было игрушек. Нельзя было заскочить в магазин за новой детской коляской или даже детской одеждой и обувью – все бралось из вторых, третьих, четвертых и даже шестых рук. Мы снашивали наши туфли до дыр, а потом папа показывал нам, как чинить их. Сколько людей сегодня смогут починить свою обувь? Тогда это было нормально, но сейчас такое просто невозможно представить. Сменилось целых три поколения, и те времена отстоят от нас на тысячи миль, но я все еще поражаюсь, как мы

проделали этот путь оттуда сюда. Что интересно, я не помню, чтобы в те времена мне было тяжело. Возможно, эти чувства спрятались где-то глубоко внутри, но по большому счету мое детство, не считая Реджи и его предательского одеяла, было счастливым.

Чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю, каким удивительным было поколение наших родителей. Им никогда не нужно было много для счастья. Все, что им было нужно, – это мирное небо над головой и возможность время от времени повеселиться. Попойка с парой бутылок бурого эля считалась вечеринкой века. Набор проще некуда, но они знали, как отлично провести время, обходясь малым. Сегодня все наоборот – можно получить что угодно по щелчку пальцев. Если честно, не совсем понимаю, к чему все это нас приведет. Я уверен, что если вы молоды и не ведали другой жизни, то вы так и будете плыть по течению. Возможно, когда-нибудь вы сможете мне это объяснить.

До того, как моя сестра серьезно заболела, каждое воскресенье всецело посвящалось семье. Все мы, каждый член семейства Долтри, начинали день в церкви на Рейвенскорт-парк-роуд. Я пел в хоре. Я ведь уже говорил вам, что был маленьким ангелочком? Затем, после воскресной школы, мы отправлялись в Хануэлл колонной автомобилей, которую возглавлял папа на своем такси. Это был «Austin 12/4» с отделкой кузова от Strachan (Strachan & Brown, один из крупнейших производителей автобусных кузовов в период с середины 20-х до конца 60-х годов XX века. – *Прим. пер.*) Крыша сзади складывалась, что очень напоминало современный «Роллс-Ройс». Впереди восседал он, наш шофер. Рядом с ним за импровизированной дверью находилась мама – на сиденье, которое он прикрутил туда, где раньше был багажный отсек. Мы все сидели сзади, одаривая наших подданных королевскими приветствиями. Это было невероятно.

Где-то в окрестностях было местечко под названием Банни-парк, прямо под виадуком Уорнклифф в Хануэлле, где мы проводили весь воскресный день, играя в крикет, пока мимо проносились паровозы Большой западной железной дороги. Так, час за часом, проходили длинные летние дни, и все кузины, тетушки и дядюшки присоединялись к нам. Может быть, я вспоминаю только хорошие времена. Может, я приукрашиваю все, в точности как это делали мои родители. Наверняка у нас случались споры, но я их не помню. Говорили, что со мной проблем не напасешься. Я всегда замышлял какую-нибудь шалость. Что я точно помню, так это то, что мне приходилось бороться за все, чего мне хотелось. В те дни тебе ничего не

приносили на блюдечке с голубой каемочкой. На мой взгляд, это было не так уж плохо. Сомневаюсь, что моя жизнь сложилась бы так, как она сложилась, если бы я с младых ногтей не усвоил этот урок.

* * *

Мы жили в съемных комнатах в доме под номером 16 на Перси-роуд. Моя тетя Джесси и мой дядя Эд жили внизу с тремя моими кузинами – Энид, Брендой и Маргарет, самой младшей из них. Я, мама и этот странный человек в армейских ботинках, который оказался моим отцом, жили наверху. У нас было две спальни, гостиная и кухня, где стало тесновато, когда на свет появились две мои сестры. За кухней вниз по лестнице была общая ванная комната. Я был единственным мальчиком, который делил ванную комнату с двумя сестрами и тремя кузинами. Пять девочек против одного мальчика, так что мне пришлось научиться скрещивать ноги.

Мои тетя и дядя были убежденными лейбористами, и когда я стал постарше, нас, бывало, отвозили на социальные лейбористские уикенды в общественные центры, где стоял запах табачного дыма и было вдоволь пива. Я никогда не разговаривал с отцом о его политических взглядах. По идее, он тоже был лейбористом, но по неясным причинам он их ненавидел. Он называл их пустобрехами.

Кстати, мои кузины были очень смышлеными. Они без конца говорили о том, что сегодня узнали в школе, и я слушал их с открытым ртом. Как и большинство детей, я стремился к знаниям. Система еще не отбила у меня желания учиться. Энид рано стала следовать тенденциям моды. Она увлекалась битниками. Для меня все они были похожи на стариков с их вязаными мешковатыми пуловерами и неряшливыми бородами. А девчонки одевались, как Дорис Дэй. Они слушали традиционный джаз, который, конечно, был бодрее, чем группа Билли Коттона, звучавшая по радио каждое воскресенье в обед.

Энид и Бренда сдали все свои экзамены и поступили в университет. Понятия не имею, от кого им достались мозги. Это сбивает с толку. Другая сестра моей мамы, Лорна, вышла замуж за парня по имени Эрни, который работал электриком. У них было два сына, один из которых попал в Оксфорд, когда ему было четырнадцать лет. Они оба стали уважаемыми физиками-ядерщиками. Вы бы ни за что не догадались, что в моей семье есть физики-ядерщики, не так ли? Своему успеху мои

двоюродные братья и сестры обязаны системе средней классической школы Великобритании. Они были умным рабочим классом, поколением классической школы, которое отстроило Британию после войны и пробилось в люди. Они были наглядным доказательством того, что система работала. Но она работала для них, а не для меня. Думаю, больше я страдал не от образования как такового, а от необходимости быть как все. Во мне было больше бунтарского духа, чем в моих двоюродных братьях и сестрах. Я ненавидел, когда мне говорили, что делать. Хотя нет, я слукавил. Я был довольно счастлив, выполняя приказы в «Бригаде мальчиков». Я пел, сидя на плечах сержанта, и шагал туда-сюда по пляжу в строю. Я был рад придерживаться правил в начальной школе. На самом деле мне это нравилось. Я хорошо ладил с учителями, был лучшим среди одноклассников. Моей любимой частью дня была прогулка до моей школы имени королевы Виктории. Сколько детей могут сказать то же самое?

Мне приходилось носить короткие брюки, жилет и свитер. Этот чертов свитер стал единственной тучей на моем ясном синем небе. Он был сделан из шерсти. Речь идет не о приятной мягкой и удобной ягнячьей шерсти. На дворе было начало 1950-х годов, и это была грубая, колючая ужасная шерсть, то ли овечья, то ли конская. Казалась, надень я свитер из металлической мочалки для мытья посуды – кожа и то чесалась бы меньше. Мне годами приходилось носить этот свитер, и я возненавидел его всей душой. Когда мне было восемь лет, мама купила мне серую фланелевую рубашку, и это стало поворотным событием в моей жизни. Мама говорила мне, что я могу носить ее только два дня подряд, а потом ее нужно было стирать. Это значило, что мне пришлось бы вернуться к грубому, колючему проклятому свитеру. Поэтому я вставал в шесть утра, стирал рубашку, сушил и гладил ее, чтобы носить каждый день. Я был рабом моды. Или комфорта.

В течение последних трех лет начальной школы у меня был классный руководитель по имени мистер Блейк, и я любил его почти так же сильно, как эту фланелевую рубашку. Он учил меня истории, географии и всему тому, что мне было интересно. Он брал нас в школьные поездки, и мы с ним совершили много интересных открытий. Мы учились естественным путем, который является самым лучшим из всех. Он думал, что у меня есть потенциал. «Мальчик с широкими интересами, интеллектуальный, музыкальный и спортивный», – написал он в итоговом отчете за 1955 год. Может быть, из меня тоже мог бы получиться физик-ядерщик. Тем летом я сдал экзамен «11+» (экзамен, сдаваемый некоторыми учениками в Англии и Северной Ирландии по окончании начальной школы, который позволяет

выбрать учреждение для продолжения образования. – *Прим. пер.*) и «выиграл» место в школе района Актон[7]. Тогда же папа получил повышение по службе в Armitage Shanks, компании по производству сантехники, поэтому моя семья тоже понемногу выбиралась в высший свет. Мы переехали на две мили западнее, в утопающий в зелени отдельный дом номер 135 на Филдинг-роуд в Бедфорд-парке. У нас была своя собственная ванная комната, собственный сад перед домом и на заднем дворе. Это была настоящая мечта амбициозной семьи из рабочего класса. Что касается меня, мне было все равно. Я не хотела никуда ехать. Мне не хотелось терять своих друзей. Для меня эти две мили были все равно, что миллион световых лет. Мне казалось, будто мы переехали на Марс.

Глава 2. Вон из школы

Спустя неделю занятий в новой школе я понял, что все это было ужасной ошибкой. Все ученики были из таких районов, как Гринфорд и Райслип, где деревья были выше, трава зеленее, а тротуары шире. Эти мажоры из интеллигентных семей даже говорили как-то по-другому или попросту «задирали нос», как это называли мои друзья. Это был не просто другой акцент – это был другой язык. Я не понимал ни слова из того, что они говорили. Вдобавок все усугублялось тем, что на вид я был очень худой и странный. Я не преувеличиваю, я выглядел… своеобразно. Всему виной был один инцидент. Не тот, о котором я уже рассказывал, а другой. Это случилось за четыре года до того, как я поступил в среднюю школу. Мы проводили отпуск в летнем домике моей тети в Борнмуте. По соседству была строительная площадка – обычное дело для тех дней: столько домов разбомбили до основания. Людям негде было жить. Как только дом достраивали, семья сразу же въезжала, даже если остальные дома на улице еще не были закончены. Поэтому было нормально быть в окружении строительных площадок, играть на стройках. Я дурачился по соседству, вероятно играя в ковбоев и индейцев. В разгар игры я умудрился споткнуться о какой-то строительный провод и приземлился прямо на свою челюсть.

Мама отвезла меня в больницу, там меня смотрели и сказали, что все в порядке. Я не знаю, почему с больницами повторяется одна и та же история. Они всегда осматривают источник проблемы, а затем говорят: «Все в порядке». Домой я вернулся с мыслями, что это была ложная тревога. Через несколько часов моя челюсть опухла. Следующие пару дней каждый раз, когда мы выезжали из дачного домика, я отказывался выходить из папиного такси, потому что на моем фоне человек-слон выглядел бы как Фрэнк Синатра. Все на улице таращились на меня, и я просто сидел взаперти, жалея себя.

Мне становилось только хуже. Челюсть опухала все сильнее и сильнее и вдобавок начала пульсировать к тому времени, как мама отвезла меня обратно на операцию. Пока мы ждали доктора, кое-что случилось. Откуда ни возьмись в помещении появился ужасный запах. Люди принялись осуждающе смотреть друг на друга. Кто мог быть настолько безрассудным, чтобы «пустить голубя», находясь в приемной? «Это не я», – читалось в моих глазах, когда все уставились на меня. Но потом и я это почувствовал. Моя рубашка, моя прекрасная фланелевая рубашка вся промокла, потому что нарыв на моей челюсти лопнул. На этот

раз меня отправили на рентген, и выяснилось, что у меня в трех местах была сломана челюсть.

Я рассказываю вам эту историю по двум причинам. Во-первых, чтобы вы могли представить, что каждый раз, переступая порог Актонской средней школы, я обращал на себя внимание, словно большой палец, по которому заехали молотком. Во-вторых, после того, как моя челюсть выздоровела, я больше не чувствовал боли, когда меня били по лицу. Наверное, это очень важно. Если бы я пошел по жизни со стеклянной челюстью, все могло бы сложиться иначе.

В школе, где большую часть составляли щеголи из высшего общества, которые ожидали, что в первые годы обучения ты будешь их мальчиком для битья, последнее, чего бы вам хотелось, – это выделяться среди остальных словно набухший палец. Очень быстро и весьма предсказуемо я стал мишенью для насмешек. Мне дали прозвище Трог (пещерный человек (англ.). – *Прим. пер.*), которое до сих пор преследует меня. Любимым занятием старшеклассников было подвесить меня к проволочной ограде, окружавшей игровую площадку. Они заставляли меня держаться за нее руками, а потом поднимали мои ноги, чтобы я оказался в горизонтальном положении. А затем, когда мои руки уставали, – бац! Я падал. Ох, как им это нравилось. Я никогда не чувствовал себя таким ничтожным.

Вскоре я начал прогуливать уроки и просто ошивался то тут, то там целый день. Бывало, я часами бродил туда-сюда по прибрежному парку Дьюкс Медоус, вечно голодный и отчаянно одинокий. На берегу реки было красиво: дикая природа, зелень и свежий воздух, но я думал, что если жизнь действительно такова, то я не хочу жить в этом мире. Я был близок к мысли о самоубийстве. Думаю, все усугублялось еще и тем, что годы учебы так сильно отличались от моего счастливого дошкольного детства.

Те дни кажутся такими далекими. Это было шестьдесят с лишним лет назад. Но я до сих пор помню один день, словно это случилось вчера. Это была пятница, конец длинной недели. На перемене я находился на детской площадке, пытаясь чем-то себя занять, чтобы не выглядеть таким одиноким. Я представил свое будущее и вдруг осознал, что впереди меня ждали долгие годы такой жизни. Страданиям не было конца. Я вышел из школы и направился к дому, чувствуя себя совершенно опустошенным. Дома никого не было. Я нашел снотворное моей мамы и просто сидел, глядя на бутылку. Затем я принял четыре или пять таблеток. Мама с папой потом все не могли взять в толк, почему я проспал сорок восемь часов. Вероятно, они подумали, что это

просто часть взросления.

Вдобавок общение с учителями не складывалось. Там не было мистера Блейка. Единственным, кто мне нравился, был мистер Гамильтон, наш преподаватель по труду. Учитель математики терпеть меня не мог, потому что я ненавидел математику. Я просто не мог затолкать ее в свой мозг. Для меня остается загадкой, почему нельзя просто выяснить, какие дети хорошо разбираются в математике, и позволить им заниматься ей, а остальных оставить в покое. Дико, что мы до сих пор не разобрались с этим. Очевидно, в жизни пригодится умение складывать цифры, но я и без того мог это сделать. Как еще, по-вашему, мне удалось выяснить, на сколько нас нагрели, когда The Who начали зарабатывать хорошие деньги в 1970-х? Но алгебра, тригонометрия, синусы, косинусы, тангенсы и все такое? Умоляю! Каждый должен заниматься своим делом.

Наш классный руководитель, мистер Ватсон, презирал Элвиса. Как вообще можно презирать Элвиса? У меня был один и тот же учитель английского на протяжении трех лет, и все, что он делал, это бросал нам учебник в начале каждого урока, зажигал трубку, закидывал ногу на ногу и читал газету «Racing Post»[8]. Он ничему нас не научил. Еще была учительница музыки, миссис Боуэн. Она просто хотела научить нас обращаться с точками и черточками на нотном листе, и это ничего для меня не значило. Вот так пишут хорал в стиле Баха, это восьмая нота, это четвертая нота. Это то, это се. Я не мог этого вынести. Где музыка? И знаете, что она мне отвечала? Она говорила мне, что я никогда не смогу зарабатывать на этом.

Все, чего я хотел, это чтобы меня оставили в покое вместе с гитарой. Летом 1956 года я познакомился с гитарой, и с того самого момента, как я сыграл свой первый аккорд, я был полностью сосредоточен на ней. В этом-то и заключалась главная проблема со школой. Я мог сосредоточиться на чем-то, если бы захотел. Я мог сделать что угодно, если бы захотел, но школьная система пресекала любую свободу. Вы должны были смирно сидеть в классе, следовать глупым правилам. Вы должны были делать, что вас попросят и когда вас попросят. Я был сыт этим по горло. Я терпел это дерьмо целый год, терпел притеснение в классе и издевательства за его пределами, прежде чем нашел в себе силы дать отпор. Однажды утром на обеденном перерыве один из хулиганов направился ко мне с недобрыми намерениями, но я схватил стул и со всей силы врезал ему. После этого они отступили. Этот стул поменял ситуацию на сто восемьдесят градусов.

Не думаю, что я сам превратился в хулигана. Я научился

защищаться и отныне не мирился с дерьмом, но сам никогда целенаправленно не искал неприятностей на свою пятую точку. Хотя, кажется, у Пита сложилось другое мнение на этот счет. По его рассказам, в Актоне я дрался с одним китайцем на год младше меня. Клянусь, в школе не было ни одного китайца. Знаете, я ведь правда очень миролюбивый парень, и, полагаю, что искренний тоже. Но в те дни мой характер был довольно переменчив. Мой предохранитель, отвечавший за ситуации «дерись или убегай», был короче члена колибри, и я всегда выбирал драку. Энергии у меня было хоть отбавляй, поэтому, когда я приходил в ярость, казалось, будто взорвалась бомба. Как только я чувствовал, что кто-то собирается на меня напасть, первый удар был за мной. Когда до окружающих это дошло, они оставили меня в покое, а если кто-то все же лез на рожон, то обычно он получал свое и заслуживал этого.

* * *

Единственной дракой, в которой я выступил зачинщиком, была драка, о которой я сожалею до сих пор. Мне тогда было четырнадцать лет, время, когда я еще искал свое место в мире крутых парней. Мы с другом устроили небольшую потасовку в комнате отдыха. Начиналось все безобидно, но потом он начал задирать меня, приговаривая, что я сейчас огребу. Я потерял контроль. Красная пелена застелила мои глаза. Прежде чем я сообразил, что творю, я перепрыгнул через скамейку и начал мутузить его руками и ногами. Я чуть было не убил его и тут же пришел в ужас от этой мысли. Самое скверное, что мой кореш дружил с бандой под названием «Актонские пижоны». Это были настоящие бандиты, которые наводили ужас на весь район, а не только на нашу школу. Они пришли из Актон-Лейн, из микрорайона Вейл по другую сторону железнодорожной линии British Light Steel Pressings[9]. Этой линии уже давно нет, но тогда она была своеобразной Берлинской стеной в культуре группировок западного Лондона 1950-х. Мне приходилось пересекать линию всякий раз, когда я навещал своих друзей. И вот теперь выяснилось, что парень, которого я избил до полусмерти, был членом той банды. Просто чудесно.

Он рассказал своим друзьям, что я избил его, и теперь я был в их черном списке. Они собирались отомстить и сделали это раньше, чем я предполагал. В воскресенье после драки я ошивался в районе Илинг-Коммон, наблюдая, как мои друзья играют в футбол. Сам я не очень хорошо играл, мне просто

нравилось смотреть, отпускать шуточки и смеяться. Не успела закончиться первая половина матча, как семеро парней из «Актонских пижонов» обступили меня. Среди них был Джонни Крафт, бондарь из пивоварни Fuller's, и братья Уильямс из Актон-Лейн. Они якобы хотели немного поболтать. Бежать было ни в коем случае нельзя. Если убежишь, они ринутся в погоню. Если вздумаешь бежать, то ты труп.

Что еще важнее, бегун из меня был так себе. Меня обступили кольцом, и маленький Джонни Крафт (он был моего роста, но работал бондарем, поэтому был крепким парнем) сказал: «Ты избил нашего приятеля». «Я знаю, – ответил я ему. – Мне очень, очень жаль». Я сказал так не только потому, что мне было очень-очень жаль, но и потому, что их было семеро. Мои извинения не тронули Джонни. Он объявил, что теперь настал мой черед платить по заслугам, и начал бить меня. Я отказался дать отпор, потому что единственное решение более абсурдное, чем попытаться бежать, было начать отбиваться. Они только этого и ждали. Это дало бы им право навалиться всей кучей. Итак, разгневанный Джонни достает здоровую деревянную дубинку и начинает меня ею дубасить. Его дружки подначивали меня ответить, и в ужасающий момент очумелого прозрения я понял, что у меня нет выбора. Пассивное сопротивление не сработало. Я ударил его по лицу, и его нос тут же взорвался фонтаном крови. Его приятелей это невероятно взбесило. «Дерьмо», – подумал я про себя. Почему я не мог ударить его в менее «кровавое» место? Почему я просто не пнул его по яйцам? Круг смыкался, и я оказался лицом к лицу с Микки Дигнаном, который бы не нуждался в моем представлении, если бы вы имели хоть какое-то представление об «Актонских пижонах». Он имел скверную репутацию пыряльщика и, подтверждая все слухи, вытащил перочинный нож, так что теперь у меня были реальные проблемы. Покойся с миром, Роджер Гарри Долтри. Ушедший из жизни задолго до своего расцвета.

И все это происходило из-за того, что я сорвался в комнате отдыха в прошлую среду. Через десять минут мне на выручку пришли старшие парни, игравшие в футбол на другом поле, хотя я нисколько не возражал, если бы они подоспели пораньше. Они заметили, что происходит, и сказали, что семеро против одного это нечестно. Пижоны из Вейла отступили. Микки убрал свой перочинный ножик и предостерег меня, чтобы отныне я был начеку.

Не знаю, как бы я справился со всем этим, если бы не начал встречаться с Барбарой Мейсон. Барбара была моей первой подругой, и она была красивой, прекрасной девчонкой. Слишком

хорошей для меня. Я привлек ее внимание, потому что пел в группе. Она жила в одном из панельных домов восточного Актона, спешно возведенных правительством в попытке разрешить жилищный кризис, и единственным способом добраться до нее было пройти мимо жилища Микки Дигнана. В этом возрасте, да и в любом другом тоже, вы бы пошли на все, чтобы добраться до дома своей девушки, особенно если она была на год старше вас и на несколько дюймов выше. Так что в разгар лета мне пришлось носить стоячие воротники и дурацкие шляпы, просто чтобы добраться до Барбары в целости и сохранности. Я должен был развить в себе осторожность испуганного кролика. Для пущего эффекта я всем растрезвонил, что ношу с собой топор. Топор с образом кролика не вязался, но мне верили. Все дело было в имидже, который, как я полагаю, сослужил мне хорошую службу, когда я стал фронтменом The Who.

* * *

1 марта 1959 года, в день, когда мне исполнилось пятнадцать лет, меня вытурили из школы. Наверное, этого следовало ожидать: меня регулярно ловили за курение и прогулы. В классе я прослыл бунтарем, потому что хотел, чтобы учителя просто оставили меня в покое. К тому же я был неофициальным школьным портным, и это, пожалуй, бесило их больше всего. Я брал шиллинг за «обновление» школьной униформы. У мамы была швейная машинка, с которой я весьма хорошо умел обращаться. Я до сих пор собственноручно штопаю свои джинсы. Клиенты приносили мне нечто похожее на серый бесформенный мешок, а уходили с ровными прямыми брюками. К курткам я пришивал изящные значки по последней моде конца 1950-х.

В «Ателье Роджера Долтри» всегда не было отбоя от клиентов, что наверняка приводило в бешенство руководство школы. Я в буквальном смысле латал дыры в школьной системе.

Последней каплей стала стрельба из пневматического оружия, к которой я не имел никакого отношения. Вот что случилось, ваша честь. Во времена моего детства мы смотрели много фильмов о войне, поэтому любили изображать из себя солдат. У нас было пневматическое оружие. Оно не было особо мощным – пульки едва долетали из одного конца комнаты до другого, но я уверен, что сегодня у поборников безопасности нашлось бы, что сказать об этих игрушках, и, возможно, они оказались бы правы. Но, как я уже сказал, мы были детьми, к тому же я ненавидел правила, а одно из правил гласило: никакого

пневматического оружия в школе.

Разумеется, я был просто обязан пронести свой пневматический пистолет в школу.

Мы дурачились в раздевалке после футбола, и мой приятель, а не я, выстрелил из моего пневматического пистолета. Пулька отскочила от стены и угодила другому парню в глаз.

Вероятность такого выстрела была один к миллиону. Поднялась адская шумиха, и, разумеется, поскольку пневматический пистолет был моим, всех собак спустили на меня. Это было достаточно справедливо: если бы я не взял его в школу, ничего не случилось бы. Но это не я нажал на курок. Парень, который стрелял, вышел сухим из воды, а я получил «шесть горячих» ударов по голой заднице. (В начале XX века в школах было нормой применять телесные наказания к ученикам за дурное поведение. Для этих целей учителя использовали короткую бамбуковую палочку, которой били по открытой ладони или по ягодицам провинившегося. Число ударов варьировалось в зависимости от тяжести проступка, и шесть ударов было разрешенным максимумом. Таким образом, получить «шесть горячих» значило понести самое тяжелое наказание. – *Прим. пер.*) После такой порки этого учителя следовало бы обвинить в сексуальном насилии. Самое плохое, что мой приятель ослеп на один глаз. Именно после этого случая директор школы, мистер Кибблвайт, вынес решение исключить меня. «Мы не можем контролировать тебя, Долтри, – сказал он. – Ты исключен». Когда я выходил из его кабинета, он кинул мне на прощание: «Ты никогда ничего не добьешься в жизни, Долтри».

«Большое спасибо, мистер Кибблвайт», – подумал я.

Итак, в день своего пятнадцатилетия я должен был прийти домой пораньше и сообщить родителям печальные новости. Они были опустошены. Мне кажется, что все действительно могло закончиться серьезной дракой между мной и папой. Он вовсе не был жестоким человеком, но в тот день он был зол как черт. Я просто не понимал, в чем была проблема. Со мной все в порядке. Если бы кто-нибудь объяснил, что школа в первую очередь для меня, а не для учителей или системы, и что есть причины, по которым я должен придерживаться этих правил, то все сложилось бы иначе. Но никто со мной об этом не разговаривал. Я был доволен жизнью, пока мне не исполнилось одиннадцать лет, а затем мне пришлось пойти в эту школу. Мне казалось, что меня наказывают. Мне никогда не приходило в голову, что ходить в школу – это полезное занятие. Я думаю, что так оно и было.

В первой школе передо мной стояла цель как можно лучше сдать экзамен «11+». И я блестяще справился с этой задачей. Но

в следующей школе вообще не было никакой цели. Поэтому, когда появилась рок-н-ролльная музыка, она стала моей целью. Я решил, что буду заниматься этим. У папы на этот счет были другие планы. Закончив орать, он отправил меня прямо в службу занятости, и я неделю отработал на стройке.

* * *

Если бы не Элвис, я бы жил жизнью простого работяги. Но когда я впервые увидел Элвиса, в двенадцать или тринадцать лет, я понял, чем хочу заниматься. Конечно, Элвис был Элвисом. Элвис-Пелвис (одно из популярных прозвищ Элвиса Пресли. – *Прим. пер.*). Король рок-н-ролла. Недосягаемая вершина для мальчика из Шепердс-Буш. Никто не мог быть как Элвис, хотя мы все думали, что можем выглядеть, как он. Нам был не по карману бриолин, чтобы зачесать волосы назад в стиле Короля, но мы добивались неплохих результатов с помощью мыла.

Но затем появился Лонни Донеган и перевернул мой мир в ту же секунду, как я увидел его в нашем маленьком черно-белом телевизоре в марте 1957 года. Лонни не был похож на Элвиса, он носил смокинг и галстук-бабочку, что было совсем не круто. Но он пел аппалачскую народную песню под названием «Cumberland Gap». Несмотря на то, что я не понимал, о чем там шла речь, она тронула меня. Музыка Лонни была первозданной. Я почувствовал дрожь. Тогда я еще не знал, как это называется, но недавно я прочитал статью об этом. Ученые из Университета Восточного Вашингтона изучали реакцию людей на музыку. Две трети из нас испытывают сильную эмоциональную реакцию на неожиданные стимулы, особенно на музыку. Если вы погружены в музыкальную пьесу и «открыты для переживаний», у вас больше шансов испытать эту дрожь. Именно так я всегда относился к музыке. Так было, когда я слушал Лонни, и точно так же было каждый раз, когда я пел перед аудиторией. Я не просто пою – я чувствую. Если повезет, то зрители не просто будут слушать, но прочувствуют музыку на каком-то глубинном, первобытном уровне.

Еще до Лонни и его скиффл-группы музыка начала претерпевать изменения. Я помню, когда мне было около шести, на дневных шоу начали ставить больше американской музыки. Мой дядя играл на барабанах в небольшом джаз-бэнде, и он души не чаял в Хэнке Уильямсе. Это был первый раз, когда я услышал кантри. Но когда я открыл для себя Лонни, который исполнял все эти народные песни, такие как «Bring A Little Water, Sylvie» и «The Midnight Special», все стало по-другому. В его выступлении был

свой шарм. Когда Лонни запрокидывал голову и выл, я подумал, что именно это мне и нужно. Я понимал, что Элвисом мне не стать, но неплохо подражать Лонни мог даже я. Лонни был менее контролируемым, более приземленным, и меня это устраивало. Именно после этого, вдохновленный традициями скиффла, я в возрасте двенадцати лет решил смастерить свою первую гитару.

Чтобы достать все необходимое, я должен был устроиться на летнюю работу, что тогда было в порядке вещей для ребят моего возраста. Мне удалось получить место в прачечной. Я начинал с самой нижней ступени карьерной лестницы – разгружал корзины с бельем. Черт возьми, я не мог поверить, в какой грязи жили некоторые люди. После одной из самых долгих недель моей двенадцатилетней жизни, в момент, когда я пытался не дышать через нос и сдерживать рвотные позывы от запаха только поступившей порции белья, босс сказал, что повышает меня. Повышение? Так я и поверил. Меня перевели к стиральным машинам. Работа состояла в том, чтобы доставать из машин мокрые, только что вымытые простыни, которые весили целую тонну, и расправлять их. Я должен был поспевать за женщинами, которые занимались глажкой, а они были на сдельном окладе. Скармливать этим женщинам распутанные простыни было одним из самых тяжелых занятий в моей жизни.

Да уж, я заплатил за эту гитару высокую цену, но к концу лета у меня было достаточно денег, чтобы купить необходимый для начала работы материал. При этом я ориентировался на очень дешевый инструмент, который мне одолжил один из коллег папы. С натяжкой это можно было назвать испанской гитарой. Я вырезал корпус из фанеры и согнул по бокам более тонкие кусочки. Я понятия не имел, как прикрепить корпус к грифу, но каким-то чудом у меня это получилось. Затем я обследовал мастерские Хаммерсмита по ремонту музыкальных инструментов на наличие проволоки для ладов, креплений, колков и мало-мальски приличного бриджа. После многочисленных усилий и экспериментов мне удалось создать нечто, что можно было назвать гитарой. По крайней мере это выглядело как гитара и имело такое же устройство. Временами мой инструмент даже звучал как гитара, и этого было достаточно.

Я играл каждую свободную минуту, дарованную мне Господом (и моими надоедливыми учителями), и даже немного чаще. Удивительно, как можно увлечься чем-нибудь, если тебя не мучают тригонометрией. «Гитара» была больше похожа на терку для сыра, прикрепленную к куску дерева, поэтому мои пальцы ужасно кровоточили, но через пару недель я освоил три аккорда, с помощью которых можно было играть почти все, что крутили по

радио. Через пару недель после этого я отыграл свой первый концерт, совместив образ Лонни с прической Элвиса. Концерт был в молодежном клубе, и я нисколечко не нервничал. Я просто поднялся на сцену и без промедлений начал играть «Heartbreak Hotel».

Если вы спросите, откуда у тощего мальчика, пришибленного тяжким грузом школьных проблем, взялась уверенность предстать перед людьми с гитарой из фанеры и выступать, то я вряд ли смогу это объяснить. Это и тогда казалось странным, и до сих пор я сам не до конца понимаю, как у меня все это получилось, но я выжил и моя гитара тоже. Правда, через неделю она сломалась пополам. Мой небольшой просчет в дизайне сулил мне большие неприятности, потому что теперь я играл в группе. Не совсем группа в привычном понимании – скиффл-группа. Я начал играть в скиффл-группе, и моя фанерная гитара развалилась через шесть недель. На помощь пришел мой дядя Джон, который работал плотником в Бедфорд-парк. Он наблюдал, как усердно я пытался смастерить первую гитару, и теперь собирался помочь мне со второй. На этот раз мы как следует соединили гриф с корпусом, который, к тому же, был отполирован по-французски. Высота струн была комфортнее. Интонация все еще была далека от идеала, но мне нужно было сыграть лишь три волшебных аккорда. Гитара выполняла свою работу и, самое главное, не треснула пополам через шесть недель. На самом деле она продержалась почти три года. И с тех пор, каждый раз, когда у меня было свободное время, я всюду ходил с этой гитарой, болтавшейся у меня на шее.

За пределами школы жизнь была в порядке. С родителями я общался мало. Когда я не репетировал с группой, то тусовался со своими друзьями из Шепердс-Буш и старшим двоюродным братом Грэмом Хьюзом. Он не был одним из будущих физиков-ядерщиков. Ученик художественной школы, он стал успешным фотографом и создал множество обложек альбомов для The Who и моих сольных проектов. Куда важнее, что у него в распоряжении было много разных пластинок. Он познакомил меня с рок-н-роллом. От Лонни я перешел к Литл Ричарду и к пятнадцати годам уже был готов сделать свою первую электрическую гитару. Я собирался стать рок-звездой, хотя на пути меня поджидало несколько препятствий.

Глава 3. Годы скиффла

Через неделю после того, как меня вытурили из школы в Актоне, я устроился на должность помощника электрика на стройке неподалеку от дороги. Это был более осознанный выбор карьеры, чем могло показаться на первый взгляд. Будучи помощником электрика, я с легкостью мог приобрести навыки и прикарманить материалы, необходимые для конструирования электрогитары. И это было прекрасно. Наконец, я был на свежем воздухе, вдали от математики и наблюдал за неудачниками, которые ходили в школу, пока я жил царской жизнью.

Боюсь, я слегка преувеличиваю.

Я зарабатывал два фунта в неделю. Большую часть забирала моя разъяренная матушка, но у меня оставалось достаточно денег на сигареты. Детям они продавались по пять штук. Сейчас нам даже представить такое страшно, правда? Проблема заключалась в том, что я был помощником электрика, а помощник электрика не выполняет работу электрика. Все, что я делал, это сгибал трубы, через которые проходили электрические провода.

Вскоре я понял, что это работа не электрика, а чертового сантехника. Когда вы делаете электрогитару, вам точно не нужно знать, как сгибать чертовы трубы. Вдобавок ко всему за окном стоял март, и на свежем воздухе было чертовски холодно. Через шесть месяцев я уволился, вернулся в агентство по трудоустройству и попросил другую работу. В те дни еще можно было так делать. Парень за столом посмотрел на последний отчет из школы (мрачное, должно быть, чтиво) и в конце концов сказал: «Ты явно умеешь работать руками. Сходи на завод по обработке листового металла в Южном Актоне. Они ищут чайного мальчика». Чайного мальчика? Интересно, а что это? Насколько хорошо нужно работать руками, чтобы суметь подать чашку чая? Однако я сделал то, что мне сказали, потому что увидел некий потенциал во всем этом чаепитии. В конце концов, на заводе листового металла будет металл, не так ли? Наверняка и инструменты там тоже есть. Если повезет, я смогу стать чайным мальчиком, который будет делать электрогитару, пока никто не видит. Поэтому я отправился в Chase Products, фабрику, которая специализировалась на изготовлении компьютерных корпусов, чтобы представить себя в качестве нового специалиста по чаю. «Фабрика» было слишком громким словом применительно к этому месту. Это был видавший виды сарай с большими старыми котлами, которые нам приходилось разжигать каждое утро и весь день топить коксом (твердое топливо, получаемое путем

прокаливания каменного угля без доступа воздуха. – *Прим. пер.*). Я словно попал в роман Диккенса. С той лишь разницей, что наш сарай был построен из асбеста.

Заправлял процессом старый Фрэнк Альтман, начальник цеха, который по какой-то причине проникся ко мне симпатией. Я и глазом моргнуть не успел, как стал чайным мальчиком-подмастерьем, зарабатывая царскую сумму в четыре фунта десять пенсов в неделю, продавая чай и бутерброды сварщикам и другим работягам.

Работа была связана с некоторой ответственностью. Каждый хотел чего-то другого. Четверть сыра, бутерброд с ветчиной, рулет с беконом. Если ошибешься, то расстроишь сварщика, а лучше этого не делать, потому что другой задачей чайного мальчика было шлифовать сварку. Если сварщик был расстроен, шов получался грубым и неровным – с таким было непросто работать. Но если вы учли все пожелания и сварщик оставался доволен, сварка была гладкой, а вы получали чаевые. Я принимал заказы в начале смены, а затем заходил в какой-нибудь «Магазинчик дядюшки Марко» на углу и покупал все, что мне было нужно. В магазинчике к тебе всегда относились хорошо, потому что твой визит приносил им выгоду. Это была беспроигрышная ситуация.

После месяца чаевых и бесплатных бутербродов я решил, что могу улучшить свое положение. Мне надоело затариваться у Марко. Если я достану булочки из пекарни, ветчину у мясника и сыр в магазине на углу, то смогу сделать свои собственные чертовы бутерброды в кладовке за домом. Они будут свежее, чем у Марко, и я смогу извлечь из этого прибыль. Я организовал свой маленький бизнес, и все ребята были счастливы, потому что «Бутербродная Долтри» получилась даже более профессиональным предприятием, чем «Ателье Долтри». Я был довольно ушлым предпринимателем. После обеда я снимал с себя обязанности чайного мальчика и принимался работать напильником. Мы делали системные блоки для компьютеров размером с грузовик. Конечно, Apple тут и не пахло. Проектирование нельзя было назвать точным. Работать напильником приходилось очень много. Я шлифовал куски металла, а сварщики сваривали их вместе. Залог успеха заключался в следующем: шлифовать надо было так, чтобы ваш сварщик остался довольным, что, как мы уже обсуждали, было ключом к счастливой жизни.

В прошлом я говорил, что время, проведенное в Chase Products, в этом сарае с асбестовым покрытием в Южном Актоне, было самым счастливым в моей жизни. Однако в то же время мне

не терпелось убраться оттуда. Оглядываясь назад сейчас, я думаю, что и то и другое было правдой. Это была тоскливая, монотонная и рутинная работа: смена, перерыв на чай, перерыв на обед, потом домой. Все было структурировано. Жизнь была простой и невинной.

Одна из проблем рок-бизнеса заключается в том, что вы никогда не знаете, что вам подкинет судьба. Те несколько лет моей молодости на фабрике были последними, когда в моей жизни хоть что-то было отдаленно предсказуемым. Работать здесь было в радость из-за одной маленькой детали – мы пели. Мы пели ежедневно, целые дни напролет, сводя начальника с ума. Он запрещал нам слушать радио, и я рад этому, потому что тогда мы бы не пели. Представить не могу, как бы все сложилось без этого. Там работали молокососы вроде меня и старшие ребята, многие из которых недавно вернулись из Кореи и войны в Малайе. У нас был подростковый страх, а у них – военный невроз, и мы уживались вместе благодаря песням. Один из парней из малярной мастерской мог блестяще исполнять Синатру и Нэта Кинга Коула. Он был просто великолепен. У него была идеальная подача, поэтому я пел вместе с ним, пока у меня тоже не начало получаться идеально. Мы исполняли весь репертуар The Everly Brothers. У нас был настоящий парикмахерский квартет в этом сарае (стиль популярной вокальной музыки, возникший в начале 1900-х годов в США. Представляет собой ансамбль из четырех, не сопровождаемых инструментами мужских голосов. Название обусловлено тем, что исторически стиль образовался из любительских собраний певцов, которые зачастую проходили в помещении местной парикмахерской. – *Прим. пер.*).

В 1968 году The Who выступали в «Голливуд-боул», и на афишах наше имя стояло рядом с The Everly Brothers. Я не мог дождаться встречи с ними. Все эти годы мы пели их песни, и вот теперь нам предстояло выступить с ними на одном концерте. Это стало бы большим событием в моей жизни… Я мог бы даже рассказать им о парикмахерском квартете, который мы устраивали в жестяном сарае Южного Актона. Но, увы, этого не произошло. Мы отыграли свою программу, Кит и вся его барабанная установка улетела в «ров» между сценой и аудиторией, а Бобби Придден, наш звукорежиссер, выпустил несколько военных дымовых шашек во время «My Generation». Когда пыль осела, мы услышали вой сирен. Мы подняли на уши половину пожарной охраны Лос-Анджелеса, которая приехала с внушительным подкреплением полиции. Бобби отвезли в тюрьму и отпустили только после того, как прочитали ему длинную лекцию об опасности пожаров в засушливых районах. Остальных

отправили паковать чемоданы. Выступления The Everly Brothers я так и не увидел. Мне даже не удалось встретить их за кулисами.

В начале 1960-х сама идея выступить на одной сцене с The Everly Brothers звучала безумно. Но мне нравились наши экспромтные концерты на фабрике. Это нельзя было назвать рок-н-роллом, но у нас был довольно неплохой ритм благодаря импровизированным барабанам из молотков, прессов и гильотин. Печально, что сегодня больше никто не поет. В былые времена пели все и всюду. Вы могли идти по дороге и слышали, как поют на стройках, дорожных работах, в гаражах – везде. Когда ты поешь, ты счастлив. Пение меняет ваш мозг – оно снижает кортизол и увеличивает уровень эндорфинов и окситоцина. Некоторые люди принимают наркотики, чтобы добиться такого же эффекта. Почему бы вместо этого просто немного не попеть? А петь в компании еще лучше. Ученые, а не музыканты, обнаружили, что наши сердечные ритмы синхронизируются, когда мы поем вместе. Не обязательно даже быть хорошим певцом. Не верите мне? Тогда я отсылаю вас к известному докладу Шеффилдского университета 2005 года: «Влияние группового пения и выступлений на людей из маргинальной среды и представителей среднего класса».

«Эмоциональные эффекты участия в групповом пении одинаковы, независимо от уровня подготовки или социально-экономического статуса, – говорится в этом исследовании, но это еще не самое интересное… – Однако межличностные и когнитивные компоненты пения в хоре имеют разные значения для людей из маргинальной среды и среднего класса. В то время как маргинальные люди, по всей видимости, полноценно испытывают каждый аспект хорового пения, певцы из среднего класса сосредоточены только на социальном аспекте музыкального опыта». Я думаю, будет справедливо сказать, что наша веселая группа ветеранов и юных сорванцов больше вписывалась в категорию «маргиналов». Разумеется, мы не были выходцами из среднего класса. Таким образом, угнетенные массы получали больше пользы, чем зазнайки, которые остались в Актонской школе.

Последний раз я слышал, как кто-то поет на работе, когда был на Майорке пару лет назад. Я шел вверх по горе, чтобы немного размяться. На полпути я прошел мимо фургона строителя, возле которого пара испанских парней разгружали мешки с цементом. Это был ужасно жаркий день конца августа, и один из рабочих выглядел ужасно взбешенным из-за своей тяжкой доли, но он кивнул на мое приветствие, когда я проходил мимо. Немного позже, когда я спускался с горы, они выгружали

последние мешки с цементом, а тот парень, что выглядел взбешенным, стал намного радостнее. Затем он сделал глубокий вдох и начал петь наш сингл 1970 года «Substitute».

«Я родился с пластиковой ложкой во рту, – пел он с сильным испанским акцентом. – Северная сторона моего города была обращена на восток, а восточная – на юг… ля-ля-ля». Я покатился со смеху, когда услышал его. Это было просто великолепно. Парень в свою очередь тоже засмеялся. Я уверен, что после этого он почувствовал себя намного лучше.

Как вы помните, я торчал в сарае не только ради пения. Я был там ради гитары номер три. Я был нацелен на «Fender», или на что-то похожее, или даже не очень похожее. Я слышал, как Бадди Холли играет на «Fender», и даже на нашем маленьком черно-белом телевизоре звук, который она издавала на песне «That'll Be The Day», был просто потрясающим. Конечно, я не мог себе позволить «Fender» – цена была астрономической. Такая гитара стоила больше, чем крыло самолета. Только Бадди Холли она была по карману. Я решил сделать гитару сам. Однажды днем, приготовив чай, раздав бутерброды, отшлифовав шкафы, я закончил смену и поехал на метро на Чаринг-Кросс-роуд, чтобы воочию увидеть «Fender Stratocaster», который висел в витрине музыкального магазина. Как же здорово Лео Фендер все продумал… Он сделал углубление на задней части гитары, чтобы она органично сидела на бедре музыканта, словно сшитый на заказ костюм. Я осознал это, рассматривая гитару через витрину. Сделав все нужные измерения, я помчался домой. Я купил два куска красного дерева, и теперь, когда в моем распоряжении были ручные пилы и тиски, я мог соединить два этих куска вместе. У меня также был друг, который работал в мастерской Burns Guitars на Актон-Лейн, и с горем пополам некоторые из звукоснимателей и других гитарных запчастей перебрались из его сарая в мой сарай. Довольно сложно объяснить наличие деревянной стружки на полу фабрики по производству листового металла, но никто не задавал мне лишних вопросов.

Через неделю у меня появился собственный ярко-красный «Fender». Он был на голову выше моей запатентованной складной фанерной гитары, но в конструкции все еще присутствовал один серьезный недостаток. Когда я измерял гитару, то не учел, что стекло витрины все немного увеличивало. Мой «Fender» был чуть больше, чем «Fender» Бадди Холли. Из-за этой небольшой разницы моя гитара весила целую тонну. Звучала она тоже не как «Fender», но тем не менее звук был неплохой. Одним прекрасным вечером в 1957 году, когда я пел «Heartbreak Hotel» в местном молодежном клубе, после выступления со мной захотела

поболтать компания ребят. Пение как по волшебству окружало тебя друзьями, и некоторые из этих друзей хотели сколотить свою группу. Если вас интересуют судьбоносные моменты, маленькие события, которые направили мою жизнь в определенное русло, то, вероятно, это был один из них. Меня осенило: петь это весело, музыка помогает заводить друзей, я хочу быть в группе. Гарри Уилсон, который был моим лучшим другом с первых дней в начальной школе, стал барабанщиком. Здоровяк Реджи Чаплин вызвался играть на бас-корыте (струнный инструмент, используемый в американской народной музыке, в котором в качестве резонатора выступает металлическое корыто. – *Прим. пер.*). Ян Муди играл… не могу вспомнить, на чем он играл. Может быть, на стиральной доске? Его основной работой было просто стоять с нами и выглядеть круто. Он был лицом всего района – и это давало преимущество нашей группе. Уже тогда имидж играл огромную роль. Поэтому он стоял с нами и выглядел круто, лабая на кухонном оборудовании, которое он позаимствовал в доме своих родителей. Его старший брат был королем всех пижонов в Шепердс-Буш, и Ян донашивал его одежду. Когда он вырастал из нее, эти обноски получал я.

В годы моей юности наша скиффл-группа была смыслом всей моей жизни за пределами школы. Затем, когда меня исключили, она стала моей жизнью за пределами фабрики, и на этот раз я относился к этому делу еще серьезнее. Мы перешли от скиффла к самым примитивным версиям громких хитов. Мы сыграли небольшое попурри Литл Ричарда с «Lucille» и «Tutti Frutti». Это хороший пример того, как рок-н-роллу удалось пронести горячие темы мимо цензуры. В этой строчке сквозит секс: «A whop-bop-a-lubop a whop bam boom!». Не сказать, чтобы это было завуалированно, но мужчины в костюмах на Би-би-си думали, что речь шла о мороженом. Любой подросток на планете скажет, что это не так. Рок-н-ролл – это секс. Подсказка в самом названии. Большая часть рок-н-ролльного творчества – это заслуга авторов песен, которые придумывали эвфемизмы для секса. Все это может показаться довольно очевидным, но в те дни истеблишмент, люди в костюмах, не имели об этом ни малейшего понятия. Ей-богу, мисс Молли нравится плясать (строка из песни Литл Ричарда: «Good Golly Miss Molly, sure like to ball». Глагол to ball в сленговом варианте означает «заниматься сексом». – *Прим. пер.*).

Помимо репетиций, двумя вещами, о которых мы спорили больше всего, были название группы и выбор фронтмена. У нас сформировалась неофициальная иерархия. Мы говорили на языке силы, хрупкий баланс держался на альфа-самцовой доминантности. Малейший технологический толчок мог

изменить расклад сил. Нам отчаянно недоставало оборудования. Если струна рвалась над верхним порожком или под бриджем гитары, мы обычно связывали обрывки вместе морским узлом. Любые деньги, которые нам удавалось раздобыть, шли на модернизацию оборудования, но все продвигалось очень неторопливо. У меня все еще был мой «Fender». У Реджа Боуэна помимо электрогитары был усилитель – наш единственный усилитель. Наш тогдашний ритм-гитарист (не припомню его имени) взял бас-гитару напрокат. Все постоянно менялось.

В основном мы играли на свадьбах и в местных подростковых клубах при церквях. Мы еженедельно выступали в социальном клубе пивоварни Fuller, Smith & Turner в Чизике. Через несколько месяцев мы придумали себе название – The Detours, и дела у нас вроде шли хорошо. Однако тогда же наш басист объявил, что уходит. Мы не зарабатывали достаточно, и ему никогда не хватало денег, чтобы расплатиться за свою бас-гитару. Однажды вечером в гостях у Реджа он сказал, что уходит. Наш единственный басист с нашей единственной бас-гитарой. Я преследовал его всю дорогу до автобусной остановки, но, даже используя свои выдающиеся навыки убеждения, я не смог заставить его передумать.

Несколько дней спустя я шел домой с работы, и мне на глаза попался один парень, который шагал мне навстречу, держа в руках самую большую гитару, которую я видел в своей жизни. Я узнал его. Это был пацан из моей школы, на два года младше меня, звали его Джон, и он играл на басу. На самом деле в школе я не был знаком с Питом Таунсендом или Джоном Энтвислом. То есть, я, конечно же, замечал их – от этого никуда не деться. Это были два человека, которые выделялись даже в очень большой толпе. Крупный и высокий, со странной походкой, Джон всегда стоял особняком. Он вышагивал как большой высоченный Джон Уэйн[10]. Если поставить его в ряд из тысячи человек, где все будут одного роста и веса, и надеть на них балаклавы, я все равно за секунду смогу вычислить его из-за этой походки.

Пит тоже был по-своему особенным. В конце концов, ему, как и мне, тоже было трудно вести себя сдержанно, когда он прибыл в школу округа Актон. Как и я, он был худым, но если у меня была забавная челюсть, то у него был большой нос. Это не насмешка. В прошлом это воспринималось как насмешка и звучало как насмешка, но сейчас я говорю серьезно. Я думаю, что у Пита поистине фантастическая голова. Будь я скульптором, именно такую голову я бы хотел лепить целый день. Постепенно он смирился с этим. Но в школьные годы он и его впечатляющий шнобель были соблазнительной мишенью для хулиганов.

Высокий и худой, Пит смахивал на палку с носом на конце.

Я не видел ни того, ни другого с тех пор, как меня год назад исключили из школы, но вот передо мной по дороге вышагивал Джон со своей бас-гитарой. Хотя «бас-гитарой» это можно было назвать с большой натяжкой. Так же, как и я, он смастерил свою гитару сам, но его инструмент был немногим лучше моих первых складывающихся пополам конструкций из фанеры. По форме его гитара напоминала футбольный ботинок, и казалось, что не пройдет и дня, как она развалится на части. Но мне нужен был бас-гитарист, поэтому я завязал с ним разговор. Джон сказал мне, что уже состоял в группе – традиционном джаз-бэнде, где играл на басу и трубе.

– Как у вас обстоят дела с работой? – спросил я.

– Мы выступаем в местном церковном молодежном клубе, – ответил он.

– Вам платят?

– Нет. А вам?

– Конечно, – соврал я. – Мы получаем заказы и очень скоро начнем заколачивать большие деньги.

Летом 1961 года Джон присоединился к The Detours. Через несколько месяцев вслед за ним к нам пришел Пит.

* * *

Шестидесятые раскачались на полную катушку только после 1963 года. До этого они были такими же, как и пятидесятые. Более того, даже Элвис перестал быть крутым и начал сниматься в ужасных фильмах. Билл Хейли канул в прошлое. Музыка была довольно консервативной и серой. Фрэнк Айфилд, австралийский йодль-исполнитель лаундж-музыки, возглавлял чарты большую часть мая и июня 1962 года. Его следующие два сингла также покорили вершины хит-парадов. Это все, что вам нужно знать о начале шестидесятых. Но совсем скоро все это должно было измениться.

С 1963 года в воздухе начала витать эта энергия. Все завертелось, и музыка была тому причиной. Это период великих рок-групп: «Битлз», «Роллинги», всех этих групп родом из Бирмингема и Ливерпуля. И да, нас я тоже причисляю к этой категории. Каковы шансы, что такая химия снова когда-нибудь воплотится в музыке? Все начиналось с маленьких групп, которые играли скиффл на улицах. Ребята поняли, что могут проявить себя в музыке, даже если для них это было просто поелозить пальцами в наперстках по стиральной доске или подергать за

веревку, прикрепленную к метле на ящике из-под чая. Как только вы принимаете в подобном участие, в вас просыпается интерес. Так музыка перешла с улиц в пабы, а затем в клубы. А потом она начала распространяться благодаря подпольным радиостанциям. Конечно, музыка была и раньше, но она не говорила с определенной возрастной группой. Там не было ничего, что могло бы заинтересовать подростков. Не было подростков как таковых. До шестидесятых вы были ребенком, а потом мужчиной. Сначала вы ходили в школу, а затем устраивались на работу. Но это изменилось благодаря нашему поколению. Почему именно мы? Полагаю, это было связано с войной. То, что произошло в шестидесятых, берет свое начало в сороковых годах. Мы поколение, родившееся во время военных действий, вплоть до 1950 года, и это были волшебные годы для музыкантов, художников, ученых, всего такого. Вот что происходит, когда вы начинаете свой путь на невозделанных полях. Столько всего было разрушено, что оставалось только одно – строить. Мы были поколением строителей. У нас не было иного выбора. Мы росли в нужде, и, несмотря на все попытки наших родителей сделать все возможное в данной ситуации, мы были воспитаны людьми, которые изо всех сил пытались оправиться от войны. У них не осталось ничего, чтобы дать нам.

Но ведь это не их вина. После того как отгремело празднование победы и люди перестали целовать друг друга в фонтанах, что у них осталось? Растущий долг, нехватка жилья, безработица. Мужчины вернулись с войны истощенными. Они стали чужаками в своих собственных домах. Многие из них дали слабину. В таком окружении и проходило наше детство. Я был не единственным, чей папа сидел в такси и проливал скупую слезу в каждый День памяти павших.

Будучи детьми, мы мирились с этим, но когда стали подростками, в нас проснулся юношеский гнев. Первыми ласточками были тедди-бои. Они были примерно на пять или шесть лет старше нас, их наряды, словно яркие фонари, выделялись на фоне серости нашей повседневной одежды. Они носили длинные модные пиджаки и разноцветные рубашки с отрезными воротниками. Некоторые из них пошли дальше: их куртки были ярких голубых и розовых цветов и украшены черными бархатными воротниками. Это было начало молодежной революции. Все могло кончиться, так и не начавшись, но как только общество признало коммерческую ценность подростков, все сразу же завертелось. На этом можно было заработать, поэтому все изменилось в мгновение ока. Оглянитесь вокруг. Поразительно, какая внушительная часть экономики сегодня

ориентирована на молодежь. Все перевернулось с ног на голову. В шестидесятых мы и представить себе такого не могли, не было никакого плана. Нами управляло чувство, порожденное самоуверенностью и энергией молодости. Молодые люди – пуленепробиваемы. В них заключен неиссякаемый источник энергии, и в нашем случае она проявилась в музыке. Гнев, энергия, потребность быть услышанным – именно этим жили подростковые музыкальные группы, и именно это делало все движение в целом намного круче, чем каждая его часть по отдельности.

Я думаю, что к нам это относилось в большей степени, чем к любым другим группам, с которыми нам доводилось иметь дело. Пит всегда говорил, что наша группа состояла из трех гениев и «просто певца». Спасибо на добром слове, Пит. Что бы он там ни думал, наша группа была больше, чем просто наши персоны по отдельности. Мы были разными людьми и происходили из разных слоев. Пит был гораздо ближе к среднему классу, чем я думал. Джон проходил стажировку в налоговой службе. Кит был из рабочего класса, как и я, но, помимо этого, на него было проблематично навесить какой-либо ярлык. Многие из профессиональных групп с юга на заре шестидесятых были детьми среднего класса, восставшими против ценностей этого же среднего класса. Но мы были не такими. Мы отличались от всех этих групп, и друг от друга мы тоже отличались.

Глава 4. The Detours

Пит отзывался о нас, как о «людях, которые ни за что на свете не должны были играть в одной группе». Учитывая все наши разногласия, баталии и конфликты, это чудо, что нам удалось продержаться в течение первых десяти лет. Разумеется, бесчисленное множество раз мы были близки к тому, чтобы сдаться, но, в отличие от всех остальных, я не особо удивлялся тому, что мы выжили. Даже в самые мрачные дни я никогда не сдавался. Ни за что на свете. Группа была для меня всем. В этом наши с Питом мнения, видимо, различались. Мистер Таунсенд прошел прослушивание в группу в январе 1962 года. До той поры на гитарах были я и Редж, Джон играл на басу, Гарри – на барабанах, а фронтменом был Колин Доусон. Я только заканчивал второй год своей стажировки на заводе. Джон начинал свою пожизненную карьеру в службе внутренних доходов: брюки в тонкую полоску, галстук и зонтик городского франта. Пит продержался в Актоне достаточно долго, чтобы сдать свои экзамены «O-level» (экзамен по программе средней школы, который сдается по окончании пятого класса. – *Прим. пер.*), и теперь он учился на втором курсе технического колледжа Илинга, а также в школе искусств.

Некоторое время Джон твердил, что Редж был недостаточно хорош и что у него был на примете гитарист получше, и вот однажды он привел Пита ко мне домой на прослушивание. По словам Пита, у него сохранились два воспоминания о том вечере. Первое: «прекрасная белокурая девушка» в слезах выбегала из дома, предъявив мне ультиматум: «Либо я, либо гитара». Второе: пока он играл, под моей кроватью прятался один непоседливый негодяй. Итак, скорее всего, прекрасной блондинкой была Барбара. Мы и правда часто спорили из-за того, что я слишком много времени тратил на репетиции, и, возможно, Пит застал нас во время очередного скандала. Что касается злодея, я не помню, чтобы он прятался под кроватью. Скорее всего, он сидел на ней. Давайте назовем его Джек. Он был моим приятелем, который из-за чего-то повздорил с полицией, поэтому оставался у меня на случай, если копы заявятся к нему домой. Он был членом одной из крупных преступных семей этого района. Такие семьи были всегда. Все это напоминало фильм «Крестный отец», с той лишь разницей, что место действия перенесли в Актон. Этих ребят лучше было не подставлять, поэтому я укрывал Джека, пока жара не утихла. Приходилось заниматься подобными вещами, но за такое на вас никто не стучал. Однако я не участвовал ни в чем

более серьезном. У меня была пара приятелей, которые занимались ограблением банков. Они пытались убедить меня в том, что это проще пареной репы. Таков был их план разбогатеть: ограбление банков и игра в бильярд. Им не всегда удавалось выйти сухими из воды, но многим из них везло, и они пользовались уважением на улицах. Наверное, ограбление банков было для них все равно что сцена для артиста – способ привлечь внимание и получить дозу адреналина. Но меня самого никогда не привлекала идея ввязаться в какую-нибудь сомнительную историю. Самое большее, на что я решился, – это предоставить убежище Джеку.

Я получал кайф от участия в группе. Я часто задавался вопросом: что бы со мной стало, не будь в моей жизни музыки? На какой соблазн этого мира я бы поддался? Легко заявлять о своей честности, когда вы не доведены до отчаяния. Мы можем жить только той жизнью, о которой у нас есть какое-то представление, и с семидесятых годов я жил вольной жизнью. Если бы у меня не получилось с музыкой, я мог бы стать главным кандидатом на роль преступника. Озлобленный на мир подросток, которого исключили из школы. Застрял на заводе без гроша в кармане. Но я считаю, что даже в такой ситуации я оставался бы честным. Наверное, частичка характера, которая передалась мне от отца, удерживала меня от того, чтобы ступить на скользкую дорожку.

Я пытался наставить Джека на пусть истинный и устроил его на несколько недель поработать в нашем сарае в Актоне, но он не выдержал. Сомневаюсь, что он понял, как усердно мы трудились. Он увидел, что мы были намного жестче него, поэтому после этого не пытался в общении со мной строить из себя крутого парня. Однако это не помешало ему заявиться с обрезом в клуб Marquee и угрожать кого-то убить во время одного из наших концертов, которые мы давали по вторникам. Я хорошо помню тот день. Это случилось через пару лет после того, как он прятался у меня доме. Он твердым шагом зашел в раздевалку и объявил, что с кем-то повздорил. «Я сейчас прикончу его», – сказал он и вытащил обрез 410-го калибра из-под пальто. Я моментально среагировал и выхватил оружие, прежде чем он успел что-то сказать или сделать. Наверное, он весьма удивился такому раскладу. Он просто стоял, пока я отчитывал его по полной программе. Я сказал ему, что он испортит себе всю жизнь, а затем вернул ему ружье без патронов и вышел на сцену. Той ночью ничего не случилось. В ту ночь Джек не разрушил свою жизнь. Хотел бы я сказать, что это был поворотный момент в его судьбе и мое вмешательство спасло его от самого себя, но я лишь

отсрочил неизбежное. Большую часть своей жизни Джек провел за решеткой.

Я рассказывал вам о прослушивании Пита. Довольно значимый момент в истории рока, несмотря на то, что мы были всего лишь подростками, которые валяли дурака со своими гитарами. Если Пит запомнил блондинку и злодея, то мне запомнилось ощущение, что мы нашли нужного человека. Питу было всего лишь шестнадцать лет, но он уже обладал завидными способностями. Он на голову превосходил нас всех в техническом плане. Он знал все эти заумные аккорды: уменьшенные, аккорды без третьей ступени, септаккорды, все эти странные формы. Мажорные аккорды, в которых одна нота убиралась или добавлялась, чтобы придать звуку характерный жужжащий окрас. Это были великолепные аккорды, и он их все знал. Уже тогда уверенности ему было не занимать.

Свой стиль – вот что действительно делало игру Пита особенной. Он играл на банджо в классическом джаз-бэнде, в котором состоял вместе с Джоном, и поэтому, когда он переключился на гитару, в его движениях были заметны кое-какие приемы, характерные для игры на банджо. То, как двигалась его правая рука, те ритмы, которые он наигрывал, – все это производило поистине уникальный эффект. Именно в тот момент, когда Пит и Джон вдвоем играли у меня в спальне, мы перешли на новую ступень развития.

До этого момента мы играли невероятно просто. Будучи кавер-группой, мы играли все, что попадало в хит-парады. Колину хотелось стать вторым Клиффом Ричардом, поэтому мы действовали как Клифф Ричард. В этом не было ничего плохого – Клиффа слушали все, но с появлением Пита перед нами в одночасье открылись новые горизонты. Проблема заключалась в том, что наш единственный усилитель принадлежал Реджу, и хотя после своего ухода из группы Редж все еще разрешал нам приходить к нему домой и репетировать, одного усилителя на группу было маловато. Нам приходилось пропускать все гитары и микрофоны через эту жалкую лилипутскую коробочку. Так мы никогда не раскачали бы ни один чертов зал.

Спустя какое-то время Питу пришла в голову идея заглянуть в «Laskys» на Тоттенхэм-Корт-роуд и купить в рассрочку дополнительные усилители. Сегодня Тоттенхэм-Корт-роуд забита кофейными и мебельными лавками, но тогда эта улица была настоящей Меккой для ребят, которые мечтали играть в музыкальной группе. Там было полно магазинов, торгующих различным электронным оборудованием по очень-очень доступной цене. Можно было купить ламповые усилители,

динамики – словом, все необходимое, и даже была возможность поторговаться. Все это великолепие находилось неподалеку от лучших музыкальных магазинов Лондона. В субботу днем здесь всегда можно было увидеть множество молодых групп, и вот настал наш черед.

Мы отправились туда, а по возвращении каждый из нас нес усилитель мощностью по 25 ватт, предназначенный для бывшего военного министерства. Представьте наше волнение, когда мы впервые подключили их, и вообразите наше разочарование, когда мы поняли, что громкости хватало только на то, чтобы заполнить звуком гостиную мамы Питера. Динамики на десять дюймов были еще хуже и издавали тонкий писк, но тут ко мне пришло маркетинговое озарение: «Главное – это фасад, все дело в имидже. Пусть у нас маленькие усилители, но мы можем сделать так, что они будут выглядеть большими». Поэтому я смастерил замечательные ящики из фанеры и покрыл их чудесной клейкой лентой «Fablon». Затем я приделал ящикам ножки. Они смахивали на буфет производства G-Plan (известная британская мебельная фабрика. – *Прим. пер.*), переднюю сторону которого расписали под марлю. И пускай сегодня я смеюсь, вспоминая об этом, поверьте, тогда люди говорили: «Черт возьми, эти ребята, должно быть, умеют задать жару. Только посмотрите на размер их оборудования».

Конечно, было бы куда лучше, не будь наше оборудование таким дерьмовым, но это вскоре изменилось. Незадолго до того, как мне исполнилось восемнадцать лет, я скопил достаточно денег, чтобы купить нормальную гитару. У нас с Питером были двенадцатидюймовые колонки, а у Джона – пятнадцатидюймовые. Как и большинство вещей в жизни, эти дополнительные дюймы имели колоссальное значение. У нас были все предпосылки для создания нормальной аудиосистемы. Теперь мы были громкими, ну или хотя бы производили такое впечатление.

Еще у нас произошло очередное изменение в составе. В августе 1962 года вместо нашего барабанщика Гарри Уилсона в группу пришел каменщик по имени Даг Сэндом. Мы не планировали делать это. Гарри собирался в отпуск, поэтому мы искали лишь временную замену. Музыкант на замену не появился на прослушивание, но по какой-то причине вместо него пришел Даг. Мы договорились, что он сыграет второй сет в Paradise, клубе в Пекхэме. Оказалось, что Даг подходил нам больше, чем Гарри, мой лучший друг с первых дней школьной скамьи, поэтому он стал полноценным участником группы. Мне было жаль Гарри, но группа была важнее.

Это далеко не главное мое воспоминание о клубе Paradise. В

основном мне запомнились драки. Закройте глаза и представьте себе рай: пушистые облака, арфы, ангелы. А теперь представьте полную противоположность этому, и у вас получится клуб Paradise на 3-й Консорт-роуд в Пекхэме. Мы выступали там, потому что Джон знал человека, который знал другого человека, который организовывал концерты в Южном Лондоне. В первую неделю наших выступлений зал был почти пустой, за исключением пары девчонок. В десять часов заявились их бойфренды с окровавленными носами и синяками под глазами, только что помахав кулаками в клубе конкурентов. На следующей неделе пришла банда из другого клуба, чтобы свести счеты.

Я полагаю, драки тогда были обычным делом, но они не были такими жестокими, как сегодняшнее насилие, и почти никогда не затрагивали группу. Мой секрет заключался в том, чтобы найти самого крутого парня в клубе и угостить его выпивкой. Этот прием работал как часы. Намного позже в нашей карьере у нас произошел небольшой скандал в Ноттингеме, когда заявилась целая орава «Ангелов Ада» (известный байкерский клуб, члены которого имеют дурную репутацию из-за проблем с законом. – *Прим. пер.*) и потребовала, чтобы мы сыграли «чертов рок-н-ролл». Их было много, а нас всего четверо, так что самым разумным выбором было пойти на попятную. Но это было не в стиле Пита. Расхрабрившись от выпитого бренди, он начал огрызаться на них. Понятия не имею, что он там им сказал, но было ясно одно – ему стоило держать язык за зубами. Перед нами без преувеличения развернулся настоящий ад, и в нашу сторону посыпался град бутылок. Одна из них угодила в звукорежиссера Бобби Приддена и вырубила его. Остальные участники группы кинулись врассыпную, а я остался на сцене разговаривать с взбешенным лидером «Ангелов Ада». Это был здоровый парень с кольцом в носу. Мы поболтали с ним, и, как видите, я все еще жив, а это значит, что наши переговоры прошли хорошо.

В 1962 году мы свыклись с рутиной. Каждое утро я ходил на фабрику, Джон занимался бумажной работой в налоговом управлении, Даг укладывал кирпичи, а Пит занимался в художественной школе и валялся в кровати. Я заканчивал работу в шесть утра и направлялся к дому Пита. Иногда мне приходилось вытаскивать его из постели, потому что он не мог справиться с этим сам. Мне кажется, что он весь день курил дурь и с большим удовольствием занимался бы этим всю ночь. Или, может быть, в этом заключался весь смысл школы искусств? В любом случае нам повезло, что у нас был главный «таймкипер» в лице вашего покорного слуги – парня, который не хотел остаток своей жизни провозиться с металлом. Нам также повезло, что у

нас была Бетти, мама Пита. Она была настоящим сокровищем. Без нее мы могли бы провести куда больше времени, играя по средам в Paradise. Без нее мы бы мало чего добились. Она была первой, кто поверил в нас. Она увидела в нас потенциал. Можете назвать это чутьем. Помимо этого, ей хотелось, чтобы мы убрались из ее дома. Все-таки каждый родитель может выдержать лишь определенное число репетиций, и когда она достигла своего лимита, то нашла нам нашего первого агента, а вместе с ним у нас появилась первая репетиционная площадка. Наконец-то в доме Бетти воцарились долгожданные тишина и покой!

1 сентября 1962 года Бетти пригласила местного промоутера Боба Дрюса в ратушу Актона, чтобы он увидел The Detours в качестве гвоздя программы на благотворительном балу. Несмотря на то, что наш триумфальный концерт удостоился упоминания в местной газете «Acton Gazette & Post», Боба это не впечатлило. Но отсутствие у него энтузиазма не остановило Бетти в ее борьбе за тишину и покой. Вслед за этим нас затащили в отель Oldfield в Гринфорде, а после мы очутились в районе пабов западного Лондона. Все работало по следующей схеме: выходишь на сцену и играешь, если зрителям не нравится, то в тебя летит град бутылок. Если ты что-то из себя представляешь, то тебе позволяют остаться. Нас это устраивало, потому что к тому времени мы играли достаточно хорошо.

Вокруг нас начала формироваться наша собственная аудитория. По понедельникам мы играли в отеле White Hart в Актоне. По четвергам, как правило, выступали в Oldfield, в воскресенье днем – в Douglas House в Бейсуотере. Последним мы также были обязаны Бетти Таунсенд. Douglas House был клубом американских офицеров, в который она попала благодаря отцу Питера, Клиффу. Мы полюбили это место по нескольким причинам. Начнем с того, что мы получали двадцать фунтов за два часа и от нас требовали, чтобы американская музыка лилась рекой: все, начиная от Джонни Кэша и The Coasters и заканчивая Роем Орбисоном. Если мы исполняли классику диксиленда настолько хорошо, что на глазах у тоскующих по дому военнослужащих наворачивались слезы, то нас обеспечивали бесплатной выпивкой в таком щедром количестве, что домой мы возвращались, петляя зигзагами. Помимо этого, там мы впервые взглянули на американскую мечту, попробовали американское пиво, американский виски, американскую пиццу.

Уже несколько лет мы жили без продуктовых карточек, Англия не славилась своей кулинарией, а супермаркетов практически не было. Мы росли, перебиваясь теми крохами пищи, которые наши родители умудрялись откладывать каждый день.

Поэтому мы до сих пор были худыми, как жерди, с круглыми, как тарелки, глазами. Мы никогда раньше не видели пиццу. С такими же круглыми от удивления глазами мы начали ездить по Штатам в конце десятилетия. Контраст был невероятным: мы вылетели из страны овсянки и приземлились в стране стейков. Мы никогда не видели ничего подобного. Долгое время, возвращаясь с гастролей, я привозил стейки в своем чемодане. Сейчас я уже таким не занимаюсь.

Когда мы играли не для янки, наша выручка составляла десять фунтов стерлингов за концерт или двенадцать фунтов десять пенсов, если мы играли по приглашению Боба на одной из площадок южного побережья, что бывало часто. Именно во время одной из тех долгих поездок в Маргейт, Фолкстон или Дувр я разбил наш прекрасный новый фургон. Ладно, он бы не таким уж прекрасным и новым. Это был старый почтовый фургон «Остин» с раздвижными дверями, который Боб раздобыл для нас в обмен на дополнительные десять процентов. Важнее всего, чтобы машина была на ходу… так и было, пока я не впечатался в железнодорожный мост. Не могу точно вспомнить, почему я врезался в него. Среди сопутствующих факторов могло быть следующее: (1) у меня не было полных водительских прав, (2) я был молод и поэтому (3) я гнал слишком быстро. В багажнике мы везли полтонны оборудования.

Передняя часть фургона завернула за угол, но задняя часть продолжила движение. Раздался громкий звук удара, затем послышался гул недовольства моих согруппников, и как результат – мы на несколько дней лишились фургона.

Но у нас все еще была Бетти. Вы помните зиму 1962–1963? Нет? Ну, тогда я сейчас расскажу. Было снежно. Не так снежно, как поется в рождественских песнях, а по-сибирски снежно. В таких снегах, наверное, обитают йети. Но прямо посреди этого бурана мы добирались до концерта в Бродстейрсе. Несмотря на то, что у нас не было фургона, а за окном свирепствовала метель, мы не собирались отменять выступление. Я рассказываю вам это, потому что, когда люди говорят о The Who, часто можно услышать истории о нашем хулиганском поведении. По ходу этой книги вы узнаете о нем намного больше. Но за всем этим всегда стояла самоотверженность, преданность своему делу. Все помнят секс, наркотики и рок-н-ролл, а я помню ту ночь. Группа подростков (и Даг, который притворялся подростком, но на самом деле был женат и ему было за тридцать) и одна из их мам, побелевшие костяшки ее пальцев на руле, за окном бушует метель, мы прокладываем путь на концерт в Бродстейрс.

Каждые несколько миль мы останавливались и менялись

местами. Двое спереди с Бетти и трое сзади верхом на нашем оборудовании, так что наши носы оказывались в трех дюймах от потолка. Нос Пита был к нему немного ближе. Я не знаю, как Бетти удалось довезти нас до места, потому что это было похоже на спуск по Креста Ран (известная швейцарская ледяная гоночная трасса для скелетона и тобоггана. – *Прим. пер.*). Снег с обеих сторон дороги в два раза превышал высоту фургона. Одна ошибка, и нам пришлось бы идти пешком.

Каким-то чудом ей удалось сделать это. Не знаю, сколько мам рискнули бы оказать поддержку своим детям в такой ситуации. О самом концерте у меня не осталось никаких воспоминаний. Давайте просто предположим, что в аудитории были сотни людей и нас ждал оглушительный успех. И давайте забудем, что однажды зимой в Бродстейрсе на нашем концерте было всего около пятидесяти человек в возрасте восьмидесяти лет и едва ли половину из присутствующих пустили бы танцевать на школьную дискотеку. Главное, что мы добрались туда, отыграли нашу программу и благополучно вернулись домой.

Для тех, кто беспокоится о сломанном фургоне, – с ним не возникло никаких проблем. Он получил огромную вмятину спереди, которую мы устранили с помощью фонарного столба напротив дома моей мамы, тяжелой цепи и энергичного старта в обратном направлении. С дверями я разобрался с помощью деревянной доски дюймовки, ножовки и листового металла. Оставшиеся вмятины Пит выкрасил в красный цвет кровоточащих ран. Фургон получился как новый, за исключением того, что остальные участники группы должны были пролезать внутрь через место водителя.

* * *

В январе 1963 года произошла очередная кадровая перестановка. Колин ушел. Он был продавцом бекона со служебной машиной и не собирался бросать дневную работу и бекон ради, прямо скажем, длинного и извилистого пути к рок-н-роллу. И я был готов принять на себя роль ведущего вокалиста. Или, скорее, роль ведущего вокалиста была готова принять меня. Мы начали играть на разогреве у других групп каждый воскресный вечер в St. Mary’s Hall в районе Патни, и это принесло свои плоды. За кулисами мы наблюдали за Скриминг Лорд Сатчем – Третим Графом Хэрроу, которого в гробу проносили через толпу на сцену. Он был шоуменом и предшественником Элиса Купера, и мы кое-чему научились у него. Потом были

Johnny Kidd & the Pirates. Они устраивали настоящее шоу. На фоне у них стоял пиратский корабль, и это была первая группа на моей памяти, которая использовала ультрафиолетовые огни. У Джонни были повязка на глазу и кожаные штаны, которые, как магнит, притягивали девушек. У него был свой стиль. Его группа также состояла из трех человек – бас, барабаны и Мик Грин на гитаре. У Мика был потрясающий стиль игры – он то щипал струну, то бил по ней. Он был наполовину соло-, наполовину ритм-гитаристом. Пит увидел, как играет Мик, и за неделю выучил его приемы, так что на некоторое время мы превратились в двойников «Пиратов». Вот тогда-то и стало очевидно, что я должен петь. На гитарах у нас были Пит и Джон – идеальный тандем. И мы променяли незамысловатые песни из репертуара Бадди Холли, Дела Шеннона и Роя Орбисона на Джонни с его «пиратами». Джонни выглядел порочным. Колин не смог бы петь как Джонни, но мне это было по плечу.

* * *

Жизнь не сводилась к побитым фургонам и по-сибирски морозным поездкам в Бродстейрс. Немного времени оставалось и на девушек. Мы с Барбарой расстались, когда ей было 17, а мне 16. Ее нравилось во мне то, что я участвовал в группе и пел, однако вскоре ее привлек какой-то парень с мотоциклом. Жизнь – череда побед и неудач, но с первого же моего выступления я знал, что выиграю больше, чем проиграю. Мне не нужно было никого приглашать на свидания, потому что девушки, как правило, подходили ко мне первыми. Это действительно именно так и работало. Есть что-то особенное в том, когда певец открывает свой рот. Я не знаю, что именно, но женщины находят это привлекательным. Так было всегда. Посмотрите, что вытворял с дамами Элвис. К нему на сцену летели трусики с расстояния двадцати миль. Это продолжалось вплоть до того момента, пока армия США не завладела им и не промыла бедняге мозги, после чего он стал петь, как Дорис, мать ее, Дэй. Или посмотрите на Адама Фэйта. Стоило ему зайти в помещение, и можно было услышать, как слетают дамские панталоны. Он не был великим певцом. Тем не менее он был хорошим актером, и ему достаточно было просто открыть рот, чтобы девушки сошли с ума. В теории вы бы ни за что не представили кого-то вроде Барбары с кем-то вроде меня. Она была первой красавицей Актона. У нее был прикид начала шестидесятых: узкая белая юбка, белые высокие каблуки, стрижка в стиле бихайв. Она была серьезной девочкой. И

она хотела меня, парня с фабрики (хотя даже фабрикой это трудно было назвать), которому посчастливилось оказаться в группе. А потом она меня расхотела, потому что у какого-то другого парня был мотоцикл. Какое-то время я был несколько опустошен, а потом начал встречаться с другой Барбарой. Это было просто совпадение. У Второй Барбары была своя квартира, она жила сама по себе, и это дало мне большую свободу. Гораздо лучше, чем вечером стоять в дверях панельного дома в Актоне, вежливо беседуя с родителями твоей подруги. Хотя, исключительно для протокола, родители Первой Барбары были милейшими людьми.

Через шесть месяцев со Второй Барбарой тоже было покончено, и вот тут мои воспоминания становятся расплывчатыми. Вполне возможно, я просто наслаждался жизнью, с распростертыми объятиями принимая революцию. Сегодня трудно объяснить, насколько сильно контрацептивы изменили наш мир. В те дни ощущение было такое, словно кто-то выпустил джинна из бутылки. Женщины сходили с ума, ну а мужчины были только рады им угождать, не так ли? А потом я повстречал Джеки, и Джеки забеременела. С этой конкретной революцией была одна загвоздка. В 1964 году раздобыть таблетки было трудновато. К концу шестидесятых с этим стало полегче, но все равно, даже если вы надеялись, что все девушки их принимали, это не всегда оказывалось так. В общем, я сам был виноват. Я никогда не спрашивал Джеки, принимала ли она противозачаточные, понадеявшись, что она это делает.

Жаклин Рикман я впервые встретил в St. Mary’s Hall осенью 1963 года. Пит встречался с девушкой по имени Долорес, а Джеки была ее подругой. Она была прекрасна, но никто из нас не был готов к тому, чтобы завести детей. К сожалению, сексуальная революция намного опередила социальную. Если от вас кто-то залетал, то первые несколько дней вам приходилось выслушивать крики своих и ее родителей, затем вы женились и находили жилье – вот и вся жизнь. Теперь эта история происходила со мной. Джеки забеременела. На меня кричали ее мама и мои родители. Потом мы поженились, и сразу после свадьбы, в начале 1964 года, я переехал к ее маме. Незадолго после того, как мне исполнилось двадцать лет, я обнаружил, что я живу в одной комнате с Джеки и нашим новорожденным сыном Саймоном в шестиэтажном жилом квартале в Уондсворте.

Сначала я был полон решимости. Не это мы планировали, но что было делать, раз мы оказались в такой ситуации. Проблема заключалась в том, что после нескольких лет мотовства по пабам и клубам дела у нас шли хорошо. Карьера в набирающей

популярность группе не совместима с семейной жизнью. Меня неделями не было дома. Я возвращался домой среди ночи и пытался отсыпаться по утрам. Бывало так, что одну неделю мне удавалось немного заработать, а всю следующую я был без гроша в кармане. Я не был надежным главой семейства, примером отца, в котором нуждался мой сын Саймон, и я не был заботливым мужем, которого заслуживала Джеки. Это то, в чем я убеждал себя, будучи молодым человеком, который просто пытался откреститься от своих обязанностей. Даже спустя годы это не самая приятная для меня тема, несмотря на то, что в результате все закончилось хорошо.

Тогда я часами мог сидеть у окна этой однокомнатной квартиры и смотреть на улицу. Мне открывался весь Уондсворт, вплоть до электростанции Баттерси и дальше. И я мог видеть фургон, припаркованный внизу. Клянусь, он звал меня, искушал, и с каждым днем этот побитый старый фургон становился все привлекательнее. Он стал воплощением моей мечты – быть в группе, играть музыку. И после продолжительной и упорной работы мы наконец кое-чего достигли.

Глава 5. The High Numbers

Изменения происходили с молниеносной скоростью. Сначала весной 1964 года у нас появился новый менеджер. Хельмут Горден был немецким производителем дверных ручек, который хотел стать следующим Брайаном Эпстайном (с 1962-го по 1967-й менеджер группы The Beatles. – *Прим. пер.*) Он был хорошим парнем, и у него были деньги, которые он решил потратить на рок-группу, поэтому мы по вполне логичным причинам решили стали этой самой рок-группой. Он купил нам новый фургон – не суперновый, а подержанный, зато в отличном состоянии. У него даже были окна! Хельмут купил нам наши первые профессиональные усилители и привел нас в студию звукозаписи. Дальше этого дела с ним не пошли, но мы перед ним в долгу. Очевидно, он пытался заработать на нас деньги, и сомневаюсь, что у него это получилось, но он помог нам пережить эти годы.

Во-вторых, менялась наша музыка. Мы больше не были обычной кавер-группой. Мы становились довольно хорошими и самобытными исполнителями, попутно разрешая свои музыкальные разногласия. Мне нравится эта формулировка. Она такая тактичная. В действительности это значило, что мы с Питом посылали друг друга на три буквы, а Даг пытался строить из себя седовласого мудреца. Но к 1963 году в игру вступили новые силы. Разумеется, все хотели «Битлз», поэтому мы давали людям «Битлз» и играли «Twist And Shout», а Джон исполнял «I Saw Her Standing There». Раньше я больше увлекался песнями Джонни Кэша, которые, как мне кажется, лучше подходили нашей энергетике и очень хорошо у нас получались, но потом, медленно, но верно, мы начали играть Джимми Рида, Джона Ли Хукера и Сонни Боя Уильямсона. Мы исполняли «Big Boss Man», «Boom Boom» «Help Me», все в таком роде.

Но потом в поле нашего зрения попали The Rolling Stones. Мы вертелись в тех же кругах, что и они, и эти ребята оказали на нас невероятное влияние. Мы знали о существовании блюза, но представить не могли, что он может стать таким популярным. Все, чего мы хотели, это добиться славы. «Роллинги» показали, что блюз и популярность не были взаимоисключающими вещами. Так все обстояло в те дни. Это была неизведанная территория. Все, что бы мы ни пробовали, было новым. Сегодня вся музыкальная индустрия ориентирована на молодежь, но все это зародилось в начале шестидесятых. Поначалу все было чинно и благопристойно, это было нечто, что могли одобрить ваши родители. Мы были по-детски невинными и менее искушенными,

чем подростки сегодня. Но затем, когда мы обрели свой голос, он стал более свободным, более диким, неукротимым. Это было невероятно захватывающее время. От недели к неделе все постоянно менялось.

Вот почему Питу немедленно хотелось сыграть программу, целиком состоящую из блюза. Ему всегда не терпелось попробовать что-то новенькое. Я тоже хотел играть блюз, но при этом прекрасно понимал, что мы не можем измениться в мгновение ока. У нас была наша аудитория, которую мы скрупулезно собирали во время изматывающих поездок в разбитых фургонах. Они хотели слышать от нас хиты. Я понимал, что нам нужно было действовать постепенно.

Может быть, это потому, что я был гораздо ближе к улицам, чем Пит, или, возможно, я просто куда отчетливее понимал, что концерты предназначались в первую очередь нашей аудитории. Как много эти вечера значили для людей, которые работали с семи утра на фабрике, вкалывали всю неделю напролет, а потом наконец отправлялись в местечко, где могли расслабиться и делать все, что душе угодно. Сыграй мы кучу странной музыки, это было бы оскорблением для них. Почистив репертуар и с головой уйдя в блюз, мы бы потеряли свою аудиторию, а если бы мы ее потеряли, то нам настал бы каюк.

Для Пита «каюк» заключался бы в том, что он продолжил бы свое художественное образование, валялся бы целый день в постели и курил травку, время от времени появляясь на случайной лекции, на которой пытался бы вообразить мир с точки зрения морского огурца. Для меня же «каюк» заключался совсем в другом. Я не учился в колледже, о моей заднице не заботилось государство. У меня был совершенно иной взгляд на жизнь. Вот вам и музыкальные разногласия.

Мы противостояли друг другу, и порой Пит мог быть очень злым на язык, пробуждая у меня в такие моменты воспоминания о худших днях в школе. Но самое важное, я видел его талант. Я быстро нахожу решение проблемы, стоит мне сосредоточиться на ней. Если я слишком много болтаю, то мой мозг заходит в тупик, но как только я фокусируюсь на чем-то, я на сто процентов заряжен на успех. Пит мог огрызаться сколько угодно, но в результате все равно получалось по-моему. Можно сказать, я был почвой для его неба. Небо – это замечательно, но и без земли никуда.

В конце концов каждый добился своего. Мы сместили акцент с исполнения популярных каверов на блюз и оригинальный материал, но делали это постепенно, как я и хотел. Каждую неделю мы добавляли по паре новых песен. Спустя несколько

месяцев мы еще не играли сплошной блюз, но были близки к этому. Чтобы держать публику в тонусе, мы переключились на репертуар лейбла Tamla Motown, на песни Джеймса Брауна, или на менее известных исполнителей, таких как Гарнет Миммс. Проблема блюза в его монотонности – через некоторое время это все равно что слушать, как сохнет краска. Мне-то это нравилось, но, вот представьте, вы пришли вечером потанцевать после шестидневной рабочей недели, это ваш единственный выходной и все, что вы слышите, – это двенадцатитактовый блюзовый рифф. Но стоит вклинить Джеймса Брауна, и вуаля – все довольны.

Окончательная смена вектора произошла в четверг вечером в Oldfield в конце 1963 года. Нас срочно вызвали после того, как внезапно отменилось запланированное выступление другой группы. Мы согласились при условии, что сможем играть все, что захотим. Той ночью аудитория получила программу, полностью состоящую из ритм-энд-блюза. На следующей неделе мы исполнили такой же сет. Мы изменились, и наша аудитория поменялась вместе с нами. Кто знает, может, это я был прав, а может, Пит. Самое главное, что зрители все еще были с нами.

Наше исполнительское мастерство тоже не стояло на месте, и мы находили новое способы выразить свою агрессию. Фразировка, удары аккордов, больше бита, меньше свинга… Мы называли это словом «драйв». Перед концертом мы говорили: «Погнали!». Драйв. Драйв. Драйв. Я чувствовал, будто мы пытаемся пронзить своей музыкой всю аудиторию вплоть до задней стены зала. Я всегда делал это, даже на «Вудстоке», где не было никаких стен, но была полумиллионная толпа, простирающаяся до линии горизонта. Мой драйв должен был обогнуть землю. Не играй перед аудиторией – играй прямо в нее. Ты должен попытаться вызвать у них чувства, пронзить их драйвом. И это работает.

Спросите людей, которые слушали нас с задних мест стадиона «Уэмбли». Даже тогда, когда на концертах еще не было огромных телеэкранов, зрители сказали бы вам, что почувствовали драйв. По крайней мере я надеюсь, что они так сказали бы. Все дело в том, что вы вкладываете в музыку. Дело в этой энергии. Это невозможно описать, но мы излучали энергию, а слушатели ее получали.

Дело действительно начало набирать обороты, когда появился этот пряничный человечек по имени Кит. У нас и в мыслях не было выгонять Дага. Он все так же играл на джазовом барабане, но ему пришлось уйти из-за того, что его женушке осточертело, что благоверный околачивается в группе. Через две недели после его ухода мы выступали в отеле Oldfield в Гринфорде, и во время перерыва к нам подошел один пацан и

сказал, что его приятель может играть на барабанах лучше, чем наш сессионный музыкант, который был тогда с нами. Затем вперед шагнул Мун, с рыжей после неудачной попытки перекраситься в блондина макушкой.

– Здаров, – сказал этот маленький дерзкий засранец.

Кит Мун родился в Уэмбли 23 августа 1946 года, хотя он всегда лукавил и называл датой своего рождения 1947 год. Он был гиперактивным ребенком, чьим хобби были просмотр «The Goon Show» (юмористическая радиопередача британской радиостанции Би-би-си, выходившая с 1951 по 1960 годы. В основе шоу нелепые сюжеты, сюрреалистические шутки, каламбуры, яркие фразы и множество странных звуковых эффектов. – *Прим. пер.*) и устраивание взрывов. Как и ожидалось, дела с системой образования у него обстояли даже хуже, чем у меня. Он провалил свой «11+» и попал в среднюю школу Алпертона. Его учитель рисования называл его «отсталым в художественном плане и идиотом в других отношениях», а учитель музыки заявил, что у него «большие способности, но он должен воздержаться от того, чтобы выпендриваться». Другими словами, он был рожден для того, чтобы стать нашим барабанщиком. В тот вечер сессионный барабанщик швырнул ему палки, и мы тут же пустились играть «Road Runner» Бо Диддли. «Я – дорожный бегун, милая, и тебе не поспеть за мной», – пелось в песне. Но Кит поспевал, да еще как. В середине песни он начал играть синкопированный ритм. По сути, игра на барабане это математика, но его математика была словно с другой планеты. Она послужила плацдармом для хлестких ударов Джона по бас-гитаре и мощного ритма Пита. Игра Кита перенесла все на новый уровень: прямиком на наивысшую ступень с того самого вечера в отеле Oldfield.

Кит всегда утверждал, будто его никогда официально не просили присоединиться к группе, однако я ясно помню, как в конце того выступления сказал ему, что мы принимаем его к себе на следующей неделе. Это означало: «Работа твоя, дружище». Таким образом, в апреле 1964 года был последний раз, когда в нашем составе происходили изменения, вплоть до 7 сентября 1978 года. Кит был последним, и он же был номером один, благослови его Господь. Он обеспечил нам четырнадцать лет головной боли и смеха в более или менее равных пропорциях. С тех пор мы оказались в невероятно интенсивной экспериментальной фазе. Есть запись нашего выступления в Marquee чуть позднее в том же году, на которой мы исполняем «Smokestack Lightning» Хаулин Вулфа. Классический блюз. Затем посреди песни мы переходим в джаз. Мы не этого не

планировали, просто так получилось. Переключение было таким плавным, как будто мы были телепатами и понимали друг друга без слов – невероятный опыт. Нам четверым было просто жизненно необходимо повстречаться на пути. Нам было по девятнадцать лет, но мы играли так, словно занимались этим многие годы. Мы понимали друг друга. Мы следовали друг за другом. Мы общались друг с другом через музыку. И, что нередко упускается во многих байках о The Who, мы уважали друг друга.

* * *

Впервые я услышал о модах осенью 1963 года (моды – британская молодежная субкультура 1950–1960-х, приверженцы которой отличались элегантной стильной внешностью, ездили на мотороллерах и слушали джаз, соул, ритм-энд-блюз, рок-н-ролл. – *Прим. пер.*). У моей сестры Кэрол был парень из Луишема, у которого имелся скутер. Пит души не чаял в своем коротком черном пальто из поливинилхлоридного волокна, а также его очень привлекали модные танцевальные движения моей сестры. Так все и началось: пальто из ПВХ, твидовые брюки клеш с рисунком «елочка» и минималистичный твист моей сестры. Пит увлекся культурой модов по той же причине, почему большинство мальчиков увлекается чем-нибудь – из-за девочки, моей сестры. Но мне кажется, что он стал настоящим модом. Я пытался быть модом, но на самом деле я мог быть кем угодно, лишь бы не работать с листовым металлом. И если честно (а мы тут не пишем диссертацию на тему культурных феноменов), то в сущности не имело значения, как мы себя называли. Мы были молоды, большинство из нас были выходцами из рабочего класса. Денег на одежду, сигареты и тусовки у нас было не много. Никакой военной службы и еды по талонам. Мы хотели веселиться и наслаждаться свободой. Все, что написано о модах, написано задним числом. Сегодня создается впечатление, будто у нас был план. Люди идеализируют модов, делают из них интеллектуалов. Но правда в том, что у нас не было никакого плана. Все это было просто модой. Возьмите парня с бакенбардами и пиджаком Элвиса, протащите его через три магазина, и вуаля – теперь он мод. Но внутри-то он не изменился.

Мода пришла не из художественной школы. Она создавалась на улицах и была невероятно изменчивой. Что-то было модным две-три недели, а затем забывалось. Например, был период, когда униформа продавцов мороженого была на пике популярности. Ночью все бродили в белых халатах до колен, и вряд ли кто-

нибудь из этих ребят торговал мороженым. Три недели спустя их и след простыл. Один тренд сменялся другим.

Учитывая все это, мы оказались в первых рядах общественного движения, и это дало группе импульс. Всегда выгодно находиться в авангарде какого-нибудь движения. И нам с этим повезло. Тем, кто действительно повел нас по этому пути, был Пит Миден. Нанятый Хельмутом Горденом, чтобы сделать из The Who супергруппу, он вошел в нашу жизнь вслед за Китом. Я впервые встретил его в начале 1964 года в бальном зале Glenlyn в Форест-Хилл. Той ночью мы играли на разогреве у «Роллингов», и я болтал с Брайаном Джонсом в баре. Он был в восторге от версии «Route 66», которую они только что записали. Миден был деловым партнером Эндрю Луга Олдема, менеджера The Rolling Stones, и тоже присутствовал на том концерте, разодетый, как рекламщик, коим он и являлся.

После нашего выступления у нас с ним завязался разговор. Он сказал, что наша группа великолепна, но нам недостает имиджа. Без мало-мальского стиля мы выглядели, как еще один клон «Роллингов». «Не будь черной овцой, – сказал он. – Будь красной овцой». Это была его мантра – быть красной овцой. Он был на три года старше меня, а когда вам девятнадцать лет, это существенная разница, поэтому я прислушивался к нему. Мы все прислушивались. В следующее мгновение я уже носил белый жакет из сирсакера (тонкая хлопчатобумажная ткань с рельефными полосками. – *Прим. пер.*), рубашку с воротником на пуговицах и пару черно-белых туфель (я сам раскрасил их). Чем не красная овца? Затем он убедил нас сменить название группы с The Who, которое он считал безвкусным, на The High Numbers, потому что движение модов било рекорды популярности (моды называли друг друга «Numbers», а «High» относилось к амфетаминовым таблеткам, которые они принимали. – *Прим. пер.*).

Затем меня заставили сменить прическу. Мод, даже если он притворяется, не может иметь длинные вьющиеся волосы. Боже, как это было ужасно. Лучше бы я подхватил триппер. Но мод с короткими вьющимися волосами был не намного лучше. Мне приходилось выливать на себя целые банки «Dippity-Do», американского геля для волос сильной фиксации, чтобы волосы не кудрявились. Если мы не слишком часто выходили на бис, то одной большой ложки геля мне с лихвой хватало на шоу. Я был как Золушка с кудрявой шваброй вместо тыквы.

Все это заслуга Пита Мидена. Он знал, как преподнести нас. Он знал, что все дело в имидже. Так было всегда. Возьмите Дина Мартина, который культивировал образ непринужденного

эстрадного певца-алкоголика со стаканом ликера в одной руке и сигаретой в другой. Его любили за этот имидж, хотя пьяным он был лишь на вид, а в стакане вместо ликера у него был яблочный сок. В нашем мире The Beatles стали первой поп-группой. «Роллинги» были их противоположностью. Нам предстояло найти собственную нишу, что-то свежее. Этими поисками мы с Питом и занимались на тех концертах в Форест-Хилл. Они сыграли большую роль, ведь мы находились у самых истоков зарождения модов, в районе Луишема и Бромли. Это дало нам плацдарм для дальнейших действий.

* * *

Летом 1964 года мы нашли нового менеджера. Вернее, это он нашел нас. Мы играли привычный ритм-энд-блюз в «Железнодорожной таверне» в Харроу. В 2000 году этот заброшенный отель сгорел в результате поджога, и, как и ожидалось, сейчас там стоит многоэтажный дом. Его назвали Домом Долтри, а неподалеку находится Дом Муна. В 1964 году по вторникам «Железнодорожная таверна» становилась для нас домом, маленьким душным прокуренным домом с низкими потолками. В те времена такие места всегда казались как минимум в восемь раз больше, чем они были на самом деле. Вернувшись туда через двадцать-тридцать лет спустя, ты понимаешь, что это просто крошечные маленькие комнаты. Но «Таверна» всегда была забита под завязку – целое море людей. А ведь в те дни люди танцевали. Впереди мог стоять ряд зевак, которые просто смотрели на происходящее, но все остальные обязательно отплясывали.

Мы немного выросли в плане звукового оборудования. Мы одалживали и выпрашивали усилители, меняли комплекты, находили всякую всячину по дешевке. Нам все еще было далеко до той оглушительной бомбежки, которую мы устраивали, уже прославившись, но наш звук подходил тому крошечному залу в «Таверне». Мы играли громко, и атмосфера была опасной – все, как мы любим. А затем в помещение зашел Кит Ламберт, которого, по его словам, привлекла куча мотороллеров «Lambretta», припаркованных снаружи. Местные моды любили его, потому что он с порога угощал всех выпивкой. И Пит тоже любил его, потому что он был сыном композитора Константа Ламберта, а его крестным отцом был Уильям Уолтон (сэр Уильям Тернер Уолтон – британский композитор и дирижер. – *Прим. пер.*). Моя реакция была: «Кто, черт возьми, такой Констант

Ламберт?» Но потом мне тоже полюбился Кит, потому что он был само очарование.

Кристоферу Себастьяну Ламберту было двадцать девять лет, когда он увидел эти мотороллеры «Lambretta» и вошел в наш мир. Он производил впечатление зажиточного британского офицера, и не зря, поскольку именно им он и был. После Оксфорда он служил в Гонконге, а затем вместе с двумя друзьями из университета отправился в экспедицию на поиски истока реки Ирири в Бразилии. Дело закончилось плачевно. Один из друзей удостоился чрезвычайно сомнительной чести стать последним англичанином, который был убит изолированным племенем на Амазонке. Кит был задержан правительством Бразилии по подозрению в убийстве своего друга, пока не был освобожден благодаря кампании, запущенной британским таблоидом «Daily Express». Он вернулся в Англию и стал помощником режиссера фильмов «Пушки острова Наварон» и «Из России с любовью». Весьма хорошее начало новой насыщенной жизни. А затем он пришел к нам концерт в поисках своего следующего приключения.

– Мы пытаемся сделать фильм о новых тенденциях, – сказал Кит. – Мы ищем группы, и вы – лучшее, что мы видели. Мы хотим снять о вас фильм. Не желаете еще выпить?

Кит хотел представить нас своему деловому партнеру, который был в Ирландии и работал над фильмом с Джоном Хьюстоном. Мы согласились пройти прослушивание в церкви Святого Михаила на Аскью-роуд в Шепердс-Буш. Это была церковь, где обвенчались мои мама и папа. Там же я пел в хоре, будучи ребенком. Теперь это стало местом, где мы обрели нового менеджера. Итак, пару недель спустя мы сидели и настраивали оборудование, как вдруг зашел Крис Стэмп. Офигительно крутой парень. Парень с *лицом*. Его брат Теренс был кинозвездой, и у него был имидж, но, доложу я вам, когда вы видели их обоих во плоти, Крис имел преимущество. Он был всего на пару лет старше меня, но у него была эта опасная черта, которой у Теренса никогда не было. Ист-Эндовская острота, если так можно выразиться.

После прослушивания мы все пошли в китайский ресторан, и Кит объявил, что хочет взять нас под свое крыло. Он уже завладел нашими контрактами с Хельмутом Горденом и Миденом, и у него было предложение: они платили нам двадцать фунтов в неделю и брали сорок процентов с концертов. Нам не потребовалось много времени, чтобы принять решение. Дело казалось верным. Мы пробовали играть по правилам Мидена. Мы записали для него сингл «Zoot Suit», а он даже не попал в чарты. Мы также знали,

что у него нет денег. А у Кита деньги водились. По крайней мере нам так казалось. Он должен был быть богат, иначе как он мог сорить деньгами направо и налево? Только спустя много лет я узнал, что ему пришлось продать по дешевке одну из картин своего отца, чтобы выплатить нам жалование.

* * *

Итак, мне было двадцать лет, я все еще был ребенком и стоял на распутье. По мере развития группы у меня появился реальный шанс осуществить свою мечту. Или я мог оставить ее и остаться со своей семьей. Второй вариант был безопасным и, я признаю это, достойным, но принимать подобные неопасные решения было против моей природы. Когда ты молод, ты думаешь, что все по плечу. Но в некоторых отношениях мой характер остался прежним. Я надеюсь, что с годами я стал немного мудрее, но я все еще верю в удачу и возможность рисковать. Я хотел быть музыкантом. Я хотел поставить на кон все, что у меня было, а значит, я должен был уйти.

Через несколько дней после моего ухода от жены ко мне пришел отец. Я разгружал оборудование для концерта в Railway Hotel в Уилдстоне, и он подошел ко мне и попросил, чтобы я вернулся к Джеки. Я сказал ему: «Папа, брак не для меня, я создан для другого». И тут он просто с катушек слетел. Он начал орать на меня прямо посреди улицы, а затем ударил меня. Он не был бойцом. Потребовалось много времени, чтобы вывести его из себя. Даже когда меня исключили из школы, он не бил меня. Тот случай у Railway Hotel был первым и последним, когда он поднял на меня руку. Я любил своего отца, и он любил меня, просто папа не мог вынести моего поведения.

Я не горжусь своим поступком. Я повел себя как настоящий засранец. Я был беззаботным ублюдком. Я понимаю это сейчас, понимал и тогда, но, возможно, именно это требовалось моей группе. Я мчался на всех парах и просто обязан был сделать то, что сделал, и ничто не могло меня остановить. Я был похож на того парня из фильма «Близкие контакты третьей степени», который возвел гору у себя в подвале, не зная зачем. В конце концов, вы осознаете, что к чему. Приходит понимание, что пускай ты и был полным засранцем и беззаботным ублюдком, но ты не мог поступить иначе. Никаких полумер. Я не жалею, что поступил именно так, как поступил. Я рискнул и предпринял то, что казалось мне правильным. Как только я принял решение, оно сразу же обрело смысл. Я знал, что могу добиться большего, а

когда добьюсь, то позабочусь о Джеки и Саймоне. Я мог обеспечить им лучшее будущее. Так я и сделал. Как только у меня появилась возможность, я начал присматривать за ними. С 1970-х каждую весну мы все вместе ездили на каникулы. Ее семья, моя семья. Старые раны зажили, и для всех нас настала лучшая жизнь. А однокомнатную квартиру, работу на фабрике и редкие вечеринки по выходным и жизнью-то сложно назвать. Что еще важнее, без моего побега The Who никогда не стали бы тем, кем стали. Или стали бы, но не со мной. Мир заполонили бы сольные альбомы Таунсенда.

После того случая мы с отцом больше никогда не говорили об этом. Я был расстроен до глубины души. Я знал, что причинил ему боль, и это чувство не покидало меня долгое время, хотя он никогда не злился. Я отправился в путешествие с маленьким чемоданом и гитарой. На мне был костюм, плюс несколько рубашек. Если взглянуть на фотографии группы, вы увидите, что у меня было четыре комплекта одежды. С тех пор я не изменился – я все еще очень простой парень.

* * *

То лето я провел в нашем последнем прекрасном фургоне. Он сулил нам столько надежд. Этот фургон был одним из козырей рекламной кампании Кита. «Вам понадобится большой фургон, – сказал он, – потому что освещение и оборудование у нас будут занимать много места. Я куплю вам этот фургон». И он сдержал свое слово, но это было не совсем то, на что мы надеялись. На деле фургон оказался видавшим виды грузовым автомобилем на три тысячи килограммов. Сзади у него не было окон, поэтому я вырезал их, пожертвовав практичностью в угоду стилю. Только когда остальные участники группы заняли свои места, мы поняли, что окна были чересчур высоко. Такое могло случиться в «Spinal Tap» («This is Spinal Tap» – культовый сатирический фильм о жизни вымышленной британской рок-группы, чей успех идет на убыль. – *Прим. пер.*). Всех это бесило до чертиков, но я не возражал по трем причинам. Во-первых, это смотрелось хорошо, а, как я уже сказал, хороший вид – это одна из главных составляющих успеха. Лучше, конечно, обладать и стилем, и практичностью, но если приходится выбирать что-то одно, то выберите стиль. Во-вторых, над кабиной водителя было небольшое спальное место. В-третьих, остальные отказались путешествовать без возможности смотреть в окно. Они решили путешествовать отдельно с Китом в его «фольксвагене» и

ночевали в отелях. А я ночевал с Клео.

Клео. Девушка, которой выпало несчастье разделить со мной маленькое ложе над кабиной в этом ужасном старом драндулете. Она была родом из Вест-Индии и запомнилась мне как одна из самых красноречивых девушек, что попадались мне на жизненном пути. Хотите верьте, хотите нет, но в свое время я повстречал немало хорошеньких особ. По чистому совпадению она также была крестной дочерью Константа Ламберта. Все ее семейство действительно было прочно связано с театром. Я не знал, кто они. Я просто влюбился в нее. Я думал, что она была просто-напросто великолепна. Вдобавок она увлекалась музыкой и при любом удобном случае пыталась познакомить меня со ска (танцевальный музыкальный стиль, основанный на одноименном ямайском стиле, близком к регги. – *Прим. пер.*). Мы навещали ее семью в Брикстоне. Я был единственным белым парнем в округе, но атмосфера была доброжелательной. Меня тепло принимали, и я чувствовал себя как дома. Дело было не в цвете кожи. Это была борьба, борьба за то, чтобы не оказаться на дне. Их музыка отличалась от эстрадной и зарождалась в других местах. В ее основе лежало первобытное желание оставить свое имя на стене, а затем свалить отсюда к чертям. Так мы это видели, ну или, по крайней мере, так видел я. Музыка говорила со мной. Я хотел оставить свое имя на стене, и я тоже хотел убраться отсюда к чертовой матери. Я действительно любил Клео. Я любил ее за ее музыку и за то, что она была готова жить со мной в фургоне. У меня остались только приятные воспоминания о том лете.

* * *

9 августа 1964 года The High Numbers выступили на Брайтонском ипподроме – довольно престижное место. Мы играли на разогреве у Gerry and the Pacemakers, Элки Брукс и (барабанная дробь) Вэл Маккаллум. «Кто, черт возьми, такая эта Вэл Маккаллум?» – спросите вы. Этот же вопрос задали мы нашему промоутеру, парню по имени Артур Хоус. Он организовывал совместные турне по Великобритании и сказал: «Слушайте, ребята, вы можете участвовать и выступить со своей программой, но вам также придется поддержать Вэл».

– Кого-кого?

– Вэл Маккаллум. Она важная шишка.

– Ладно.

Так что в тот вечер в Брайтоне Пит, Джон и Кит отыграли одну часть концерта с этой пташкой Вэл, а затем вторую часть со

мной. В следующее воскресенье мы были в Блэкпуле с The Beatles и The Kinks. Первая половина – ребята и Вэл, вторая половина – ребята и я. Не помню, в какой момент мы поняли, что один из пунктов контракта Артура с Вэл состоял в том, что он хотел трахать ее, но это произошло довольно скоро. Полагаю, мы еще легко отделались по сравнению с Вэл. Эти события происходили летом и осенью 1964 года. Разъезжая по концертам, мы с Клео объехали всю Британию. Когда становилось темно, мы останавливали на обочине наш ржавый старый грузовик. Из раза в раз он все больше покрывался надписями от поклонниц, сделанными помадой, которые все больше и больше выглядели так, словно их оставил Кит.

Жизнь была чудесным приключением. Мы впервые увидели Озерный край. Мы добрались до Глазго на концерт в Kelvin Hall Arena с Лулу – прекрасной, несмотря на свои шестнадцать лет, вокалисткой и присоединились ко всей ее семье во время вечеринки после шоу. Мы изъездили всю страну вдоль и поперек, ни разу не попав в аварию по пути. Вероятность последнего была даже меньше, чем шансы на то, что мы с Питом все еще будем выходить на сцену спустя пятьдесят лет.

И самое удивительное, что не перестает удивлять меня по сей день, это то, что мы провернули все это, вооружившись лишь картой и адресом, написанным на обратной стороне конверта. Никакой спутниковой навигации, никаких Google Maps, да даже никаких почтовых индексов. Как мы общались без мобильных телефонов? Как мы отыграли все эти концерты, откатали все эти бесконечные гастроли, когда даже стационарный телефон зачастую был вне доступа? Это было волшебство и счастье. Я сбежал из школы, но не стал грабить банки. Я ушел с фабрики. Я оставил муниципальную квартиру. Мне было двадцать лет, и я зарабатывал на жизнь, занимаясь тем, о чем моя учительница музыки миссис Боуэн и помыслить не могла.

Глава 6. The Who, верно?

В первый раз гитара погибла случайно. Это был сентябрь 1964 года, и мы играли свою обычную программу в «Железнодорожной таверне». Единственным нововведением была новая складная сцена, стоявшая на несколько дюймов выше перевернутых ящиков для пива, на которых мы обычно выступали. Пит как раз исполнял один из своих сценических выкрутасов, как вдруг пробил гитарой потолок. Все смолкли. Некоторые девчонки в зале захихикали. Пит решил скрыть свою ошибку, разбив гитару на куски. Его выходка меня взбесила. Он же говорил, что это было искусство. Он, мол, выводит творчество Густава Мецгера на новый уровень. Какой еще Густав? Это все чушь собачья. Дырка в потолке не имела ничего общего с Мецгером, а вот с хихикающими девочками – очень даже. Это было душераздирающее зрелище. Когда я вспомнил, чего мне стоили мои первые гитары, я словно бы стал свидетелем расправы над священным животным. Дорогим священным животным, которое мы теперь должны были заменить другим дорогим священным животным. А еще нам пришлось заплатить за дыру в потолке.

Очень скоро Пит не просто разносил в щепки свою гитару – он вставлял гриф прямо в динамик усилителя, чтобы добиться всевозможных сюрреалистических звуков. В этом было что-то первобытное, что-то жертвенное. Гитара кричала около пяти минут, пока ее окончательно не разбивали. Критики не обратили на это внимание, но фанаты сразу же просекли фишку. Они почувствовали энергию этого ритуала. Журналисты писали о том, что видели, но не о том, что слышали. В этом состояла проблема с разносом инструментов – мне казалось, что люди приходили только для того, чтобы поглазеть на это. Они перестали слушать.

Знаете, я бы очень хотел, чтобы сегодня Пит уничтожал свои гитары ровно так же, как и тогда, но перед этим призывал аудиторию не просто смотреть, но и слушать. И ведь они последовали бы его совету, не так ли? Только представьте семидесятилетнего мужчину, который яростно набрасывается на стойки усилителей, – весьма захватывающее зрелище. Но по крайней мере сегодня мы могли бы себе это позволить. В 1965 году его художественное самовыражение обходилось нам очень дорого.

Мне уже и без того приходилось воевать с Китом и его летающими барабанными палочками. Едва мы получили первое признание, как он уже стал главным красавчиком The Who. Где

бы мы ни играли, всюду девушки кричали: «Кит, Кит, Кит!». Ему нравилось быть в центре внимания, да и вряд ли его можно за это упрекать. Проблема заключалась в том, что я загораживал ему вид, но ведь я был фронтменом, это было моей работой. И тогда Кит решил, что барабанщик должен быть впереди.

Чтобы отстоять свою точку зрения, он каждый вечер швырял мне в затылок барабанные палочки, каждый чертов концерт. Мысль о том, чтобы барабанщик находился на передней части сцены, а остальные участники группы ютились у него за спиной, звучала нелепо, но он относился к этому на полном серьезе. Когда метание барабанных палочек не сработало, он решил стать главным на задней части сцены. И в этом он был великолепен. Он делал все, чтобы перетянуть на себя часть внимания. Больше всего ему хотелось петь. Однако петь он не мог. То есть мог, но не очень хорошо. Но если вы когда-нибудь захотите увидеть барабанщика с истинным блаженством на лице, посмотрите, как Кит Мун поет «Bellboy». Он с головой уходил в процесс и оказывался на седьмом небе. Порой, когда мы были в хорошем настроении, то позволяли ему исполнить «Barbara Ann», но только один раз за несколько выступлений. В любом случае он пел так громко, как только мог. Вы можете услышать это на старых записях. В каждой песне Пит и Джон отвечали за вокальные гармонии, то есть за бэк-вокал, а я пел партию ведущего вокала. И Кит вместе со мной.

Помимо наркотиков, нехватки денег и выдрючивания Кита, дела шли хорошо. Для начала мы разобрались с названием группы, что всегда крайне важно. Мы были The Detours до февраля 1963 года, когда выяснилось, что нас путали с другой группой под названием American Detours. Я не могу точно вспомнить, кто первым додумался до The Who. Мы зависали в квартире у Барни, приятеля Пита, придумывая одно глупое название за другим. «Группа». «Никто». «Волосы». Последнее название понравилось Питу. Но вроде как Барни не совсем его расслышал. Он спросил:

– Кто?

А затем кто-то сказал:

– А хорошо звучит: «Кто».

Так все и было. Или, может, это случилось на следующий год или около того. Затем, на протяжении четырех месяцев в 1964 году, мы были The High Numbers. Затем появился Кит Ламберт и заявил: «Нет, мы возвращаемся к The Who. Это название намного лучше. Гораздо более наглядное. С тремя буквами можно сделать гораздо больше, чем со всей этой чертовой кучей букв в High Numbers».

Среди ответственных за плакаты было много недопонимания и смятения, но это того стоило. Через пару месяцев Кит придумал, как мне кажется, самый лучший рок-плакат всех времен и народов. Это бы и наполовину так хорошо не сработало с «чертовой кучей букв» в The High Numbers. Был конец 1964 года, и вечерами по вторникам мы выступали в Marquee. Клуб Marquee ничем особо не выделялся. Но это был настоящий Вест-Энд. Мы и раньше играли в городе, но сейчас все было по-серьезному. Именно здесь выступали «Роллинги». Но во вторник вечером в клубе не было ни души. Для полной картины не хватало перекати-поля. Никто не приходил сюда по вторникам. Но Кит сделал свой плакат:

The Who. Максимальный ритм-энд-блюз. По вторникам в Marquee.

На плакате был изображен Пит, похожий на лебедя. Кит привнес частичку балета в этот плакат, и полдела было сделано. Был у него и еще один козырь в рукаве. «Мы пойдем и разыщем сотню самых модных модов, – сказал он, – и сделаем их костяком нашего фан-клуба. У нас будут сотни слушателей».

Итак, мы обошли Шепердс-Буш и раздали бесплатные билеты самым модным модам, которых только смогли найти. Затем мы проделали то же самое в Вест-Энде, за исключением того, что во вторник не нашлось ни одного несчастного, который смог бы взять эти билеты. Ни модов, ни каких-нибудь пижонов, вообще никого.

Тем вечером я был так взволнован. Я и раньше играл в пустых залах, но пустой Marquee был бы абсолютно новым уровнем пустоты. Однако постер и беспощадные маркетинговые уловки Кита дали свои плоды. В ту самую первую ночь явилась целая толпа преданных замечательных людей из Шепердс-Буш. А потом подтянулась новая толпа тех, кто опоздал. На следующей неделе посетителей было немного больше. Довольно быстро все закрутилось. Из уст в уста распространялись слухи о том, что во вторник в Вест-Энде выступала одна группа с фидбэком (фидбэк – характерный «воющий» звук электрогитары, достигается из-за резонанса струн и колонок. Пит Таунсенд был одним из пионеров использования фидбэка в качестве музыкального эффекта. – *Прим. пер.*), дикими ритмами и импровизацией. Сарафанное радио в те дни работало намного лучше, чем Интернет сегодня.

Через три-четыре недели очередь уже растянулась на всю улицу. Это был первый ощутимый признак успеха. Мы были мод-группой. Мы были хитом сезона в хитовом клубе на «Западе»,

пока не появились The Small Faces и все не испортили, храни их Господь. Это были настоящие моды из Ист-Энда, и, по моему мнению, Стив Марриотт был одним из величайших исполнителей соул-рока всех времен и народов.

Но в начале 1965 года этот титул принадлежал нам, и это было классно. Кит делал свою работу в качестве нашего менеджера. Он нашел нам дом, организовал для нас подобие фан-клуба, он знал, как нас продать. Если кто-то из нас делал что-то новое на сцене, он подмечал это и говорил, стоит ли это оставить или нет. Обычно Пит выступал за сохранение нововведений. У него был свой генеральный план, и иногда мне хотелось, чтобы он поделился им с нами, но в то же время мы полностью доверяли ему. Если он говорил прыгать, мы прыгали. А он говорил прыгать. Он призывал нас быть все более дикими и необузданными. Публика в пабах и клубах любила его, несмотря на то, что он происходил из другого общества. Возможно, это было связано с тем, что он всегда угощал людей выпивкой. Мы любили его, потому что он понимал суть шоу. Он видел, что на одной только музыке не выехать. Нужен был полный набор.

15 января 1965 года мы выпустили наш первый настоящий, написанный Таунсендом сингл The Who. Недавно Пит сказал, что «I Can't Explain» была написана неизвестным восемнадцатилетним пареньком, который не мог признаться своей девушке в любви, потому что принял слишком много таблеток дексамфетамина. Еще он сказал, что его нельзя обвинять в прямом копировании The Kinks (британская рок-группа 1960-х годов, которая разработала характерное британское звучание, оказавшее влияние на множество исполнителей самых разных жанров. Являются одними из основоположников субкультуры модов. – *Прим. пер.*). Трек все равно попал в топ-10, и мы по сей день начинаем с него наши концерты. Это отличная песня. Но записывать ее было совсем не просто. Мы появились в студии Pye Records в районе станции метро «Мраморная арка» в сентябре 1964 года, чтобы начать работу над нашим большим студийным дебютом. Мы были готовы сыграть нашу первую авторскую композицию в нашем новом уникальном английском стиле. Но Шел Талми, модный американский продюсер, навязал нам бэк-вокал с гармонией в стиле Beach Boy, который Пит проклинает и по сей день. Хуже того, он привел Джимми Пейджа, чтобы тот сыграл соло на гитаре.

«Вот дерьмо!» – такой была моя реакция. Реакция Пита была немного более красноречивой, но что мы могли поделать? Я хотел, чтобы Пит играл. Я хотел, чтобы мы были сами собой, а не той группой, в которую хотел превратить нас какой-то янки. Будь

у нас право голоса, мы бы отказались, но выбора у нас не было. В те дни это была живая запись, всего три звуковые дорожки. Впихнуть соло Пита после этого было бы чрезвычайно сложно и привело бы к тому, что запись растеряла бы свою текстуру. Да, Пит сыграл бы великолепное соло, как он делал каждую ночь на концертах, но звук стал бы менее плотным. Невозможно одновременно играть и ритм, и соло. Во время живого выступления вам это еще может сойти с рук – для этого у Пита была особая техника, но мы были в студии и это была наша первая настоящая запись. Талми создал крупные хиты для The Kinks и не собирался менять своего решения. Либо так, либо никак.

Мы записали песню за один дубль, а затем Талми сказал, что мы должны поместить что-нибудь на обратную сторону. Он предложил нам одну песню под названием «Лысая женщина». Я быстренько переписал текст.

> Yeah, I don't want no bald headed woman
> It'll make me mean, yeah Lord, it'll make me mean.
> Yeah, I don't want no sugar in my coffee.
>
> Да, мне не нужна лысая женщина,
> Она меня разозлит. Боже, да, она меня разозлит.
> Да, мне не нужен сахар в моем кофе…

И так по кругу. Работа выполнена. В то время я не понимал, о чем эта песня, но она была блюзовой и я чувствовал себя как дома. Через два часа мы вышли из студии. Джимми звучал совсем не так, как Пит, но этого было достаточно, чтобы мы впервые попали в чарты.

Наше первое появление в «Top of the Pops» («Top of the Pops» или TOTP – музыкальная программа британского телевидения, выходившая на Би-би-си и транслировавшаяся во многих странах мира. – *Прим. пер.*) также обернулось для меня первым полетом на самолете. В те дни это шоу снималось в церковном зале в Манчестере, поэтому Кит посадил нас на рейс British Airways из лондонского аэропорта. Только полюбуйтесь на меня – птица высокого полета. Оказалось, что в самолете я сидел рядом с Марианной Фейтфулл, которую тоже пригласили на TOTP. «С тобой все в порядке?» – спросила она, когда мы взлетели. В общем-то, я был в порядке, но было мило, что Марианна держала меня за руку.

Наш следующий сингл получился более гармоничным. У

Пита уже было готово девяносто пять процентов «Anyway, Anyhow, Anywhere» к тому моменту, как он пришел с этой песней в Marquee одним апрельским днем. Однако ей недоставало бриджа (музыкальной связки между частями. – *Прим. пер.*). Мы вместе поработали над этим на сцене до прибытия зрителей. Поначалу трек звучал как песня о блаженном свободном духе, потому что в то время Пит был одержим Чарли Паркером. Но к концу дня мы уже пели о том, как врываемся в запертые двери, не заботясь о том, что правильно, а что нет.

Это был мой вклад. Я привнес в песню дух улиц, бунтарский настрой. В таком возрасте вам кажется, что вы всегда правы. Строки «Ничто не встанет у меня на пути» посвящались тому, как мы собирались построить свою собственную жизнь, и мне кажется, что они были очень уместны. И, конечно, в середине песни присутствовал фидбэк Пита. Это было ново. Это было революционно – настолько революционно, что наш лейбл Decca отослал первый тираж пластинок обратно, потому что там посчитали, что запись испорчена. Но это были мы. Мы увековечили наш сценический акт на виниле.

Мы попали в чарты. Мы побывали на телевидении. Би-би-си снизошли до того, чтобы пустить нас на радио. А затем у нас случились первые зарубежные гастроли. Две ночи в Париже. Это вам не Шепердс-Буш. Там все было совсем по-другому, по-иноземному. Я не знаю, как мы выглядели в глазах парижан. Разумеется, у них у всех было отличное чувство стиля, и мы наверняка казались им пришельцами из космоса. Концерт состоялся в клубе Club des Rockers с небольшим залом с барной стойкой без сцены. Мы забились в угол, а зрители были прямо перед нами, на уровне наших глаз и лиц. Bon soir.

Мы начали играть «Heatwave», и толпа просто стояла, уставившись на нас, практически не демонстрируя никаких эмоций. Они были французами. Мы были англичанами. Ни одной английской группе не было легко во Франции. Возможно, они ненавидели нас? Возможно, это был их способ показать галльское презрение? Поэтому мы отреагировали так, как всегда в таких ситуациях. Добавили каплю соответствующего настроя.

«Daddy Rolling Stone», «Motoring», «Jump Back». Ноль реакции. Мы прибавили газу. Неужели это провал? Неужели мы так и покинем сцену в полной тишине? Это продолжалось в течение всего сорокапятиминутного сета, а затем, как только мы закончили самую зловещую, агрессивную, дикую версию «Anyway, Anyhow, Anywhere», публика будто с катушек слетела. Наш первый концерт за границей обернулся успехом. О нас написали в местном музыкальном журнале: «Аудитория поняла, что

зарождается новый стиль рока». Впрочем, я не уверен, что это было правдой и у зрителей действительно возникли столь философские мысли. Их всего-навсего как следует встряхнуло.

Конечно, у Кита не было денег, чтобы отвезти нас обратно, но он прекрасно говорил по-французски и своим языком проложил нам путь домой. Или он одолжил деньги у Криса Парментера, A&R-менеджера из Fontana Records. Кит был мастером развода. Он использовал свой аристократический акцент и свой адрес в Белгравии (один из самых фешенебельных районов Лондона. – *Прим. пер.*), чтобы открывать всевозможные лазейки для превышения кредитного лимита. У него были карты в Harrods и Christopher Wine Company и счета в нескольких банках, все в минусе.

Когда дело становилось совсем худо, он наведывался в казино с чековой книжкой. В случае выигрыша у него появлялось достаточно денег, чтобы расплатиться с судебными приставами, а если он проигрывал, то чек все равно не был действительным. Он был игроком, но с помощью своего красноречия мог выпутаться из любой ситуации. Благодаря чему мы и вернулись из Франции. Но по возвращении домой его выселили с Итон-плейс. Для нас это был отчетливый звоночек, что New Action, управляющая компания Кита и Криса, была на мели.

Что касается Пита, то у него дела шли в гору. Он сидел в своей квартире в Белгравии, весь в заботах о готовящемся альбоме, и слушал оперу, дистанцировавшись от всего. У него были деньги. Он получал авторские отчисления. Выручка с концертов была для него всего лишь карманными деньгами. Это изменило нас. Мы превратились в группу и автора песен. Полагаю, это было неизбежно с самого начала, но у нас не было диктатуры и я никогда не был просто рядовым солдатом. Я все еще компоную наши шоу, выбираю порядок исполнения песен. У меня есть чутье относительно того, в какой именно последовательности их нужно играть, чтобы ощущения от нашей музыки заискрились в теле зрителя. Если поместить песни не в том месте, можно не достичь этого эффекта, а мы такого себе никогда не позволяли. На первых порах мы обходились без сет-листа. Я просто выкрикивал названия песен, и ребята начинали играть. В разгаре выступления я чувствовал, какая композиция должна следовать за той, что мы играли. Я углублялся в свое сознание, анализировал свои чувства и решал, как можно было бы перенести эти чувства и эмоции на другой уровень, не разрывая связи. Такой подход совершенно отличался от того, чтобы просто лабать хиты один за другим.

Многие группы распадаются из-за отсутствия баланса. Или,

что еще хуже, они оказываются в суде, споря из-за того, кто, что и когда написал. Это не имело для меня большого значения. За эти годы я, конечно, иногда беспокоился, но не о деньгах, а о признании. Я сделал свой вклад, понимая, что именно привнес в группу, поэтому было тяжело читать критику моего вокала в прессе. Но такова жизнь. Зачем тратить время на волнения? Вместо этого я просто смирился.

Я принял осознанное решение, что если моя работа будет заключаться в исполнении песен Пита и если песни Пита будут гениальны (такими они и являются), то я буду доволен своей судьбой, большое спасибо. Я все делал так, как он хотел. Конечно, если мне что-то не нравилось, я прямо сообщал ему об этом. Я никогда не сдерживался, и разговоры были непростыми, потому что, как и большинство писателей, он ревностно защищал свое детище. Но это напряжение тоже было нужным и важным. Оно тоже сделало нас теми, кто мы есть. Оно никогда не было разрушительным. И, что бы ни случилось, я знал, что мы никогда не расстанемся из-за денег. Пит был в своей квартире в Белгравии, а я все еще жил в фургоне с Клео. Честно говоря, я был счастлив. Я жил этой мечтой на колесах.

Тем летом мы просто работали. Работали не покладая рук, вкалывали как проклятые. В 1965 году мы отыграли 236 концертов. Мы обходились тремя-четырьмя часами сна в сутки. Шоу, сон, дорога, шоу, сон, дорога. Я думаю, что я перенес это лучше, чем остальные ребята, потому что они все еще ютились на заднем сидении «жука» Кита. Но затем, в какой-то момент Пит купил «Линкольн Континенталь», а Кит и Джон обзавелись «Бентли». Вдобавок они наняли шоферов, потому что никто из них не умел водить. Пит, паренек из Альпертона, проживал свою собственную версию пьесы «Пигмалион». Он был Элайзой Дулитл, а Кит был профессором Хиггинсом.

Иногда мы ходили в китайский ресторан под названием «Дом лотоса» на Эджвер-роуд. Кит заявлялся туда без гроша, мы все ели и пили от души, а под конец вечера он подписывал скатерть. В те дни это был приемлемый тендер, и ему это сходило с рук. Большинство людей могут провернуть этот трюк один или два раза, но Кит делал это большую часть шестидесятых. Он вытворял такое с чеками и с контрактами. Увидев однажды в 1966 году выступление одного начинающего гитариста, он пригласил его менеджера на ужин в «Лотос». Менеджером был Чес Чендлер, а гитаристом – Джими Хендрикс, и к концу вечера Джими заключил контракт с Китом прямо на скатерти.

В этом весь Кит. Люди восхищались им. Он производил впечатление порядочного, заслуживающего доверия члена

общества. Кит Мун не просто восхищался своим тезкой. Он превратился в него. Прошло около шести недель с момента их первой встречи. После этого Кит Мун мог идеально изобразить Кита Ламберта. Все его манеры, все до мелочей. Было ощущение, что ты сидишь не с Китом Муном, а с Китом Ламбертом. Он подражал ему забавы ради, но это быстро переросло в нечто большее. Все эти его фразы: «Мой дорогой мальчик». Он не говорил вычурно и с сарказмом, он действительно решил стать членом высшего общества. Он купил «Бентли» и обзавелся гардеробом. Он стал поклонником изысканных вин и бренди. Эти долгие ночи в «Доме лотоса» были для него как мастер-классы. Кит с Китом дегустировали весь ассортимент отборного вина, сверяясь с впечатлениями друг друга, прежде чем Кит Ламберт оставлял свою подпись на скатерти.

Люди часто заблуждаются в отношении Кита, считая его обычным пьяницей. Но он был настоящим знатоком выпивки. Когда мы снимали «Томми» в 1970-х, я помню, как он зашел в бар в отеле Портсмута и попросил сделать коктейль с бренди «Rémy Martin». Бармен возразил, что не имеет значения, какой бренди Кит собирался использовать, если он смешает его с чем-нибудь еще. Он просто не почувствует разницы. Но Кит решил поспорить. Он велел ему выстроить в ряд все бренди на полке и добавить к ним имбирь. «Если я угадаю, какой из них «Rémy Martin», – сказал он, – то вы всю ночь напролет будете угощать напитками меня и моих друзей. Если я ошибусь, вы можете забрать мою машину». Бармен согласился. Кит шел вдоль бокалов бренди, словно находился в винном погребе в Бордо. Чутье его не подвело – он сделал правильный выбор.

* * *

Лето 1965 года запомнилось морем работы, несколькими, по большей части конструктивными, разборками и Китом, который неустанно работал над своими познаниями в области бренди. Это было гармоничное лето. Нечасто такое можно о нас услышать. Люди думают, что мы все время ссорились, но это неправда. Большую часть времени мы валяли дурака. В основном мы говорили о музыке и путях нашего развития. Драки и приступы гнева? Большая часть из этого выдумки. Опасность – это часть имиджа. Мы были опасной группой, всегда балансировали на грани, буквально в шаге от мордобоя. Именно этого люди ждали от рок-групп – постоянного разрушительного потенциала. Никому не нужны были группы, участники которых хорошо ладили друг с

другом. «Битлз» уже были лучшими друзьями… по крайней мере в ранние годы. И это соответствовало их стилю музыки. Но с нашим стилем это никак не вязалось. Где же драма? Где опасность? Мы все делали по-своему.

Однако кое-что происходило не напоказ. Иногда драки и вспышки гнева были настоящими. Впрочем, обычно это только шло нам на пользу. Конфликты подкидывали дров в наш костер. Но они случались не очень часто, и в остальное время мы замечательно проводили время. Достаточно взглянуть на фотографии: мы валяли дурака и веселились. Иногда, конечно, мы хмурились на фото, но это всего лишь показывало наше отношение к камерам. В июне 1965 года в «Melody Maker» написали: «Есть на свете группа, которая постоянно находится на грани развала. Всем известно, что речь идет о The Who».

Этой группой и правда были The Who. Мы стояли на краю. Мы были на грани. А потом мы отправились в наше первое европейское турне, и все развалилось. Вполне возможно, что вы слышали историю о том, как меня исключили из группы. Из моей собственной группы. Некоторые люди рассказывали эту историю раньше, но сейчас вы услышите мою версию, и это правда, клянусь своей жизнью. Нет, лучше поклянусь жизнью Пита, потому что пятьдесят лет – это приличный срок и есть небольшая вероятность, что я могу кое-что перепутать.

Итак, мы были в европейском турне, и все шло наперекосяк. Какие-то проблемы случались не по вине группы, но в некоторых все же виноваты были только мы и никто другой. В начале месяца кто-то украл фургон со всем нашим оборудованием, который мы оставили снаружи приюта для животных «Battersea Dogs Home», что было иронично, так как наш роуди Сай поехал туда в поисках немецкой овчарки, чтобы укрепить безопасность нашего фургона. Оборудование, с которым мы в тот раз должны были отправиться в турне, то и дело выходило из строя, даже когда Пит и Кит не разбивали его.

Первый концерт в Голландии прошел хорошо, но где-то между Голландией и Данией парни раздобыли целый мешок «алых сердечек» (наркотические таблетки дексамила в форме сердца. – *Прим. пер.*). Выступление пошло насмарку. Темп становился все быстрее и быстрее. Напрочь отсутствовал контроль. Царил полнейший беспорядок.

Мы приехали в Данию, в Орхус в воскресенье 26 сентября 1965 года. Зал был наполнен пятью тысячами взбешенных датских фермеров. Группа была в середине второй песни, когда толпа слетела с катушек. Люди начали ломать стулья, полетели бутылки, концерт превратился в полномасштабный бунт. Это

было второе самое короткое шоу в нашей карьере.

Наутро новость о нашем концерте облетела газеты, но мы уже отправились на следующее шоу в Ольборг. Именно там все окончательно развалилось. Возможно, всему виной сочетание наркотиков, которые ребята принимали, и взвинченных нервов, но шоу оказалось полной лажей. Я отчаянно пытался донести до слушателей текст и напрягал голосовые связки, но ребята просто играли громче и быстрее. Это была какофония, и так больше не могло продолжаться.

Музыкальная группа с таким большим талантом собственноручно спускала его прямо в унитаз. Поэтому я решил спустить в унитаз кое-что другое. Пока группа разносила сцену в конце «My Generation», я выбежал за кулисы прямо к чемодану Кита в гримерной. Я решил покончить с этим раз и навсегда. Потребовалось пять секунд, чтобы отыскать его заначку, этот большой пакет, полный таблеток. Амфетамины, «алые сердечки» – чего там только не было. И я просто спустил всю чертову партию прямо в унитаз. Конечно, Кит вышел за кулисы прямо вслед за мной, желая принять еще одну таблетку. И тут он поднял крик: «Где они? Что, черт возьми, с ними случилось?» И я сказал ему, что спустил их в унитаз.

Это разозлило его, и он врезал мне своим бубном. Полагаю, мне повезло, что это единственное, что было у него под рукой. Разъяренный Кит обрушился со своей перкуссионной атакой, а я дал ему отпор. Это был не самый страшный бой, но все же это был бой, и я поставил в нем точку. На следующий день мы улетели домой. Меня вызвали в кабинет Кита Ламберта и сообщили, что я больше не являюсь частью The Who.

Глава 7. Как непросто расставаться

Долгое время между нами царила ситуация «трое против одного», и это не имело никакого отношения к деньгам, но вплотную было связано с изобилием наркотиков. С тех пор, как они подсели на амфетамины, наши пути начали расходиться. Я пару раз пробовал «алые сердечки», но они на меня не действовали – единственный эффект от употребления заключался в том, что я кусал свою губу на протяжении пары часов. Из-за таблеток у меня першило в горле, и я не мог петь. Гитаристу наплевать, если у него пересохло в горле – он просто нальет себе больше выпивки, что и делал Пит. Но я не мог петь на таблетках. Так что это было логичное решение. Либо я собирался быть хорошим вокалистом и внимательно относиться к тому, что мы делаем на сцене, поскольку это была моя жизнь и я не хотел ее бросать. Или я мог завязать со всем в ту же минуту. Я знал, какой суровой была чертова конкуренция. В то время существовало немало замечательных, попросту фантастических групп, которые потерпели фиаско. У меня не было желания пополнять этот список, поэтому я предоставил эту честь троим своим товарищам.

Я наблюдал, как многие из моих друзей превращались в обезумевших торчков. Поначалу в такой компании царит дружеская атмосфера, но потом один за другим они отлучаются в туалет, и вдруг в какой-то момент оказывается, что вы сидите с абсолютно незнакомыми людьми. Словно вы оказались на совершенно другой вечеринке. Как много раз в моей жизни мне приходилось быть жестоким с людьми, которые подсели на наркотики. Те, с кем я обходился сурово, все еще живы. Те же, с кем я был недостаточно крут, не справлялись. Я часто размышляю об этом. Это то, о чем я думаю, когда мы выступаем сегодня. Нас осталось двое. Но я был в меньшинстве не только в группе, но и во всем проклятом Лондоне.

Все в Сохо сидели на этих таблетках. Было две очереди: одна за билетами, другая – за наркотиками. Да, настолько это было открыто (и остается до сих пор). Когда в ситуацию вмешались власти и начали штрафовать дилеров, те просто переключились на другие таблетки: «французский блюз», «дексы», «черные бомбардировщики». Вещества становились все забористее. Неудивительно, что Кит, мальчик, сразивший нас своим первым исполнением «Дорожного бегуна», больше не мог держать ритм. Я сразу понял, что стал врагом. Рок-н-ролл превратился в соревнование: кто примет больше наркотиков, перед тем как откинуть копыта. А я шел против течения. С точки зрения ребят

это было вторжением в их жизнь. Они хотели быть свободными, а я портил им все веселье. И вот мы уже возвращаемся домой по отдельности, а потом меня и вовсе вышвырнули вон.

Два дня я места себе не находил. Это было похоже на смерть. Конец всему. Горбатился пять лет, жертвуя всем, – и все впустую. Через пару дней я взял себя в руки и начал строить планы на соул-группу. Я позвонил старым товарищам и разработал репертуар. Я больше не чувствовал себя в ситуации «пан или пропал», потому что просто продолжал, как и всегда. На завод я возвращаться не собирался. Вдобавок к тому моменту я твердо знал, что умею петь. Все эти поп-песни были легкими – ты просто берешь и поешь их. В них нет ничего глубокого. Мы не дошли до того момента, когда сочинения Пита потребовали бы от меня особых усилий или ввергли бы в ступор. В сентябре 1965 года я все еще был уверенным певцом. Я знал, что мой голос оказывает влияние на аудиторию, и мне нравилось петь в группе, поэтому я просто собирался продолжать этим заниматься. Я спокойно относился к тому, что теперь мое будущее не было связано с The Who. Мы все равно не слишком много зарабатывали, так что это не имело большого значения.

Эта ситуация продлилась недолго. Ребята дали несколько концертов без меня, и их согнали со сцены под свист толпы. Мне не было их жаль, они это заслужили. Но через несколько дней Кит и Крис постучались в дверь, сказав: «Ты им нужен. Без тебя у них ничего не ладится». Я не уверен, что группа осознавала это. Мне кажется, что, когда вы играете, вам кажется, будто все хорошо, как и всегда, но стоит посмотреть на группу со стороны и сразу становится понятно: это не то же самое, химия исчезла. Я знал, что с присоединением Кита у нас появились все необходимые ингредиенты для формулы успеха. Стоило убрать хотя бы одного из нас, и формула переставала работать. То же самое случилось бы, если бы мы прогнали Джона. Или Кита. Когда он умер, то оставил после себя дыру, которую мы так и не смогли заполнить. И дело не столько в его способностях, сколько в его личности и в том, как он вписывался в коллектив. Все мы были личностями, которые именно вместе и стали The Who. Каждый из нас был незаменим.

К счастью, ребята послушались наших менеджеров и согласились. С обеих сторон были выдвинуты условия. Меня принимали обратно до тех пор, пока я не буду вышибать из них дерьмо или спускать их добро в сортир. Я же соглашался выступать, покуда они не принимали наркотики перед шоу. Мне было все равно, что они делали за пределами сцены, но, когда мы находились на сцене, мы были командой и нужно было работать

вместе. Мы собирались подойти к этому как профессионалы, ведь нашей целью было стать лучшими в своем деле. Ребята должны быть в здравом уме и твердой памяти. По-моему, вполне скромные запросы. Это была сделка, и они исправно придерживались условий вплоть до семидесятых, когда Кит снова начал принимать вещества на сцене.

Хотел бы я сказать, что мы оставили все позади и двинулись дальше, но это было бы неправдой. Я вернулся в группу, но остальные не жаловали моего возвращения. Они все еще были взбешены, особенно Кит. Он делал все, что мог, чтобы раздражать меня. Кит был мастером словесных оскорблений и знал точно, на какие кнопки нажимать, чтобы задеть меня за живое. Пожалуй, Джон был еще хуже. Он был очень мстительным. В нем было что-то от кузена Кевина из «Томми». Я не знаю, связано ли это с тем, что он был единственным ребенком в семье, но иногда он бывал очень злым и позволял себе колкие фразочки, за которые подчас заслуживал зуботычины. В моем мире, в окружении, в котором я рос, за такие слова ты получал по губам. Джон прекрасно это знал, и Кит тоже. Они знали, что вызывает у меня красную пелену перед глазами. После Дании они потратили много энергии, пытаясь нащупать слабое место, надавив на которое, я потеряю контроль над собой. Так продолжалось месяцами, даже годами, но я держался. Должно быть, это сводило их с ума. Видите ли, у меня был трюк. Это трюк, который очень нужен, когда ты работаешь в музыкальной индустрии. Я воображал себя уткой. Желчная фраза тут, разгромленный номер отеля там – все это капли дождя, которые скатываются по спине моей утки. Дзен-утка. Это был я. Кря-кря.

* * *

13 октября 1965 года, через две недели после того, как мы расстались, и за два дня до того, как мы вновь воссоединились, мы приехали в IBC Studios на Портленд-Плейс, чтобы закончить наш долгожданный дебютный альбом. Я думаю, что атмосфера была довольно холодной, но это лишь шло нам на пользу, поскольку мы собирались записать «My Generation». Пит написал песню шесть месяцев назад после того, как королева Елизавета велела ему убрать катафалк, припаркованный у его дома (да, у него был катафалк «Паккард»), потому что он напоминал Ее Величеству о покойном муже Ее Величества. Как раз из-за такого события он мог завестись на целую неделю. Да как она посмела?

Первое демо, которое он представил нам, было намного

медленнее, больше в духе Бо Диддли с его ритмом «чинк-а-чинк-а-чинк». Мне это не понравилось. Кит Ламберт тоже не был уверен, но велел ему не останавливаться. Во второй демоверсии были ключевые изменения, а также вызов и реакция, но она все еще не была идеальной.

Затем мы добрались до студии IBC, и Кит просто переложил все это на рельсы своего безумного ритма, что дало нашей песне пинка под зад, в котором она так нуждалась. В этом была особенность Муна – он никогда не был барабанщиком-конформистом. Он никогда не репетировал. Он просто брал и делал. Было невозможно загнать его в строгий ритм «четыре четверти». Конечно, он мог играть так, но это убивало его. Источником его гениальности была абсолютная полнейшая анархия. Полный агрессии, он играл в своем неуловимом ритме. Я пытался поспевать за ним и запнулся на первой же строчке. На следующий раз я это исправил, но менеджер Кит подскочил и сказал: «Оставь как было. Мы используем это». В демоверсии у Пита было протяжное «fffff» в строчке «Why don't you all ffffffffade away?» Но первоначально этот звук произносился без заикания, пока Кит не предложил нам оставить новый вариант: «Это заикание звучит по-блюзовому, мы остановимся на нем». И это сработало. Для меня это не было признаком слабости или просто оговоркой. Это была чистая агрессия, которую подгонял вперед заводной бит. Сдерживаемая, едва контролируемая ярость выплеснулась на винил с воплем: «Надеюсь, я умру прежде, чем состарюсь».

Почти все классные вещи в студии происходят по воле случая, и именно в такие моменты приходится полагаться на продюсера, который сможет отсеять эффективные находки от тех, что вряд ли сработают. Пит всегда ненавидел продакшн Кита. С технической стороны я понимаю, чем он не угодил Питу. Некоторые из миксов, которые сделал Кит Ламберт, были ужасны. В них всегда недоставало баса, что расстраивало Джона, но в те дни условия записи были трудными. В нашем распоряжении был лишь трехканальный рекордер – до появления восьми треков оставалось ждать еще три года, так что особого простора для экспериментов не было. Но Кит был невероятным авантюристом. В его характере было, образно говоря, внезапно снести только что возведенную стену и тут же заново ее отстроить. Мы записывали слой за слоем, повсюду вставляя вокальные гармонии, накладывая одну дорожку на другую, имея в арсенале только эти три дорожи. Это позволило нам добиться такого звучания бэк-вокала, словно у нас пело двенадцать человек. Риск состоял в том, что эти вещи нужно было миксовать во время записи, и

после этого микс уже было не изменить. Добавишь слишком много эха, и трек навсегда останется таким.

Песне «My Generation» не требовалось ничего из этого. Нужно было лишь показать силу. Это была еще одна уличная песня, наподобие «Anyway, Anyhow, Anywhere», и, оставив дзен-утку в стороне, я, как и все ребята, был готов проявить в исполнении немного агрессии. Нам хотелось приказать всем заткнуться. Записав оставшуюся часть альбома, мы двинули домой.

Трек был выпущен в конце октября, а альбом вышел 3 декабря. Конец года предвещал быть замечательным, но это было не совсем так. Я все еще был врагом. Все говорили об уходе. Кит и Джон собирались пуститься в сольное плавание. Кит спросил Пола Маккартни, может ли он присоединиться к The Beatles. «У нас уже есть барабанщик», – ответил Пол. После этого он собирался присоединиться к The Animals, а потом к The Nashville Teens. Пит собирался присоединиться к супергруппе Paddy, Klaus & Gibson.

Юридические баталии ни к чему не привели. Кит и Крис поссорились с Шелом Талми. В течение пяти месяцев они то и дело бегали в Верховный суд, пытаясь разорвать контракт с Талми, и все это время мы не могли выпускать музыку. Учитывая, что в среднем группы существуют около полутора лет и что мы были гораздо беспокойнее, чем рядовая группа, наши пять месяцев казались целой жизнью.

Но мы просто продолжили выступать. Мы отыграли свое последнее шоу в общественном клубе на Голдхок-роуд 3 декабря 1965 года. Это место было родным с самого начала, поэтому то шоу считается поворотным моментом в нашей карьере. Той ночью мы оставили наши мод-корни. Конечно, ночка выдалась не особо приятная. Кому-то запомнился вышибала с большой палкой на конце цепи. Но в таких местах всегда есть вышибалы, и им не нужны большие палки на цепях, поскольку они сами были размером со шкаф. Мне кажется, аудитория придавала этому гораздо больше значения, чем мы. Мы не бросили их – мы шли дальше, потому что не могли угодить всем. Я не переставал быть модом, потому что я никогда и не начинал быть модом. Я всегда был таким. Я никогда не любил униформу. Когда все были разодеты в модные тряпки, я носил кожаную куртку. А когда все стали щеголять в кожаных куртках, я переключился на замшевое пальто. Да, может, мы и были мод-группой – некоторое время одевались как моды и это помогало нам, – но мне не казалось, что мы должны отвечать чьим-то ожиданиям. Мне, да и Питу тоже, думалось, что к тому времени, как мы начали создавали собственную музыку, людей стали интересовать мы, а не то, во

что мы одевались.

Поначалу мне нравилась субкультура модов. Мне нравились яркие костюмы, длинные пиджаки, эдвардианский стиль с очень жесткими воротниками и запонками. Это было эффектно, а мне нравилось одеваться эффектно. Я унаследовал это от отца. У него было две рубашки. Одна была его лучшей рубашкой, другая была рабочей. Он каждый день менял воротник, у него были манжеты, но не было рукавов. Но он выглядел эффектно. Мой папа всегда выглядел круто. Поэтому мне тоже нравилось выглядеть крутым.

Но потом все начали носить джинсы и спортивную одежду «Fred Perry», а затем в моду вошли парки. Это было чересчур. В этой штуке можно было заживо свариться. Я не хотел, чтобы люди решали, что мне носить. Поэтому я носил то, что хотелось, и жил так, как хотелось. Я больше не жил в фургоне. Я завоевывал мир. Какое-то время я ночевал в офисе, которым по совместительству являлась комната в квартире Кита Ламберта в Айвор-Корт, в начале улицы Глостер-Плейс.

Каждое утро на кухне какой-нибудь парень готовил кофе. Потом выходил Кит, оправдываясь, почему этот парень был здесь, и избавлялся от него. Я знал, что Кит был геем. Я знал, что ему нравятся молодые люди, но он ни разу не пытался приударить за мной. Ни разу. Возможно, я был не в его вкусе. Или, может быть, он знал, что это далеко не зайдет. В конце концов, я встречался с крестной дочерью его отца. Но потом, так или иначе, мы с Клео разошлись, и судьба свела меня с девушкой по имени Анна из Масуэлл-Хилл. Она жила со своей соседкой по квартире, Гиттой, поэтому я поселился с ними в Масуэлл-Хилл. Такой и была моя жизнь: дорога до концерта, выступление, возвращение в Масуэлл-Хилл.

Пока я жил своей простой жизнью, Пит все сильнее углублялся в коридоры своего подсознания. К 1966 году он действительно начал писать свои собственные песни, и они стали… другими. У нас было достаточно крепких хитов. Что бы мы ни выдали дальше, мы бы все равно попали в «Top of the Pops». Так что Пит написал «I'm a Boy».

Черт возьми. Песня, которая должна была стать частью рок-оперы «Quads» (Четверня. – *Прим. пер.*) о будущем, где родители могут выбирать пол своих детей. У одной пары есть три девочки, но четвертый ребенок – мальчик. Мать этому не рада, она воспитывает его как девочку, и ребенок подвергает сомнению свою гендерную идентичность. Эта песня, как и большая часть музыки Пита, намного опередила свое время.

One little girl was called Jean-Marie

Another little girl was called Felicity
Another little girl was Sally-Joy
The other was me and I'm a boy.

Одну маленькую девочку звали Жан-Мари,
Ее сестрицу звали Фелисити,
Была еще девочка по имени Салли-Джой,
Четвертой был я, но я мальчик.

Для меня это было очень, очень непросто. Я не возражал против строк: «Меня зовут Билл, и я больной на всю голову», но часть о мальчике, который пытался найти свою идентичность, была трудной. До этого момента группа формировалась вокруг того, что делал я. Пит писал песни, но я их пел. Я не был за главного, но на сцене я мог творить все, что хотел. Ребята подстраивались под меня и песни тоже. Но теперь все изменилось. Моя уверенность была подорвана.

Я помню, как начал больше слушать голос Пита на демозаписях, пытаясь разобраться, как он пел. Я пытался передать его голос с помощью своего голоса. Я старался петь как ранимый ребенок. Слушая «I'm a Boy» сегодня, я думаю, что в некотором смысле это сработало, но тогда мне так совершенно не казалось. Совсем нет.

Мне казалось, это звучало так, будто я пою в тоннеле. Мне никогда не нравилось слушать собственный голос. Я ненавижу слышать себя за пределами сцены. Вы либо слушаете нас на одном из наших шоу, либо слушаете где-нибудь сами. Если же вы хотите, чтобы я ушел с вашей вечеринки, то просто включите песню The Who. Я не желаю это слушать. Как будто мало того, что я слышу свой голос на телевидении, что сегодня случается довольно часто и, как правило, в самые неожиданные моменты. На днях я смотрел документальный фильм о пароходах на реке Клайд, и туда запихнули чертову «Won't Get Fooled Again». Ради всего святого, зачем?

Думаю, вы поняли. Мне никогда не нравилось это звучание, но я знаю, когда мы звучали хорошо. Тут дело не в голосе, а в ощущениях. И с ощущениями дела обстояли худо – по мере того, мы углублялись в сознание Пита. Как я заметил ранее, я уже знал, что моя работа – быть проводником для слов Пита. На осознание и принятие этого факта ушли многие годы. Между *My Generation* и *Tommy* все было направлено на поиск этой уязвимости. Это было нелегко. «Happy Jack», песня о хулигане, который стал жертвой издевок, была еще сложнее, а потом мы

записали «Pictures of Lily» о мальчике, который гонял лысого на старую черно-белую фотографию. Все эти песни крутятся вокруг темы подростковой незащищенности. Это было совсем не в моем духе.

Мне просто никогда не приходилось бороться за внимание девушек. Я уже говорил вам, что в этом заключается одна из прелестей выступлений на сцене с микрофоном. Так уж повелось, что девушкам это нравится, и если вам девятнадцать-двадцать лет, в этом нет ничего плохого. В отличие от Пита, я действительно не был настроен на тему неуверенности. Это не значило, что я чувствовал себя комфортно. В глубине души я был таким же неуверенным, как и все остальные. Я мог быть фронтменом на сцене перед тысячной толпой, мог держаться особняком с кем угодно, мог предстать в образе рок-звезды, но я не был уверен в себе. Ни капли. И я просто прятал это чувство за всей этой бравадой. Все начало меняться, лишь когда я встретил Хизер.

Глава 8. Непокорная шевелюра

Когда я впервые проснулся рядом со своей будущей супругой, с которой я собирался провести остаток своей жизни, она воскликнула: «Твои волосы! Что с твоими волосами?!» Это была вполне нормальная реакция, такое случалось со всеми девчонками. За ночь волшебный эффект геля для волос «Dippity-Do» исчезал. Когда мы ложились спать, мои волосы были прямыми, а под утро они снова кудрявились. Испуганные девушки вопили, я извинялся, а потом убегал в ванную, чтобы все исправить. Но на этот раз было по-другому. Я уже в сотый раз извинился и собирался рвануть в ванную, как вдруг она остановила меня. «Ты что-то сделал со своими волосами?» – спросила она. «Ничего, – ответил я. – Это их естественное состояние». «Красиво», – сказала она. Ну, вот и все. Через неделю я уже ходил с вьющимися волосами. С Хизер так было всегда. Она придавала мне уверенность. Во мне просыпалась не показная храбрость, а настоящая уверенность – это огромная разница.

До того, как мы встретились в Нью-Йорке весной 1967 года, она уже знала, кто я такой. Крис Стэмп познакомился с ней годом ранее и решил показать ей и ее подруге Девон, прекрасной темнокожей девушке шести футов ростом, рекламные фотографии «грядущей сенсации в рок-н-ролле». Девушки взглянули на наши фотографии и сказали, что сенсациями нам никогда не стать. Девон сказала, что мы слишком уродливы. Хизер решила, что Кит был «в порядке», я – «еще куда не шло», но остальные… «Бедный Крис, этому никогда не бывать», – сказала Девон.

Мы впервые встретились на шоу «Murray the K» в театре RKO 58th Street во время первой поездки The Who в Америку. Мюррей был крутым нью-йоркским диджеем. Это был странноватый неряшливый парень, который любил называть себя пятым битлом. Люди выступали на его шоу, потому что он крутил их песни в эфире радиостанции. Само шоу проходило пять раз в день, и мы играли девять дней подряд. Мы отыгрывали три песни, а затем сидели без дела в раздевалке в ожидании следующего отделения. Именно тогда я впервые встретил Хизер. Времени для того, чтобы познакомиться с новыми людьми, было вагон.

Хизер работала моделью на шоу, а в тот момент просто тусовалась со своими друзьями. Мы поздоровались, немного поболтали, и на этом все. Я пришел с девушкой по имени Эммаретта Маркс. Она выступала бэк-вокалисткой у многих артистов, у нее был отличный голос и задорный характер.

Впоследствии она стала участником оригинального состава бродвейского мюзикла «Волосы». Хизер была с парнем с фабрики Энди Уорхола. Все знали всех. Все всегда приходили с кем-то за компанию, и люди постоянно менялись. Это была тесная тусовка, и все мы были друзьями.

Разумеется, нам это нравилось. Мы не могли поверить своей удаче: все эти красивые, экзотические американские девушки тут, рядом, и все они фанатели от нас. Хизер сказала мне, что британские мальчики покорили американских девушек. По ее словам, мы одевались с особым шиком и расхаживали словно павлины. А еще мы были лучше в постели. Так она и сказала. И в то время мы не жаловались. Люди называют таких девушек «группи», но, на мой взгляд, это ужасное слово. Они были намного больше, чем группи, и все крутилось не только вокруг перепихона. Девушки были нам настоящими друзьями. Они спасли много жизней, и я думаю, что мы спасли некоторых из них. Потому что, несмотря на все знакомства, весь шум и вечеринки, в этом мире так легко чувствовать себя одиноким. И это в равной степени относилось и к ним.

Все они были моделями, танцовщицами, певицами – людьми, так или иначе связанными с искусством. Все мы варились в общем котле, усердно трудились, а потом ходили в клубы и на вечеринки. Общение было дружеским, мы многим делились, и нам было так весело. Они все умели петь, и, боже мой, как же они танцевали. Иногда они даже устраивали нам небольшие шоу в маленьких грязных гримерках. Благодаря этим девушкам нам удавалось скоротать минуты вынужденного безделья перед выходом на сцену.

Как бы там ни было, именно той ночью в Нью-Йорке я встретил Хизер, и тогда я не обратил на нее особого внимания, лишь отметив, что она была лакомым кусочком. Она решила, будто мы ведем себя как группа детей – не лучшее первое впечатление, но это было правдой. После того, как мы немного поговорили, она ушла с парнем из «Суперзвезд» Энди Уорхола, и это был последний раз, когда я видел ее в течение последующих пяти месяцев. Еще пять месяцев с «Dippity-Do».

* * *

Весь смысл поездки в Нью-Йорк состоял в том, чтобы попытаться покорить Америку. Мы никогда не оказывали здесь большого влияния, отчасти из-за нашей последней американской звукозаписывающей компании, которая вообще нас не понимала,

а отчасти потому, что англичане намного опережали янки в плане музыки. Но теперь у нас была новая пластинка, и мы отправились в турне. Итак, спустя пару месяцев после нашего визита в Нью-Йорк, мы вернулись в Штаты, первоначально планируя отлучиться на пять дней, а закончили музыкальным фестивалем в Монтерее и десятинедельным турне от побережья до побережья с чистюлями из группы Herman's Hermits. Мы начали с того, что полетели в Детройт, штат Мичиган, на концерт неподалеку от города Энн-Арбор. Отличный старт. Это было единственное место в США, где наши записи худо-бедно получали ротацию на радио. Детройт был городом синих воротничков. Словом, это были наши люди. Может, у них и был другой акцент, но все остальное было тем же, те же традиции. Они жили той же самой жизнью. И они приходили на наши шоу и сходили с ума.

Затем мы отправились на ужин с Фрэнком Синатрой-младшим и кучкой бандитов из Детройта. Настоящий культурный шок. Пару ночей спустя мы играли с Би Би Кингом в одном клубе под названием Fillmore West в Хейт-Эшбери, Сан-Франциско. Диаметрально противоположная реакция. Аудитория не знала, как на нас реагировать. Поначалу они выглядели сбитыми с толку, затем уселись на свои места, а потом вдруг словно обезумели. Они уже ступили на психоделическую тропинку хиппи. Не думаю, что они знали, что делать с группой бледных парней из западного Лондона.

На следующий день мы отправились на фестиваль в Монтерей. Мы прокатились на первом в нашей жизни лимузине и, по совместительству, самой неудобной машине, в которой мне когда-либо довелось находиться. Мы все кости переломали, пока добрались, но чувствовали себя на седьмом небе. Сам фестиваль обернулся подлинным летом любви. Все чувствовали эту атмосферу: мир, любовь и понимание. А потом прибыли мы и всё поменяли. Мы должны были играть в тот же день, что и Джими Хендрикс. Это была плохая новость, потому что Джими затмил выступление Пита.

Мы впервые встретились с Джими, когда он приехал посмотреть, как мы записываем альбом в IBC в Лондоне в конце 1966 года. Покончив с записью, мы все отправились в ночной клуб Blaises, чтобы увидеть его дебютное выступление в Британии. Там были все, и мы сразу поняли, что Хендрикс представляет серьезную угрозу. Джими повторил на своей гитаре все трюки, которые Пит проделывал с 1964 года. Он был необычайно харизматичным. Просто невероятно. Его группа была так же тщательно подобрана, как и наша. Филигранно, просто идеально. Хендрикс переключался в мгновение ока, но Ноэль

Реддинг и Митч Митчелл играли с ним нота в ноту. Они мгновенно понимали, в каком направлении он двигался, и следовали за ним. Такое не купить ни за какие деньги – это дар. И у нас и у них был этот дар. Удивительно, когда такое происходит, и если тебе довелось стать свидетелем такого события, то оно не оставит тебя равнодушным. Тем вечером все в Blaises: Клэптон, Бек, мы с ребятами – все были тронуты. Пит, конечно, выразился жестче. Он сказал, что чувствовал себя раздавленным.

Джими добился всего за короткий промежуток времени. Мы впервые увидели его в 1966 году, а к 1970 году его не стало. Кто знает, куда бы завела его музыка? Он бы изменился, как и мы. Он хотел, чтобы его музыка была ближе к джазу, он хотел поменяться, но публика не желала этого. Она попросту хотела все большего и большего. Похожая история случилась с Cream. Аудитория Cream постоянно требовала знакомой музыки, но группа больше не могла удовлетворять их запросы. Деваться было некуда, и это тоже оказывало давление. Многие рок-группы потерпели крах из-за подобных ситуаций.

Джими стремительно набирал популярность. Он был звездой, и он стоял за кулисами на фестивале в Монтерее, лицом к лицу с Питом, споря о том, кто должен выступить первым. В конце концов было решено подбросить монету, и этот жребий выиграл Пит. Мы пошли первыми, спасибо, черт возьми, и оставили сцену, разорвав в клочья аудиторию и наше оборудование. Затем вышел Джими и поджег свою гитару, но это не имело значения. Для нас это все еще был поворотный момент. Американцы увидели нас. Они увидели, что мы способны сделать вживую. И все это я провернул в покрывале, которое купил на антикварном рынке в Челси. В те времена это было в порядке вещей.

Ни у одной из рок-групп не было стилистов или дизайнеров. Перед каждым турне мы околачивались в районе Кингс-роуд в поисках чего-нибудь, что могло бы изменить наш облик. Жилет с бахромой, который я носил на «Вудстоке», был из магазина в Илинге. Смелый индийский наряд, в котором я предстал во время нашего турне в 1975 году я проделал в нем отверстия и силами «Ателье Роджера Долтри» превратил его в костюм. Жена Майлза Дэвиса позвонила Хизер узнать, кто был дизайнером моего костюма. В следующий раз, когда мы увидели его выступление, он щеголял в таком же наряде. Я очень сомневаюсь, что он раздобыл его на местной гаражной распродаже. Для меня не имело значения, откуда взялась та или иная вещь. Важно быть красной овцой, а не черной.

Той ночью в Монтерее сработал прикид из покрывала. Я отпраздновал наш успех парой напитков и коктейлем, которые

мне подарил Август Оусли Стэнли III, король ЛСД, или Медведь, как его называли все на Западном побережье. «Всегда ограничивайся только одним косячком, – сказал Оусли, передавая его мне. – Больше в тебя не влезет». Оусли был первым парнем, который начал массовое производство ЛСД. В период с 1965 по 1967 он произвел пятьсот граммов ЛСД, а это миллион доз. И вот этот человек велел мне держаться подальше от всей этой радости. Я последовал его совету.

Косяк был американской версией «Камберуэлльской морковки» (косяк, состоящий из двенадцати листов бумаги, длиной около восемнадцати дюймов, наполненный чистой марихуаной. Термин берет начало из культового британского фильма «Уитнэйл и я». – *Прим. пер.*). На то, чтобы расправиться с ним, у меня ушла большая часть ночи, но я не возражал, потому что Кэтрин Джеймс, подруга Эммаретты, вернулась ко мне в мотель, чтобы помочь. Она была красивой блондинкой, и все за ней бегали. И, несмотря на то, что во время нашей первой встречи я был с Эммареттой, а Кэтрин – с Эриком Клэптоном, в Монтерее она разделила со мной тот чудесный ментоловый косячок.

Остальные ребята развлекались с помощью 2,5-диметокси-4-метиламфетамина. Во время полета из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк Пит злобно пялился на мой кафтан. Бог знает, что творилось у него в голове, но он без устали бормотал о радугах. Это были долгие шесть часов, а затем, на обратном рейсе в Лондон, я должен был провести их через иммиграционный контроль аэропорта имени Кеннеди. Это было не особо-то легко, потому что все то и дело вырубались, но выбора не было. Денег на другой рейс нам бы не хватило. Но из этого путешествия удалось вынести пару хороших вещей: Питу пришла идея песни «I Can See For Miles» и он решил, что наркотики – это плохо.

Следующие несколько дней в Лондоне мы жили в студии звукозаписи, работая над нашим следующим альбомом *The Who Sell Out*. Затем, 7 июля, мы начали наше первое полноценное американское турне, и оно было крышесносным.

* * *

Во время совместных гастролей с Herman's Hermits в 1967 году мы перемещались на частном самолете, что звучит очень пафосно, но были две небольшие проблемы. Прежде всего, он не был частным – нам пришлось делить его с Hermits, которые были нормальными ребятами, но нас бесило, что их имя было намалевано на боку самолета. Во-вторых, это был не современный

истребитель, а четырехпропеллерный Douglas DC-8, который держался на последнем издыхании. В прошлой жизни он использовался для грузоперевозок, но теперь его превратили в гастрольный самолет с тем же стилем и щегольством, с которыми я переделал наши старые туристические фургоны. Вдоль задней части салона стояли деревянные койки, плюс было еще несколько мест.

Крейсерская скорость самолета должна была составлять триста пятьдесят миль в час, но, поскольку в нем было столько дырок, что не удавалось добиться герметичности салона, нам приходилось летать на малой высоте. У меня всегда было ощущение, что мы летим на минимальной критической скорости. И, поскольку нам приходилось летать так низко, самолет подскакивал на каждом воздушном потоке. Пересекать на нем пустыни Аризоны или Невады было все равно что застрять на пару часов на американских горках в гребаном парке развлечений.

Мы бы не стали первыми музыкантами, которые разбились в самолете из-за того, что кто-то пожалел денег на его обслуживание, но мы никогда не парились. Если ты собрался на гастроли, то ты просто берешь и едешь, а если подобные вещи тебя беспокоят – лучше останься дома. Этот самолет продержался половину турне, что в два раза превзошло наши ожидания. После аварийной посадки на вспененной взлетно-посадочной полосе (в случаях жесткой посадки взлетную полосу покрывают особым составом для того, чтобы самолет, коснувшись земли, не загорелся и не взорвался. – *Прим. пер.*) в Нэшвилле, поскольку один из двигателей вышел из строя, самолет отправился на заслуженный отдых, а мы продолжили путь на автобусе.

Сегодня мы путешествуем в полной роскоши. Конечно, это здорово, и я не жалуюсь. Нет никаких отвлекающих факторов, никто не разносит гостиничные номера, никто не выгоняет нас на улицу в четыре часа утра. А значит, я могу направить всю свою энергию на выступления. Но в самом начале гастроли сливались в одну сплошную дикую вечеринку. Хотя это тоже было здорово.

Если после концертов нам не нужно было никуда ехать, мы возвращались в эти удивительные маленькие мотели. Пятизвездочными их при всем желании не назовешь – они больше смахивали на казармы, но в центре этих мотелей всегда был бассейн, и мы постоянно спорили, кто нырнет туда с самой большой высоты. Кит всегда побеждал, потому что просто спрыгивал с крыши. Мы кайфовали от жизни: концерты проходили великолепно, мы устраивали вечеринки по всей Америке, и, конечно же, вокруг всегда были девушки. Ну а самое

главное – впервые почти за два года ребята снова начали относиться ко мне как к полноправному участнику группы.

23 августа 1967 года во Флинте, штат Мичиган, Киту исполнился двадцать один год. Он решил отметить это событие, сделав нас персонами нон грата в каждом отеле сети Holiday Inn на планете, при том, что меня там даже не было. Я видел его утром, но он уже был не в духе, поэтому я решил провести остаток дня в компании талантливой и красивой гитаристки по имени Патти Кватро. На следующее утро меня поджидали длинная история и внушительный счет. Компания-производитель барабанов доставила Киту торт с девушкой. Тот начал бросаться кусками торта и выбил себе два передних зуба. Он оказался у врача скорой помощи и перенес экстренное лечение зубов без обезболивающих. Кит вернулся от дантиста и въехал на «Континентале» или «Кадиллаке» (версии разнятся) в бассейн отеля. Его арестовали, задержали на всю ночь и доставили в самолет под надзором шерифа, который пригрозил, чтобы ноги Кита больше не было в этом городе. В общем, довольно типичная ночь для нашего барабанщика.

Этот запрет не стал концом света. Любой пиар – хороший пиар, и запрет продлился только до 1993 года, но ремонт бассейна и вылов из него «Континенталя» или «Кадиллака» обошелся в пятьдесят тысяч долларов. Мы уже выложили тысячу долларов по вполне понятным причинам в Монтгомери, штат Алабама, после того, как менеджер совершил огромную ошибку, попросив Кита убавить громкость музыки. В ответ на это Кит взорвал свой туалет, спустив туда целую сумку бомбочек-вишенок, маленьких, но очень мощных фейерверков в форме бомбы из мультфильмов о Томе и Джерри. Он обожал эти вишневые бомбочки и покупал их целыми мешками. «Вот что я называю шумом, дорогуша», – сказал он менеджеру, который выставил нам счет за ущерб и вышвырнул нас за дверь. Путешествуя с Китом, ты привыкаешь к смене отелей посреди ночи.

Людям кажется, что жизнь в дороге с Муном должна быть уморительной, но, если взглянуть на это трезво, чаще всего это было далеко от правды. Он мог внезапно встать и выдать один из своих уморительных монологов, но это было лишь в двадцати процентах случаев. В остальном же это были шутки, взрывы и тотальное опустошение. Человеку, который становился мишенью его выходок, было несладко. Последний концерт тура состоялся в Гонолулу 9 сентября, и это мог быть наш последний концерт с Китом. Я полагаю, что такое можно сказать о многих концертах, но это был особенный концерт. По прибытии на место Кит решил

заняться серфингом. Он достал доску и шорты и объявил, что отправляется покорять волны. Он был родом из Уэмбли, северного Лондона, и ровным счетом ничего не знал о серфинге, но это его не останавливало. Серфинг был частью его жизненного плана. На стене спальни в Уэмбли у него висели три плаката. На первом была изображена девушка-серфер, стоящая перед «Фордом-Вуди» с досками для серфинга на крыше, на втором были The Beach Boys, а на третьем – Стив Маккуин. Он нарисовал себе эту фантазию в Уэмбли, а затем просто пошел ее осуществлять.

К тому времени, когда мы добрались до Гавайев, он уже вовсю работал над воплощением своего плана. Годом ранее он женился на Ким Керриган, и, хотя она родилась в Лестере, ее было не отличить от калифорнийских девчонок-серфингисток. Он уже стал лучшим другом The Beach Boys. Пройдет несколько лет, прежде чем он будет жить по соседству со Стивом Маккуином, но на том гавайском пляже он собирался осуществить свою мечту о «серфинге». Я до сих поражаюсь тому, как он тогда выжил. Все легко могло закончиться трагедией, поскольку Кит, мальчишка из Уэмбли, наотрез отказывался понимать, что волны не приходят просто так. Он понятия не имел о бурных течениях и острых, как бритва, кораллах, спрятанных под водой. Через некоторое время он вернулся, похожий на чудовище из черной лагуны. Он чуть было не утонул и обильно истекал кровью, но при этом был счастлив, что вычеркнул один пункт из своего списка.

А затем мы отправились домой, напоследок засветившись на шоу «The Smothers Brothers' Comedy Hour» на CBS. Наш последний шанс заявить о себе. Опять же, за это стоит поблагодарить Кита. Мы планировали сыграть «I Can See For Miles» и «My Generation», и в конце Кит хотел поджечь дымовую шашку. Мы отрепетировали наше небольшое представление днем, и все прошло гладко. После долгих разговоров начальник пожарной безопасности студии остался доволен масштабами планируемого взрыва. Но Киту этого было мало.

В промежутке между репетициями и трансляцией, где-то между первой и второй бутылкой бренди, он подкупил охрану. Киту захотелось устроить большой взрыв. Это был его девиз по жизни, и ничто, даже прямая трансляция по телевидению, не остановило бы его. Получившийся взрыв отбросил меня на несколько футов вперед, покрыл всю сцену дымом и пылью и на пару секунд прервал трансляцию. Кит был ближе всего к эпицентру, но сбежал с порезанной рукой. Всю мощь взрыва принял на себя Пит, который провел следующие несколько минут, сбивая огонь с горящих волос, попутно гадая, надолго ли

он оглох. Способность слышать вернулась к нему спустя двадцать минут, но с тех пор Пит навсегда потерял стопроцентный слух.

Это был взрывной конец дорогого тура. Мы должны были вернуться домой счастливыми и при деньгах, но увы и ах. Всю поездку я тщательно контролировал свои растраты. Я хотел вернуться домой, имея в кармане больше денег, чем в начале турне, поэтому ограничился строгой диетой из одного гамбургера в день и нескольких лакомых кусочков другой еды. Таким был мой рацион во время гастролей по Штатам, и, приехав в Лос-Анджелес, я встретился с Фрэнком Барсалоной, нашим агентом, чтобы спросить его о доле моей прибыли. «У тебя почти нет никакой доли», – сказал он довольно виноватым голосом. Я обратил его внимание на то, что последние три месяца питался одним гамбургером в день. Я почти ничего не потратил. А он сказал: «Да, но ты в курсе, сколько потратил Кит?»

Я мог представить себе, в какую сумму нам обошелся Кит, но меня по сей день терзают сомнения по этому поводу. Всегда было какое-то чувство, что тот «Континенталь» (или «Кадиллак») никогда не падал в бассейн. Или даже если это случилось на самом деле, то наше руководство преувеличивало размер ущерба, чтобы прибрать к рукам наши деньги. Я не присутствовал при этом событии, и большинство свидетелей были не в том состоянии, чтобы предоставить надежные показания. Несколько лет назад я бросил вызов Крису Стэмпу и прямо спросил его, видел ли он машину в бассейне. Он истово клялся, что видел все своими собственными глазами. Но я до сих пор не уверен. Учитывая сколько вокруг мошенников – кто знает? Но тогда я верил им. Я верил, что Кит потратил все деньги на гастролях. Ну а в итоге я вернулся домой с нашей первой крутой поездки, имея в кармане меньше денег, чем до этого. Мне пришлось одалживать на билет домой.

Однако все-таки это не было бесполезной тратой времени. В газетах нас поливали грязью, а музыкальная пресса была в восторге – все так, как и должно быть. Конечно, мы не покорили Америку, но определенно заявили о себе. Той осенью «I Can See For Miles» попала в топ-10 американских чартов.

Домой я приехал без гроша в кармане. Всегда бывало хорошо возвращаться из турне в атмосферу домашнего комфорта. Пока меня не было, я позволил своим друзьям одолжить мой любимый «Aston Martin DB4», который я купил в конце 1966 года. В первое же утро я взял свою тачку, чтобы прокатиться с ветерком. Когда я стартовал от бордюра, машина звучала великолепно – звук был гладким, как попка младенца. Когда я разогнал ее до сорока миль в час, кузов начал слегка крениться, а когда спидометр достиг

отметки в семьдесят, багажник попытался обогнать капот. Что-то определенно было не так. Только когда я решил припарковаться, я понял, что «Астон» был всего на два фута длиннее, чем тот «Мини Купер», рядом с которым я остановился. Он стал почти на два фута короче с тех пор, как я видел его в последний раз. Он отлично подходил для парковки, но не для вождения.

С застенчивыми улыбками на лицах мои товарищи во всем сознались. Они выбили из моей тачки седьмой пот, катая в ней девушек по Кингс-роуд и хвастаясь перед всеми. И тогда им пришла в голову идея усовершенствовать ее. Мне было чуть больше двадцати, когда я купил эту машину. У меня не было постоянной девушки. Никаких забот в жизни. Так что я проводил все свободное время, болтаясь с моими приятелями-автолюбителями из Актона и Чизика. Знакомьтесь: Джордж Сварка, Шлифовщик Джеймо и мой лучший друг – Нобби Стекловата.

У Джорджа была ремонтная мастерская в двух шагах от Chase Products в Южном Актоне. Я сказал «ремонтная мастерская», хотя по сути это был еще один сарай, облицованный асбестом. Он стоял во дворе, который Джордж разделял со старьевщиком Френни – вылитым персонажем из сериала «Стептоу и сын», у него даже были лошадь и повозка («Steptoe and Son» – культовый британский ситком о старьевщиках отце и сыне. – *Прим. пер.*). Каждый день мы проводили во дворе у Джорджа, пытаясь поддерживать наши машины на ходу, чтобы они мчались быстрее и выглядели круче. Рядом с лошадью и телегой Френни мой «Астон», свет очей моих, смотрелся действительно круто. Вплоть до того момента, пока мои друзья не решили проехаться по Кингс-роуд. Потеряв два фута этой машины, я почувствовал себя так, словно кто-то укоротил мой член на такую же длину. Но затем, менее чем через неделю, это уже не имело большого значения. Ведь я нашел девушку, с которой мне захотелось провести остаток своей жизни, и мой мир перевернулся с ног на голову.

* * *

Если честно, я больше не думал о Хизер с тех пор, как мы познакомились в гримерной «Murray the K». Вскоре после возвращения в Лондон я сидел в Speakeasy Club, который находился прямо за оксфордским цирком. Было три часа утра, из-за перелетов мои биоритмы сбились, и я читал книгу. Я не могу вспомнить, какую книгу, скажем, Достоевского, а потом раздался

женский голос: «Привет».

Я поднял взгляд, и все, что я смог увидеть, были ее ноги. Юбки в те дни были не особо-то длинными. Девушки предпочитали открывать ноги. Я перевел взгляд намного выше и вновь увидел эти прекрасные глаза. Хизер, сто восемьдесят сантиметров рыжеволосой красавицы, смотрела на меня с улыбкой. Она сказала: «Ты меня не помнишь?» Я мог вспомнить глаза и ноги, но не имя. «Я Хизер, – сказала Хизер. – Ты дружишь с Кэтрин. Она пыталась тебе позвонить». Кэтрин была девушкой, которая познакомила нас, и теперь она собиралась родить ребенка. Вас не должно волновать, кто из моих коллег-музыкантов был за это в ответе, но ей нужно было где-то остаться. Она звонила по номеру, который я ей дал после того, как мы несколько раз встречались в Нью-Йорке, но при наборе она использовала код Мейфэра (Мейфэр – фешенебельный район лондонского Вест-Энда. – *Прим. пер.*). Ей и в голову не могло прийти, что рок-звезда будет жить в Мейда-Вейл. Но она не стала бы удивляться, если бы знала, кто заведует нашими счетами.

– Конечно, она может остаться, – сказал я.

– Я тоже могу остаться? – спросила Хизер.

– Конечно, можешь.

Страшно подумать, как бы все сложилось, если бы она не нашла меня в Speakeasy. Той ночью ее преследовал Джими Хендрикс. Некоторое время он за ней охотился. Она была его «Foxy Lady», которую он так и не заполучил. Если бы тогда она пошла домой к нему, то моя жизнь покатилась бы по любой из ста других дорог, но ни одна из них не была бы такой же счастливой. Я потерял бы самое лучше, что может случиться в жизни, и никогда бы не узнал об этом. Но я получил Хизер, а Джими пошел домой с кем-то другим.

I'm tired of wasting all my precious time.
You've got to be all mine, all mine.
Foxy lady…
Here I come.

Мне надоело тратить время зря,
Ты должна стать моей и только моей.
Красотка…
Вот и я.

Не повезло, приятель. Конечно, нам судьбой предназначалось быть вместе, мне и Хизер. Наши семьи проживали неподалеку

друг от друга. Мы узнали об этом совсем недавно, когда моя дочь изучила наши родословные в Интернете. Родители Хизер эмигрировали сразу после войны и воспитали ее в Америке. Но ее бабушка и дедушка жили по адресу Стоу-роуд, 62, Шепердс-Буш. Через два дома от моего отца и его шести сестер. Два несчастных дома!

Вот так совпадение! Что меня действительно поражает, так это то, что мои родители и ее бабушка встречались много раз. Рождество, вечеринки по случаю дня рождения, свадьбы. Но им так и не пришло в голову, что они были соседями. Семьи должны были знать друг друга. В те дни ты знал все о своей улице. Ты знал, какое нижнее белье носят соседи, исходя из того, что не висело на бельевых веревках. Ага, Дорис сегодня носит красный бюстгальтер. Но ни одного слова за все эти годы. Ладно, они из поколения людей, которые предпочитали держать язык за зубами, но, в конце концов, хотя бы раз ненароком должна же была проскочить эта мысль. Мне повезло, что Хизер выросла в Нью-Йорке, слушая рассказы о старом мире. По линии матери ей передалась глазговская-ирландская кровь, а отец был ирландцем из Шепердс-Буш. Ее родители посвятили свою жизнь Британии, и ей нравилось быть в окружении британцев. Ей нравилось, как мы одевались, нравились наши волосы.

«Вы, мальчики, отличались от американцев, – говорит она сейчас. – Хотя у вас были довольно-таки ужасные зубы». Конечно, она обобщает. Плохие зубы были непреднамеренным последствием политики «всеобщего благоденствия». Может быть, звучит бредово, но правда заключалась в том, что в те дни (а возможно, и сейчас) стоматологам Государственной службы здравоохранения платили за количество пломб и извлеченных зубов в месяц. Если система работает таким образом, то у всех непременно были плохие зубы. Когда мы впервые встретились с Хизер, нашим премьер-министром был Гарольд Уилсон, и Хизер была шокирована его черными зубами. «Ну, он курит трубку», – объяснил я. «Нельзя быть премьер-министром с черными зубами», – сказала она. Отбросив в сторону зубы Вильсона, она любезно относилась к англичанам и, в частности, тем, кто жил в Шепердс-Буш. Это дало мне преимущество над Джими. Между прочим, моя дочь проследила родословную Долтри до 1509 года. Мои предки были гугенотами и занимались производством кружев в Нанте, во Франции. Творческие люди, эти кружевники, умудрились насолить самому папе римскому. Бунт был у меня в крови.

Глава 9. Томми

К концу 1967 года The Who начали больше экспериментировать в студии, и мало-помалу мы снова начали веселиться все вместе. Мы пережили первый подъем и первое падение и теперь готовились к мертвой петле. На это потребовалось два года, но я думаю, что тогда мы действительно снова стали одним целым. Удивительно, что любая группа остается вместе в течение неопределенного промежутка времени, если присутствуют все необходимые ингредиенты. Ну и конечно, нужно иметь определенную долю безумия. В каждом из нас таится безумие, но у нас четверых оно лежало ближе к поверхности, то и дело прорываясь наружу. Безумие. Амбиции. Эго. Паранойя.

Паранойя была делом серьезным. Если бы вы спросили Кита, чувствовал ли он себя недооцененным, он бы ответил, что да. Затем Бык (такое прозвище получил Джон) вмешался бы и сказал, что он еще более недооценен. А потом вклинился бы Пит и заявил: «Да идите вы все, никто из вас не понимает, под каким давлением я нахожусь». Мне тоже было знакомо чувство внутренней неуверенности в себе. Такова была природа The Who. Она был основана на паранойе участников.

Я помню, как однажды Кит Ламберт написал мелом определение паранойи на доске в офисе Track Records на Олд-Комптон-стрит. «Параноиком, – писал он, – можно условно назвать человека, который знает, что происходит на самом деле». Не уверен, что мы знали, что происходило на самом деле, но думали, что знаем.

Вот поэтому среднестатистическая рок-группа завершает свой полный жизненный цикл за восемнадцать месяцев: контракт с лейблом, хитовая запись, дебютный альбом, проблемный второй альбом, ссоры, расставание, конец. Но если вам удастся пережить первую стадию этих американских горок, то вам открывается нечто особенное. Вы все время чувствуете, что находитесь на краю пропасти и можете упасть в любой момент. Но если собрать всю волю в кулак, то вас ждет чертовски классное путешествие. Для нас таким путешествием стал *Tommy*, первая рок-опера. Правда, тогда мы еще об этом не догадывались. Пит все еще должен был вытряхнуть ее из глубин своего мозга, а я все еще должен был найти свой голос, но альбом поджидал нас буквально за углом, готовясь вот-вот изменить наш мир.

Ну а пока что мы совершали набеги на студию, записывая *The Who Sell Out*, наш «поп-арт»-альбом, который занял

промежуточное положение между нашими ранними записями и *Tommy*. Юридические споры были улажены, и Шел Талми больше не стоял у нас на пути. Год назад Track Records были настроены на то, чтобы «дать нам больше свободы». Сделка заключалась в том, что Кит и Крис получат шестьдесят процентов прибыли от пластинки, а мы – сорок. Справедливостью и не пахло. Это бы не сработало ни при каких обстоятельствах, но тогда мы были сосредоточены на нашем следующем шаге.

Талми был рад штамповать пластинки в стиле The Kinks. Как и многие продюсеры, он не видел смысла исправлять то, что и так работало. Он просто хотел того же самого, снова и снова. Впрочем, Талми делал свою работу. Мы могли пойти в студию, накатать трек на обе стороны пластинки и уже через два часа сидеть в пабе. С Китом Ламбертом на создание одного трека мог уйти целый день, а на поиск вдохновения – часов восемь. Однако я всегда думал, что оно того стоило, что из этого может получиться что-то новое.

Если вы послушаете «Rael», то никогда не догадаетесь, по крайней мере я на это надеюсь, что этот трек был записан в нью-йоркской студии, которая была меньше, чем ваша ванная комната. Эта запись была настоящим музыкальным приключением. Все эти гармонии, взращенные из маленького зернышка идеи. Помогло и то, что песни Пита кардинально отличались от всего, что тогда крутили на радио.

> The Red Chins in their millions
> Will overspill their borders,
> And chaos then will reign in our Rael.
>
> Миллионы Красных китайцев
> Перейдут границы, заполонят все вокруг,
> И тогда воцарится хаос в нашем Раэле.

Он написал это осенью 1967 года, за шесть лет до Войны Судного дня (военный конфликт между коалицией арабских стран и Израилем, длился с 6 по 24 октября 1973 года. – *Прим. пер.*), и посмотрите, что творится с миром полвека спустя. История повторяется. Она повторяется слишком часто, и «Rael» вышла пророческой. Пит поистине был пророком. Мы все прониклись. Понять это было не всегда легко, но мы видели дар Пита и то, что он стремился сделать больше, чем просто написать очередную поп-песню.

Я не особо политичен, но я осознаю, что происходит в мире.

И я задаюсь вопросом: как человечество собирается разобраться со всем этим, вместо того чтобы без конца плясать на одних и тех же граблях? Я понимал, что Пит попытался открыть людям глаза на некоторые вещи, чтобы заставить думать. «Rael» была нелепой поп-песней, но в то же время она была гениальной. Это стало большим шагом вперед по сравнению с «My Generation», что принесло поистине огромное облегчение.

Ребята по-прежнему громили инструменты, но это было не единственной нашей фишкой. Мини-опера на *Who Sell Out* служила предвестником того, что должно было вот-вот произойти, поэтому я не сидел сложа руки. Мне предстояло найти разные голоса, чтобы соответствовать различным текстам песен. Я не мог передать все это с помощью одной агрессии или блюзовой развязности. Я должен был измениться. Мик Джаггер всегда звучал как Мик Джаггер с его насмешливо-американским блюзовым голосом, но с музыкой Пита мне не хотелось звучать как Роджер Долтри образца 1966 года. Чем сильнее я менялся, тем больше Пит был заинтригован этим процессом. Он хотел узнать, как далеко сможет зайти в этих экспериментах.

Помогло и то, что я развивался: я стремился к самопознанию, отрастил вьющиеся волосы, переехал в приличную квартиру в Сент-Джонс-Вуд со своей девушкой. У нас была договоренность, которая идеально мне подходила: я платил за аренду, она покупала еду. Моя задача сводилась к тому, чтобы найти деньги – около четырнадцати фунтов стерлингов раз в месяц, а в холодильнике всегда была еда. Это было некое подобие безмятежного домашнего уюта, и это означало, что у меня был человек, который мог подать стакан воды, когда мне нездоровилось. А заболел я почти сразу после того, как она переехала. Все из-за фотосессии для этого альбома. Каждый из нас позировал для вымышленного рекламного постера. Пит красовался с дезодорантом «Одороно». Киту достался «Медак», несуществующий крем от прыщей. Джон заявился в студию достаточно поздно, рассчитав время так, что ему досталась девушка в леопардовом бикини. Хитрый ублюдок. Мне же выпал самый худший жребий.

Я пришел на съемки, и Дэвид Монтгомери, звездный фотограф-портретист, сказал: «Я хочу, чтобы ты сел в ванну с тушеной фасолью». «Хорошо», – ответил я. Они нарядили меня в полосатый викторианский купальник и уложили в оловянную ванну викторианской эпохи, а затем они достали четыре огромных чана с тушеной фасолью «Хайнц». Фасоль только что достали из холодильника, поэтому она была ледяной и густой. Через десять минут я начал дрожать, и они поставили

электрический нагреватель у задней части ванны. Через пять минут стало очень жарко. Я должен был перемешать воду, как обычно делают люди в ванной, но в тот момент я об этом не подумал. Я пробыл там около сорока пяти минут, и клянусь, та фасоль, что плавала вокруг моей задницы, к концу фотосессии уже сварилась. Я ушел домой, и – вот те на! – пневмония. Я никак не мог перестать дрожать, но в то же время у меня горела задница.

Несмотря ни на что, в результате получилась отличная обложка для одного из моих самых любимых альбомов. Мне нравится эта пластинка, потому что это настоящая дань уважения тем дням, когда Би-би-си еще не заправляла миром поп-музыки. Сегодня нам дают слушать только то, что разрешает мамочка. Диджеи пиратских станций были настоящими поклонниками музыки, и конкуренция между ними вынуждала их пускаться в музыкальные авантюры. В те времена все слушали пиратов, и музыка была настоящей. Независимые станции были отдушиной для музыки нашего поколения, и Би-би-си это не нравилось. Им чертовски не хотелось терять власть. Вместе с правительством они сделали все возможное, чтобы остановить пиратские станции или по крайней мере снизить их аудиторию, и им это удалось. Мне очень нравится Би-би-си, но я не люблю ее за многие вещи, и это как раз была одна из них.

20 января 1968 года мы прибыли в Сидней для одиннадцатидневного тура по Австралии и Новой Зеландии. В гастролях принимали участие мы, The Small Faces и Пол Джонс, который к тому времени ушел из Manfred Mann. Пол – хороший певец и отличный исполнитель на губной гармошке, но он был рок-звездой другого класса. Он получил образование в Оксфорде, поэтому большую часть поездки остальные ребята доставали его, но я с ним ладил. Я также подружился со Стивом Марриоттом. Я восхищался им. По моему мнению, он был одним из лучших британских рок-певцов всех времен. Он и Терри Рид. В любом случае, это был единственный плюс того турне – возможность тусоваться с другими певцами, а не только с дикарями из моей группы. Все остальное было ужасно.

Пит положил начало нашим злоключениям, избив репортера, который спросил его, как он относится к девальвации фунта. Это был не самый корректный вопрос для человека, который только что провел тридцать шесть часов в самолете, пролетев через Каир, Бомбей, Карачи и Сингапур. С этого самого момента все покатилось по наклонной.

Сегодня Австралия стоит в ряду цивилизованных стран мира, но, приехав туда впервые, мы не могли поверить своим глазам. У

зданий все еще были жестяные крыши, о кондиционерах никто слыхом не слыхивал. Куда бы мы ни пошли, нас встречали кричащие девушки, а позади всегда толпилась свора их деревенских дружков, порывающихся нас избить. Мы отыграли два концерта на Сиднейском стадионе, массивном старом сооружении с вращающейся сценой, где в лучшие дни проходили боксерские матчи. Фишка тех концертов заключалась в том, что мы играли для одной трети аудитории, а затем механизмы приводили сцену в движение, чтобы мы могли исполнить пару песен для следующей части аудитории и так далее. В разгар выступления The Small Faces сцена остановилась. Механизмы встали как вкопанные, и никто из техников не мог это исправить. К моменту нашего выхода сцену все еще не починили, и по моим расчетам это значило, что две трети зрителей вынуждены были довольствоваться видом наших затылков.

Весь тур обернулся катастрофой. Звук был дерьмовым, я ничего не мог услышать. Оборудование было дерьмовым. Мы взяли его напрокат, поэтому владельцам не понравилось, когда мы разбили его, но мы сделали это, потому что это было дерьмо. Пресса невзлюбила нас, потому что мы были молодыми и к тому же англичанами, у нас были длинные волосы, плохие манеры и мы трахали их дочерей. А затем кто-то из нас осмелился открыть банку пива в самолете. Это случилось на следующее утро после концерта в Аделаиде. Нас посадили в десять утра на рейс в Сидней. Быть в обществе рок-музыкантов в десять часов утра – не самая лучшая идея, и скандал был лишь делом времени.

Наш звукооператор Бобби Придден открыл бутылку пива. Пустяки, не так ли? Оказывается, что запрещается употреблять алкоголь, когда вы летите над штатом Южная Австралия. Во всяком случае, так было в 1968 году. Кто же мог знать? Но пиво Бобби стало искрой, разжегшей пламя небольшого бунта прямо в полете. Прежде всего, я слышал, как кто-то, возможно, Стив Марриотт, говорил стюардессе, что он был пятым в очереди на трон и мог делать все, что хотел. Затем, когда вызвали капитана, Бобби вставил последнее слово в их разгоряченной беседе, крикнув: «Как ты смеешь называть меня неряхой, когда ты сам носишь грязную рубашку?»

И понеслась. Капитан кинулся в свою кабину и объявил, что он изменяет курс самолета из-за «беспорядков» на борту. Мы опомниться не успели, как приземлились в аэропорту Эссендона. Возможно, вы подумали, что они просто выдворили Бобби и Стива из-за их возмутительного поведения, но нет – все девятнадцать человек, музыканты и помощники, оказались вышвырнутыми вон. Уму непостижимо. Мы вышли из самолета

длинной шеренгой с поднятыми руками, и, конечно, представители прессы были тут как тут, чтобы запечатлеть это на камеру.

Честно говоря, в те дни, если бы вы обмочили штаны, то новость об этом целую неделю не сходила бы с первых полос газет. Тихая заводь, что тут скажешь. Так что для них это был серьезный сюжет, золотая жила для таблоидов, которая подкармливала бы их целый год. «Вторжение поп-певцов» – такой заголовок красовался на первой полосе мельбурнской газеты «Эйдж» на следующий день. Капитан следующего рейса в Сидней поначалу отказывался брать нас на борт, но смилостивился после того, как мы поклялись всем на свете, что не доставим никаких проблем, не говоря уже о том, что мы вообще не планировали всю эту заварушку. На всякий случай с нами полетели два суровых сотрудника службы безопасности. К тому времени, как мы добрались до Новой Зеландии, мы получили телеграмму от премьер-министра Австралии Джона Гортона. «Дорогие The Who, – писал он, – мы бы не хотели, чтобы вы снова прилетали в Австралию. Во время вашего пребывания здесь вы вели себя ужасно, и мы надеемся, что вы никогда не вернетесь».

Пит понял это буквально и сказал: «Хорошо, ладно, мы никогда не вернемся». Это было ошибкой. В конце девяностых я слетал туда сам и увидел, что Австралия полностью изменилась. Я сказал Питу, что решение не возвращаться туда мы приняли в гневе. И когда мы наконец-то прилетели в Австралию в 2004 году, он сказал зрителям, что был не прав. Концерты тогда прошли отлично. Наша аудитория немного подсократилась, но это было логично, ведь последний раз мы выступали в этих местах тридцать шесть лет назад. Наш следующий концерт в Австралии привлек внушительное число слушателей. Вы хороши настолько, насколько хорош ваш последний концерт.

Менее чем через месяц после того, как мы покинули новозеландский Окленд, мы очутились в Калифорнии, отправляясь на первый из двух этапов гастролей по Америке. Я снова сидел на диете из гамбургеров, пытаясь сэкономить немного денег. Я устал снимать квартиру в Сент-Джонс-Вуд. У меня потихоньку начиналась клаустрофобия. Нельзя было выйти на улицу: снаружи всегда поджидали девушки, они буквально не давали шагу ступить. Мы с Хизер жили на верхнем этаже, и каждый раз, когда мы выглядывали из окон, они были там, в палисаднике. Соседям из-за этого тоже доставалось, но меня удивляло, насколько хорошо они к нам относились. Да и с девушками тоже все было в порядке – они не кричали. Просто у меня не было никакой частной жизни. А ведь дальше по улице

стоял дом, в котором проживали The Walker Brothers, и у их окон собирались вопящие фанаты. Даже на расстоянии двух сотен шагов уже было проблематично уснуть из-за шума.

План состоял в том, чтобы вернуться с американских гастролей, имея в кармане штуку баксов для первого взноса за домик под Лондоном. Конечно, Кит Мун попытался расстроить все планы. Если в 1967-м он открыл для себя вишневые бомбочки, то трендом 1968 года стал суперклей, пираньи и змеи. Суперклей говорит сам за себя. Мне жаль всех горничных, которые, к своему удивлению, не могли передвинуть мебель, поднять унитазные сиденья и снять бокалы для вина с потолка. Пираньи были идеей Джона. С виду такой тихоня, он был полноправным членом преступной когорты Кита, хотя по зловредности мог дать ему фору. Достаточно посмотреть на текст песни «Boris the Spider» его авторства. У Джона была темная сторона. Именно он положил пиранью в ванну отеля. Я не могу вспомнить, чья это была ванна, но помню, как смотрел на этих рыбок и подумал, что они выглядят не очень агрессивно. Джону продали фуфло.

Змея точно не была фуфлом. Мне подарила ее одна девушка из Альбукерке, Нью-Мексико. Это был один из самых странных подарков, что я когда-либо получал, но она была коренной американкой, и я был очень благодарен. Бычья змея выглядела почти идентично гремучей, с той лишь разницей, что у нее отсутствовала «погремушка». И она не была смертельно ядовитой. Мы носили этого лжегремучего змея в наволочке и прозвали его Адольф. Кит то и дело одалживал его «для развлечения». Он прибегал с улыбкой, извлекал Адольфа из наволочки и исчезал. А в следующую минуту раздавались чьи-то крики.

Адольф привлекал много внимания во время полетов и стал неотъемлемой частью нашей группы, ее пятым участником, в течение как минимум трех недель. Проблема была в том, что мы не могли заставить его есть. Мы все испробовали, но ему было до лампочки. Он просто пытался сбежать. Его способностям исчезать позавидовал бы сам Гудини. Вот Адольф мирно спит в своей наволочке, а в следующее мгновение уже взбирается по карнизу, протиснувшись в крошечную оконную щель. Можно подумать, что ему не нравилось гастролировать с нами, но я прекрасно его понимал. Мне нравилась эта змея, ведь Адольф был тихим и спокойным, то есть обладал двумя качествами, которые зачастую были чужды остальным участникам группы.

Мы потеряли Адольфа в Сан-Диего: оставили его в номере мотеля, и он исчез. Мы обыскали все вдоль и поперек, но он как сквозь землю провалился. Мне хочется думать, что где-то в неприметной части Сан-Диего все еще есть некая грязная

комнатка, куда люди заходят, а после уже никогда не выходят. И там же находится десятиметровая бычья змея, у которой наконец-то проснулся аппетит.

Когда Адольф исчез, Кит вернулся к своему надежному запасу вишневых бомбочек. Пятого апреля в четыре утра нас вышвырнули из отеля Gorham в Нью-Йорке. Не самое шикарное место, но там было приятно. Меня все устраивало, и я спал как младенец. А потом я узнал, что Кит кидался вишневыми бомбочками из окна девятого этажа. Он взорвал туалет и напугал милую старушку в лифте. Так что нас всех вытурили из здания. Времени хватило только на то, чтобы одеться, в полусонном состоянии схватить вещи и выйти на 55-ю западную улицу.

Еще хуже, что Gorham известил о произошедшем все другие отели Манхэттена, поэтому мы до шести утра искали место, хозяева которого были достаточно беспринципны, чтобы приютить нас. Свои поиски мы закончили на кольцевой дороге, ведущей к аэропорту. На следующую ночь нам забронировали номера в отеле Waldorf, местечке уровнем повыше Gorham. Они настаивали на том, чтобы мы рассчитались наличными, но у нас не было денег. Так что нас вышвырнули еще до того, как мы успели распаковать вещи. И когда Кит не смог вернуться в свою комнату, чтобы забрать багаж, он взорвал дверь вишневыми бомбочками, которые остались у него с прошлой ночи. Нас прогнали на Парк-авеню. Мы оказались в черном списке у Waldorf, Gorham, всей сети Holiday Inn, большей части отелей Hilton и некоторых гостиниц Sheraton. Как только мы стали более раскрученными и организованными, я начал жить в отелях отдельно от Кита. Я находил место в ближайшем квартале и наслаждался гарантированным сном. Это было важно не только для того, чтобы сохранить остатки здравомыслия, но и для концерта. Не выспавшись, я не смог бы петь.

Оставалось просто привыкнуть к этому. В половине случаев я даже не распаковывал вещи, просто чтобы сэкономить время к приходу менеджера или полиции. Официально отели нас ненавидели, но на самом деле они души в нас не чаяли. Готов поклясться вам в этом. Мы ведь платили бабки за ущерб. Они получали компенсацию по страховке, наши деньги и, в довесок, новый симпатичный интерьер. В течение последующего десятилетия Navarro таким способом полностью обновил свои апартаменты. Когда они считали, что им нужно переоборудовать комнату, то селили туда Кита. Он разносил номер ночью в пух и прах, а утром платил за содеянное. Отели оставались в выигрыше.

* * *

Чудом мне удалось вернуться домой с небольшим количеством денег после первого этапа турне по США 1968 года. Я вернулся к Хизер восьмого апреля, измученный и лишенный сна, но в моем кармане лежала драгоценная штука баксов. Достаточно для взноса за наш первый дом. Проблема заключалась в том, что у меня все еще был кривой «Астон», который до смерти меня достал. Поэтому я принес драгоценную штуку баксов на автомобильный аукцион и купил прекрасный старый «Ягуар-Марк-10». Хизер, мягко говоря, вышла из себя и велела мне отогнать «Ягуар» обратно. Я пытался объяснить, что нельзя вернуть машину на аукцион, но спустя десять весьма стрессовых минут я уже направлялся обратно. Я позвонил Джорджу Сварщику, и мы вместе прошлись по контракту на машину. Мы обнаружили достаточно нестыковок, чтобы вернуть деньги.

Хизер сменила гнев на милость, но следующие несколько месяцев мне пришлось разъезжать в «Мини». Я чуть хребет себе не сломал, особенно после одного концерта в шотландском Инвернессе. Но радовало, что Хизер больше не кричала на меня. Между прочим, следующей машиной, которую мне удалось выпросить, стала «Вольво». У Кита и Джона были свои «Бентли» с шофером. У Пита были всевозможные спортивные машины. А мне просто нужно было что-то, на чем я мог доехать из пункта А в пункт Б, доставив в целости и сохранности мою прекрасную американку с шотландскими корнями. На деньги, оставшиеся от покупки «Мини», мне удалось получить ипотеку, и тем летом, пока я был на втором этапе нашего долгого турне по США, Хизер переехала в наш первый дом в Херсте, Беркшир.

Сегодня загородные домики сплошь заселены стареющими рок-звездами. Они все уехали из города в поисках тишины, покоя и места для хранения своей коллекции гитар. Но тогда все было иначе. Наш коттедж находился всего в тридцати милях от Лондона, однако для меня это была колоссальная разница. Все наши знакомые жили в городе, а в Беркшире нас никто не знал. Рядом поселился Элвин Ли, а за ним последовал Джимми Пейдж, но когда мы приехали, казалось, что мы были первыми. Но я не задумывался об этом. Я хотел жить за городом. Мне кажется, что у меня всегда было это желание. Это была глубокая психологическая потребность. Одними из самых счастливых моментов моего детства были вылазки к речке и находка заросшего бомбардировщика, идеально подходящего для игр. Это была дикая местность. Заброшенные подвалы наполнились водой и стали домом для лягушек и жаб, а также для меня и моих товарищей. Все возвращалось в лоно природы, образуя вереницу

естественных тоннелей и укрытий. Став взрослее и несчастнее, я прогуливал уроки, прячась в парке Дьюкс Медоус из-за отчаянного желания скрыться от школьных кошмаров. Именно благодаря спокойствию и тишине реки я впервые почувствовал почву под ногами. В детстве мне приходилось искать природу в западном Лондоне, а теперь у меня была возможность обрести ее по-настоящему.

В деревне было классно. Мясник, пекарь, почта – там было все для повседневных нужд. Паб «Зеленый человек» был сердцем и душой этого места с 1600-х годов. Мы распахнули двери, и нас приняли. Более-менее. Все городские жители, разодетые в свои полосатые костюмы и в шляпах-котелках, приезжали на поезде в Твайфорд и заходили в паб, чтобы посмотреть на шоу уродцев. Я только что вернулся, проведя все лето в Америке. Я был за рулем совершенно нового «Шевроле-Стингрей», купленного мной в Детройте, который стал настоящим аттракционом для местных жителей. Но в Калифорнии я видел, как исчезала мода стиляг, уступая место хиппи. Сюртуки и рубашки с рюшами выходили из моды, и денди вместе с ними. Я отрастил вьющиеся волосы. Я не стеснялся и был горд собой. Вдобавок я начал заимствовать всю модную одежду Хизер. Я взял ее ботинки в турне, я носил ее белую кожаную куртку. Мы придумывали все на ходу, и это было потрясающе. Мода становилась все ярче в Хейт-Эшбери, Сан-Франциско, но Хейт-Эшбери был далеко от Херста. Те городские завсегдатаи думали, что наша одежда была смехотворной, но вскоре они узнали нас получше и мы подружились.

Питу бы не понравилось, что мы якшаемся с этими биржевыми маклерами, но мне было плевать. Это был паб. Пабы хороши настолько, насколько хороши их хозяева, а Джим и Анна из «Зеленого человека» были лучшими. Там не было никакой фоновой музыки. Во главе угла разговор, и это было потрясающе. Мы жили в коттедже XV века с очень низкими потолками. Хизер и ее подруге Девон приходилось наклоняться, чтобы войти внутрь, но я был как раз подходящего роста. Это было романтично.

Мне было двадцать четыре года, и, казалось, я остепенился. Мы все остепенились. Кит женился на своей девушке-серфере из Лестера, Ким, и у них уже был ребенок. Джон женился на Элисон, своей любви из детства, и они наслаждались семейной жизнью в доме в Актоне (адрес которого Джон сразу изменил на «Бастилию»). Пит женился на Карен год назад. Я не присутствовал на свадьбе. Хизер хотела сходить, но слегла с бронхитом, а на праздновании должно было быть слишком много людей, которым предстояло выступать. Мы не могли взять на себя ответственность за выведение из строя половины вокалистов

Великобритании, поэтому я вызвался остаться дома и присмотреть за ней. Это не было оправданием – она действительно была очень больна. Но, по правде говоря, я не любил свадьбы. У меня с ними связано достаточно плохого опыта. Я предпочитаю похороны. Люди ходят на свадьбы, их что-то бесит, они начинают ссориться, и все заканчивается мордобоем. На похоронах все рады видеть друг друга, все говорят только хорошее о мертвом парне, а затем счастливые отправляются домой.

В любом случае, мы уже не были подростками. Мы больше не вели жизнь диких богемных рок-звезд, устраивающих вечеринку за вечеринкой. Во всяком случае пока мы были дома. Как группа мы тоже не тусовались вместе. Когда я не гастролировал, то большую часть времени проводил в Беркшире. Один год жизни рок-звезды длится столько же, сколько семь лет обычного человека. Рок-музыка отняла у нас немало лет. Ежедневно я добирался до студии IBC и чаще всего возвращался обратно. Мы начали записывать *Tommy* в сентябре 1968 года и должны были закончить работу над альбомом к Рождеству. Как бы не так. В марте мы только-только заканчивали работу над последними штрихами. Итого на все про все у нас ушло семь месяцев. Наш рекорд по времени, которое мы провели вместе в студии, но *Tommy* не был похож на альбомы, которые мы записывали раньше. В природе вообще не существовало второго такого альбома, и точка.

Первое, что я помню, – мне понравилась идея, причем сразу же, как только я ее услышал. Я не могу точно вспомнить, когда Пит впервые поделился ей с нами. Он делал пометки во время бесконечных поездок на автобусах по Америке и рассказал еженедельнику «Melody Maker», что работает над рок-оперой «Путешествие в космос». Еще он много чего рассказал «Rolling Stone», все одним залпом. К сентябрю у него уже был схематичный план. Томми был глухим, немым и слепым пареньком, который воспринимал окружающий мир только благодаря вибрации. Я влюбился в эту концепцию. Музыка это и есть вибрация. В этом весь смысл. Это была абстрактная идея, но я знал, что в этом что-то есть, и поддержал Пита. Поначалу мы планировали один альбом. По ходу того, как звучали песни, Кит Ламберт вплел их в связную историю. Люди часто забывают, что Пит не писал *Tommy* целиком. Он был вдохновителем, но это был коллективный труд, как и все, что мы делали. Поначалу все выглядело довольно расплывчато. Каждое утро Пит приносил демозаписи. Они были великолепны, но к тому моменту, когда они проходили через студию, они становились чем-то большим.

История продолжала меняться. Фрагменты песен переросли в целые сюжетные линии. Это было все равно что сложить пазл без картинки, без ровных краев, не имея половины деталей, но это было невероятно захватывающе.

Пит прокладывал курс, и если у кого-нибудь из нас было предложение, то мы выносили его на общий суд. Я работал над вокальными гармониями и провел много времени, пытаясь выработать голос. С помощью Кита Ламберта альбом превратился из чего-то весьма расплывчатого и философского в нечто происходящее в реальном мире, в Британии. Работу над персонажем дяди Эрни Пит поручил Джону, и результат получился превосходным. В музыкальном плане Джон был очень умен, а его взгляд на жизнь был весьма мрачным, поэтому у него получился довольно зловещий герой. Возможно, это как-то связано с тем, что отец Джона оставил его с матерью, когда тот был малышом. Его мать снова вышла замуж, но о своем отчиме Джон никогда и слова доброго не сказал. Я думаю, будет справедливо сказать, что он ненавидел его. Дядя Эрни, персонаж, которого мы все воспринимали как шутку, стал намного мрачнее, после того как Джон поработал над ним.

Отправить Томми в лагерь для отдыха придумал Кит. В то время эта была отсылка к очень мрачной шутке. Концлагерь – праздник, который никогда не кончается. Я прошу прощения у своих еврейских друзей, если задел их чувства, но таким уж был юмор в те дни. Сегодня вам не сошла бы с рук не только эта шутка, но и вся история в целом. Пит никогда не говорил о том, откуда у него взялись эти идеи, а мы никогда его не спрашивали. Мы просто позволили ему творить. Анализируй мы слишком много, это замедлило бы процесс работы и мы до сих пор сидели бы в студии. Питу была нужна свобода.

Только закончив пазл, мы увидели картину целиком. Но даже после этого она получилась не самая ясная, не так ли? Некоторые песни попросту не вписывались ни в один сюжет. Но я скажу вам, что даже сегодня, если сыграть *Tommy* целиком, возникает такое чудесное чувство завершенности. Простота, сила текста, путешествие. Альбом все развивался и развивался. Развитие продолжилось, даже когда мы перенесли его из студии на сцену. Было волшебно играть его с первых же вступительных аккордов. Это было не совсем в духе рока, но в то же время музыка качала. Это было поистине гениально, и Пит полностью заслуживает все лавры, которые он снискал благодаря этой пластинке.

Только когда мы стали выступать с *Tommy* вживую, я действительно понял, на что способен мой голос. Мы репетировали в Доме культуры Саутолла в марте 1969 года, и к

четвертому прогону сыграли альбом как надо. Это было живое выступление, и я почувствовал, будто меня выпустили на свободу. Все, что я научился делать с голосом, пришло от *Tommy*, и это случилось за четыре репетиции. Я просто изменился. Это всегда было в моем голосе. Бывало, мне удавалось раскрыться с более ранними песнями Пита, но именно благодаря *Tommy* мой вокальный потенциал проявился полностью. У нас был один уикенд студенческих концертов в Шотландии, прежде чем мы устроили пресс-показ *Tommy* в джаз-клубе Ronnie Scott's в Сохо. Журналисты разозлились и не дали нам и слова вставить, когда Пит представил альбом словами: «Это история о мальчике, который оглох, ослеп и онемел после того, как стал свидетелем убийства. Позже его изнасиловал дядя, и он подсел на ЛСД». Но мы выкрутили усилители на максимум и просто начали играть. Целый добрый час. Драйв, драйв, драйв. Никаких пауз для аплодисментов или критических насмешек. Никаких перерывов. Из зала все ушли со звоном в ушах, и никто даже не понял, что случилось.

Глава 10. Побег за город

К тому моменту, когда 23 мая 1969 года состоялся релиз *Tommy* в Британии, мы отправились в тур по Штатам. Старт был отличный: три вечера в Grande Ballroom в Дирборне, штат Мичиган, и еще три вечера в Бостоне, которые подготовили нас к трехдневному марафону из шести шоу в Fillmore East, Нью-Йорк. Со времен первых репетиций в Саутхолле я осознал, что у нас в руках было что-то волшебное, что этот тур поднимет нас на новый уровень. А потом пришел человек в спортивной куртке. На часах была половина десятого, мы играли «Pinball Wizard» в середине второго шоу во время дебютной ночи в Fillmore East, когда этот парень вскочил на сцену и выхватил у меня микрофон. Я отобрал его и велел парню отвалить, но он не унимался. Когда мы боролись с ним, я заметил, что Пит направлялся к нам, изображая «утиную походку» Чака Берри. Идеально в такт музыке, он пнул парня по яйцам, затем я выхватил микрофон, и мы закончили песню.

В следующий момент Билл Грэм, промоутер, сообщил нам, что парень в спортивной куртке, которому Пит заехал по яйцам, является сотрудником элитного оперативного отряда полиции Нью-Йорка в штатском. Он пытался отобрать микрофон, потому что в соседнем китайском супермаркете возник пожар и здание нужно было эвакуировать. К счастью, ему не удалось получить микрофон. Он бы спровоцировал панику, если бы остановил нас прямо в середине песни. Билл собирался сделать спокойное объявление во время следующего перерыва. Так и нужно эвакуировать толпу посреди концерта – спокойно. Но мы и глазом моргнуть не успели, как вышел ордер на наш арест. Коп заявлял, что он показал мне свой значок, прежде чем мы напали на него. Я говорю вам, положа руку на сердце, что он не показывал свой значок. И даже если он это сделал (хотя он не сделал), я этого не увидел. Во время концерта вы находитесь в совершенно другом мире. Я бы не обратил внимания, чем там размахивал какой-то незнакомец.

Впрочем, все это не имело значения. Мы с Питом стали преступниками в бегах. Мы не решились вернуться в отель и вместо этого позвонили в «Международную службу спасения», которой в нашем случае оказались наши знакомые девушки из Нью-Йорка. Пит остался с Мэнди Уилсон, а я оказался в другой части города с Дженни Дин, еще одной замечательной представительницей наших удивительных группи. Проснулся я от ругани двух латиноамериканок, которые выясняли между собой

отношения, перекрикиваясь через окна своих домов. Благодаря тайной сети поклонниц пришло известие, что Кит Ламберт и Крис Стэмп договорились о нашей капитуляции. Мы должны были сдаться в девятом участке полиции, что мы и сделали. В течение девяти часов мы проторчали в клетке, чувствуя, как на нас таращились другие заключенные, пока Кит пытался убедить копов не обвинять нас в совершении тяжкого нападения. Власти должны были радоваться, что никто не умер, но они не могли отказать себе в удовольствии поиздеваться над рок-группой. В конце концов мне не стали предъявлять обвинений. Пит был осужден за нападение третьей степени и на следующей неделе должен был явиться в суд. Мы вернулись в Fillmore как раз к началу шоу в восемь вечера.

* * *

Я всегда знал, что на одних записях мы не вывезем. Вы были обязаны видеть нас вживую. Придите на наш концерт – и вы у нас на крючке. К 1969 году мы достигли нового уровня выступлений. В отличие от любой другой группы у The Who был басист, который играл как ведущий гитарист, гитарист, который играл как барабанщик, и барабанщик, который вместо того, чтобы играть прямую бочку 4/4, давал публике полный фарш. Физически я тоже трансформировался. Я играл персонажа, и у меня была абсолютная свобода самовыражения в звуке и движении. Иногда я действовал сам по себе, иногда я синхронизировался с великолепными «ветряными мельницами» Пита и его олимпийскими прыжками в высоту. Кит устраивал собственное действо на заднем плане. Это было искусство.

К тому времени, когда мы добрались до Чикаго, шоу стали длиннее. Сначала час и десять минут, затем час двадцать, а затем концерты вышли и за эти пределы. Вдобавок не было перерывов. То, что мы начали в Ronnie Scott's, переросло в одно непрерывное девяностоминутное шоу, а свой законченный вид оно обрело в чикагском Playground. Сначала аудитория сидела, но к середине концерта все уже стояли на ногах. Можно было почувствовать нарастающее напряжение в воздухе, а под конец люди просто сошли с ума. Это был новый опыт для нас и для публики. К концу лета о себе дали знать физическое и эмоциональное истощение от гастролей *Tommy*. Мы доползли до самых отдаленных уголков Америки и Канады, прилетели домой, чтобы отыграть непростой концерт с Чаком Берри в Альберт-холле, и каждый вечер шоу продолжало развиваться. Все это было невероятно интенсивно.

Какую награду мы за это получили? *Tommy* стал нашим первым альбомом, который попал в пятерку лучших в США. А потом нам пришлось выступить на «Вудстоке». Я говорю «пришлось», поскольку, хоть этот фестиваль и вошел в историю как важное культурное явление XX века, там было не очень весело. Три дня мира и любви? Держите карман шире. Там царил дурдом еще до того, как мы приехали. Пит провел несколько часов в пробках. Многие другие артисты вовсе не смогли добраться. Кругом творилась какая-то чертовщина. К счастью, у меня был другой вид транспорта.

«Чак отвезет тебя», – сказала мама Хизер, когда мы навещали ее в Коннектикуте. Чак и Хелен, родители Хизер, были еще молоды и хотели попасть на «Вудсток». Нам же хотелось, чтобы они высадили нас и уехали как можно быстрее, но не всем желаниям суждено было сбыться. Итак, мы все погрузились в их ярко-красный «Фольксваген-жук» – прямо-таки «Херби едет на “Вудсток”» (отсылка к серии фильмов о живом «Фольксвагене-жуке» по имени Херби. – *Прим. пер.*). Когда мы встали в пробке, я велел Чаку ехать по обочине: «Не беспокойся, если полиция остановит нас, Чак. Я разберусь». Никто не возражал. Все только махали вслед нашему Херби.

Мы добрались до места 16 августа 1969 года, ожидая увидеть нечто стоящее. В каждом выпуске новостей в Америке «Вудсток» был событием *исторического* размаха. Раньше не было ничего подобного. Количество человек, посетивших фестиваль, оценили в полмиллиона. Многие еще пытались туда добраться, несмотря на то, что губернатор Нью-Йорка уже объявил это событие национальным бедствием. Если губернатор Нью-Йорка пытается отговорить вас от посещения какого-то мероприятия, это первый признак того, что там будет классно.

Наше место назначения оказалось немного другим. Нас приветствовала гостиница с большой вывеской, иронично сообщающей «Лагерь “Спокойствие”». Все группы были там: Jefferson Airplane, Big Brother and the Holding Company, Grateful Dead, Хендрикс. Музыкантам предоставлялись комнаты, а роуди и техники спали прямо в коридорах. Все просто болтались без дела и ждали своей очереди, чтобы выйти на сцену. Мы ждали, ждали и ждали. Около семи вечера мы, как полагается, поехали в закулисную зону на микроавтобусе. И прождали там еще немного. Мы надеялись, что все пройдет как по маслу, но в те дни на фестивалях, особенно на торжественных, это было редкостью, а на «Вудстоке» и подавно. Мы должны были выступить вечером, но к четырем часам утра следующего дня мы все еще болтались за кулисами на грязной поляне и ждали. Потом еще немного

ожидания. Даже в лучшие времена я терпеть не мог бездельничать. Ничего не делать, пока вы ждете, чтобы сыграть перед полумиллионной аудиторией, это самая сложная вещь в мире. И дело не в полумиллионной толпе. Мне всегда было без разницы выступать перед одиноким человеком и его собакой в пабе, перед восемьюдесятью тысячами человек в Гайд-парке или перед полумиллионом на молочной ферме в Катскилле. На мой взгляд, я всегда отношусь к своей работе одинаково – даю зрителям все, что могу им дать. Из-за ожидания это становится тяжело. Этакая скука, пронизанная напряжением. Вы должны быть начеку, нужно держать контроль, но важно не перекипеть.

Для Кита это было тяжелее. Нервы у него были ни к черту. Раньше его тошнило перед концертами. Первый выход на сцену наводил на него ужас. Ему становилось все сложнее. Я думаю, что именно это положило начало его алкоголизму – страх перед выходом на сцену. Ему нужно было выпить, чтобы успокоить нервы. Сначала бокал бренди, затем двойная порция бренди, а потом целая бутылка. И это только для разогрева. Полагаю, что это четырнадцатичасовое ожидание на «Вудстоке» далось ему особенно тяжко. За кулисами не было еды. Все было смешано с ЛСД, даже кубики льда. К счастью, я прихватил бутылку ликера «Южный комфорт», так что чувствовал себя хорошо, пока не решил выпить чашку чая. Вот как они добрались до меня – через хорошую чашку галлюциногенного чая.

Все шло наперекосяк. Все насквозь промокли. То и дело случались перебои с электроэнергией. Публика поднималась на сцену, кто-то штурмовал осветительные установки. Пит сказал, что видел, как какой-то пацан рухнул с одной из установок и, возможно, сломал себе шею. «Вудсток» рекламировался словами: «Фестиваль эры Водолея – три дня мира и музыки». На самом деле там царил хаос.

А затем, посреди ночи организаторы задумали оставить нас без денег. Наш взнос составлял 11 200 долларов, и большую часть из этой суммы мы уже потратили на билеты себе и своей команде. Нам нужны были деньги, чтобы добраться до дома и оплатить счета, поэтому мы отказались продолжать, пока нам не заплатят. Ходит история о том, как банковского менеджера разбудили посреди ночи и посадили в вертолет, чтобы тот взломал сейф местного банка, выгреб оттуда деньги и полетел обратно на «Вудсток», чтобы заплатить нам свежими банкнотами. Отличная байка, но всего этого не было. Наш тур-менеджер просто сверлил взглядом организаторов, пока те не выписали нам чек.

После всех этих споров, галлюцинаций, грязи и хаоса мы

наконец-то вышли на сцену, примерно после пяти утра. Месяц назад мне приснился один особенно яркий кошмар. Такого рода страшилки снятся тебе, когда ты ребенок. Во сне я смотрел на какой-то пустынный дымный пейзаж, вокруг стояли сторожевые башни с прожекторами, а над головой кружили вертолеты. Мое подсознание рисовало что-то наподобие вьетнамских флешбэков. Глядя в предрассветный мрак «Вудстока», разглядывая смутные очертания полмиллиона людей, испачканных грязью, когда их выхватывал из темноты свет прожектора, я, страдая от нехватки сна и будучи одурманенным галлюциногенным чаем, почувствовал, что мой кошмар стал явью.

Казалось, выступление шло не очень хорошо. Сценические мониторы то и дело выходили из строя, звук был дерьмовым. Мы все боролись со стихией и с самими собой. Масла в огонь подлил политический активист Эбби Хоффман, который поднялся на сцену в конце «Pinball Wizard», отобрал микрофон Пита и крикнул: «Пока вы занимаетесь этим дерьмом, Джон Синклер гниет в тюрьме». Естественно, Пит прогнал его со сцены, перед этим пригрозив убить следующего, кто вздумает отобрать у него микрофон. Музыка и мир. Так или иначе, шоу продолжалось, и каждый раз, когда приходило чувство, что мы теряем хватку, мы просто прикладывали еще больше усилий. Затем, вскоре после шести, мы добрались до «See Me, Feel Me» из *Tommy*, и тут взошло кровавое солнце. Будто по сигналу. Невозможно было придумать ничего круче. После всего того дерьма, через которое мы прошли, этот момент был идеальным, экстраординарным. Это был один из тех моментов, которые невозможно повторить, даже если сильно постараться. Такое случается раз в жизни.

За исключением того, что то же самое произошло снова 25 апреля 2015 года, всего сорок шесть лет спустя. Мы были хедлайнерами на джазовом фестивале в Новом Орлеане, и весь день моросил дождь. Недавно прошел тропический шторм, и все было залито водой. Высокая влажность всегда приносит с собой хаос. Она портит электрику, и вид усилителя, наполовину погруженного в воду, несколько сбивает с толку. Я добрался до трейлера, выглянул в окно и сказал Митчу, моему помощнику, не беспокоиться. Я собирался все уладить. Он с сомнением сказал: «Хорошо, Роджер». Циничный молодой человек. И я начал кричать в небо: «Перестань! Прекрати это сейчас же! Хватит с нас этого дерьма!»

И дождь прекратился. Словно по мановению волшебной палочки. Как будто кто-то выключил кран. Митч ничего не сказал. Я тоже ничего не сказал, но, честно говоря, я был удивлен не меньше его. Небо было темно-серым, когда мы вышли на сцену.

Так продолжалось до самого конца «Pinball Wizard». Когда я открыл рот, чтобы исполнить «See Me, Feel Me», через облака пробилось солнце. Чистое волшебство! За это я и люблю живые выступления. На них всякое может случиться. Порой происходит что-то плохое, порой – хорошее. А иногда случается настоящая магия. Это был один из тех моментов, который может произойти лишь дважды в жизни.

Через две недели после «Вудстока» мы играли на фестивале на острове Уайт. На этот раз обошлось без Херби. Мы прилетели на вертолете, что было больше в стиле рок-н-ролла, особенно учитывая, что кусок доски, который использовался для временного указателя вертолетной площадки, вырвался из опор и улетел в тартарары, когда наш пилот пытался приземлиться. Последние несколько метров мы проделали на полной скорости. Вертолет был измотан, но у нас все было хорошо. Обычно все заканчивается не так, если ты разбил вертолет. Мы вышли на сцену, отыграли *Tommy* и полетели обратно в Лондон на другом вертолете. Работа выполнена.

Кто заплатил за вертолеты? Track Records. Кто платил Track Records? Мы. После «Вудстока» деньги действительно хлынули рекой. Журнал «Life» сделал целый памятный выпуск о фестивале, и я стал счастливчиком, чья фотография красовалась на центральном развороте. Я и моя рубаха с бахромой. Это был новый уровень популярности, и почти сразу же наша карьера пошла в гору. Впервые нам приходилось использовать псевдонимы во время путешествий. Разумеется, это стало еще одним источником шуток. Интересно, о чем думали администраторы, когда Лорд Элпус, Джон Фитцперфектли и Майлз Апарт заселялись в гостиницу на ночь?

В 1969 году Нил Армстронг сделал один маленький шаг для человека, но гигантский скачок для человечества[11]. Друзья пришли посмотреть на это событие к нам, потому что мы оказались единственными людьми в деревне, у которых был цветной телевизор. Это была огромная тридцатишестидюймовая коробка, нашпигованная самыми современными аудиовизуальными технологиями. Все были взволнованы. Высадка на Луне, да еще и в цвете. Какой исторический момент. Единственная проблема заключалась в том, что космос черный, а луна белая. Армстронг не особо использовал возможности цветного телевидения. «Ну, что думаешь о цветном телевидении?» – шутливо спросил я одного из стариков. «Фантастика», – ответил тот, искренне очарованный.

В том году нас начали называть миллионерами. Пускай у меня имелось достаточно денег для покупки шикарного

телевизора, но миллионеры? Чушь собачья. Это были выдумки, потому что все деньги, которые мы должны были заработать, таяли у нас на глазах. Они приходили и тут же тратились на законные и не вполне законные расходы. Мы получали сорок процентов выручки, что в действительности было очень мало.

В 1969 году музыкальную индустрию захлестнул кокаин. Он всегда маячил на фоне, но теперь Крис и Кит подсели на него по-крупному. Утро Кит начинал с кокаиновой дорожки. К одиннадцати часам он был в Track Records и баловал себя косячком. Потом он закидывался колесами, а после снюхивал еще одну дорожку. Лишь затем он отправлялся на обед. Он был наркоманом, а кому захочется, чтобы наркоман управлял вашим бизнесом? Особенно, если ваш бизнес – рок-н-ролл. Чем известнее мы становились, тем больше зарабатывали денег, но чем быстрее и безрассуднее Кит тратил их, тем меньше процентов мы видели. К концу 1969 года мы были самой большой рок-группой в мире. Мы были хедлайнерами фестивалей, мы были первой группой, которая распродала билеты на шесть концертов в Fillmore West менее чем за час, мы заполняли оперные театры. И при этом едва сводили концы с концами.

* * *

На четвертый день нового десятилетия Кит Мун насмерть задавил своего шофера и телохранителя Нила Боланда возле паба друга Кита в Хэтфилде. Это был несчастный случай, вызванный паническим бегством от толпы скинхедов. Они следовали за ним из паба, желая затеять драку. Негодяи окружили машину и начали бить по ней. Нил вышел, чтобы расчистить путь, а Кит надавил на газ. В хаосе никто не понял, что Нил попал под колеса.

Я позвонил Киту на следующий день, чтобы спросить, все ли у него в порядке. Он сказал, что все окей, но, разумеется, это было не так. Ему мучили глубокие угрызения совести. Его пытались привлечь за непредумышленное убийство, но в итоге он отделался обвинением в вождении в нетрезвом состоянии. В суде ему заново пришлось пережить эти события, и я понятия не имею, как он справился с этим. Не думайте, что ему сошло это с рук. Память о том дне преследовала его, и пьянство становилось все хуже и хуже. Когда он не был с нами, то проводил все время с Вивом Стэншоллом и Ларри Смитом из группы Bonzo Dog, устраивая тотальный беспредел. Вив стал идеальным подельником Кита. Замечательный и яркий чудак, он был чем-то

похож на медведя Руперта (персонаж детских комиксов, созданный английской художницей Мэри Туртель. – *Прим. пер.*). Они могли зайти в магазин на Сэвил-Роу (улица, на которой расположены лучшие лондонские ателье с многолетней историей. – *Прим. пер.*) и спросить пару самых крепких брюк. «Крепкие брюки, сэр?» – «Да, нам нужны самые крепкие». Парень выходил с парой брюк, и тогда Кит продевал ногу в одну штанину, а Вив – в другую, и брюки рвались. «Извините, они недостаточно крепкие».

Когда у них было больше энергии, Вив одевался как священник, и Кит высаживал его в центре Оксфорд-стрит. Затем Кит в образе нацистского офицера, нарезал несколько кругов в своем фиолетовом «Роллс-Ройсе», прежде чем вернуться обратно на Оксфорд-стрит. К удивлению зевак, он выпрыгивал из машины, с криками набрасываясь на Вива, а затем понарошку начинал выбивать из него дерьмо. Зачем? Чтобы увидеть, как люди отреагируют на вид офицера СС, нападающего на священника. Конечно, никто ничего не делал. Так что Кит вставал по стойке смирно, устраивал полный «хайль Гитлер», прыгал обратно в «Роллс-Ройс» и уезжал восвояси. Вив ковылял прочь, а затем они встречались где-нибудь, чтобы обмыть шутку.

По их мнению, это было весело. Я уверен, что тогда это действительно было весело, даже если подобные выходки получались недальновидными. Но в основе всех этих розыгрышей лежало желание Кита быть в центре внимания. Он чувствовал себя никем без внимания или бутылки. Помните, что его учитель написал в отчете? «Должен воздержаться от того, чтобы выпендриваться». Но его никто не сдерживал. Он был в рок-группе. Вся его жизнь была сплошным шоу.

Смерть Нила стала серьезным ударом, и многие говорят, что это послужило началом конца для Кита. Нет никаких сомнений в том, что эта трагедия стала для него источником ужасной вины и давила на его разум, но настоящим катализатором, тем, что заставило свернуть его на темную тропинку, стал уход его жены Ким. После этого он потерял последние тормоза.

В 1971 Кит и Ким купили Тара-Хаус в Чертси у Питера Коллинсона, режиссера фильма «Ограбление по-итальянски». Конечно, это был необычный дом – абстрактное бунгало с пятью пирамидами наверху, всевозможные футуристические приспособления, огромная гостиная и паб в конце дороги, ведущей к дому. Ким описала это бунгало как перевернутую коробку для яиц. Это мог быть их первый настоящий семейный дом – их дочери Мэнди было четыре года, когда они переехали, но вместо этого Кит превратил его в центр для вечеринок. В

отрыве от гастролей Кит терял хватку. Он никогда не репетировал. У него дома даже не было ударной установки. Ему становилось скучно, он впадал в депрессию и пытался заглушить ее таблетками и алкоголем. Через шесть месяцев он загнал «Роллс-Ройс» в пруд. Он утверждал, что пытался завести машину с толкача, но я уверен, что он сделал это чисто для смеха. Помимо этого он неоднократно крушил дом. Когда мы сделали перерыв в 1972 году, он просто с катушек слетел.

Его выходки оттолкнули Ким, девушку, которую он всегда любил, и в конце концов она начала встречаться с Иэном Маклэганом, клавишником The Faces. Узнав об этом, Кит пришел в бешенство и разнес весь дом прямо на глазах своей дочери Мэнди. Мне тошно даже думать об этом. Он просто свихнулся от бренди и таблеток. Той ночью он сломал нос Ким, и это стало последней каплей для нее. Она ушла и больше не вернулась. Я не знаю, поднимал ли он на нее руку раньше, но он бывал жесток. Однажды он швырнул в нее бутылку шампанского в их квартире в Хайгейте. Он промазал, но бросок был такой силы, что бутылка застряла в стене. На следующий день он поставил рамку вокруг нее и заставил нашего пиар-агента позвонить в газеты. Новость об этом «арт-объекте» даже удостоилась целой страницы в «The Sunday Times», и людям показалось, что все это шутки ради, но ему было не до шуток.

Правда заключается в том, что он боготворил свою жену и был ревнивым человеком. Мы все были ревнивыми в том возрасте. Раньше мне было трудно, когда Хизер разговаривала с каким-то парнем и он явно заигрывал ней. Но я не мог ничего сказать, особенно когда только что возвращался из очередного турне. Конечно, это не означало, что я ничего не испытывал. Но ревность Кита била все рекорды. Однажды он заплатил одному тяжеловесу двести фунтов, чтобы тот сломал пальцы Иэну. Пит узнал об этом и заплатил ему столько же, чтобы тот ничего не делал. Именно ревность Кита отпугнула Ким. Увидевшись со мной после той злополучной ночи, когда Кит сломал ей нос, она сказала, что любила его и готова была терпеть его деструктивное поведение. Но после случившегося у нее не оставалось иного выбора, кроме как уйти. Она взяла Мэнди и вместе с ней переехала в отель. Это был конец. Занавес. Он потерял то, что лелеял больше всего на свете. Он так и не смог оправиться от этой потери.

* * *

Примерно в то же время, когда Кит переезжал в свою коробку для яиц в Суррее (я думаю, что он выбрал это место отчасти потому, что неподалеку, в конце улицы, стоял паб), я продвигался на юг в поисках чего-то более традиционного. Мы с Хизер не особо рассчитывали купить дом, ведь денег у нас не было. Мы были довольно счастливы в своем коттедже в темном захолустье Беркшира. Но за спрос денег не берут, поэтому я прочесывал окрестности вместе с другом, который заправлял агентством по недвижимости. Он осматривал дома, и я вместе с ним. В одну прекрасную субботу поздней весной он отвез нас с Хизер в Сассекс. Мы проехали один знак «Продается» на повороте перед хозяйственными постройками. На некотором расстоянии за стеной виднелся дом, и Хизер спросила о нем. Мой друг пообещал посмотреть на обратном пути. Хитрый они народец, эти агенты по недвижимости.

Сперва мы осмотрели усадьбу Пэшли, дом в стиле Тюдоров, когда-то принадлежавший Генриху VIII, но мне не понравилась атмосфера. Если мне не нравится атмосфера, то пиши пропало. Я очень восприимчив к энергии того или иного места. Это трудно объяснить, но бывают места, из которых мне прямо-таки хочется поскорее убежать. Словно кто-то приглушил свет. В любом случае, я не собирался покупать усадьбу Пэшли, даже если бы мы могли себе это позволить, а мы не могли. Мы посмотрели пару других мест, а затем вернулись к дому на повороте с табличкой «Продается». Друг свернул с главной дороги, и перед нами предстал Холмсхерст[12].

Экскурсию по дому провел паренек, чьи родители развелись. В этом месте было что-то особенное. Дом был в хорошем состоянии, хотя ремонт тут давно не проводился. В коридоре стояла кромешная тьма, сырость, кухня оказалась ужасной, но это было не смертельно. Затем мы прошли в переднюю комнату, и передо мной открылся этот вид. Дом стоял на холме и смотрел на запад поверх долин и деревень Хай-Уилд Восточного Сассекса (местность Хай-Уилд входит в список «Исключительные по красоте природы области Великобритании». – *Прим. пер.*). Вид из окон этого дома простирался на многие мили и мили вокруг. Для такого простора даже наркотики ни к чему. Выглянув из окон в первый раз, я просто стоял с открытым ртом и понял, что должен здесь поселиться. Я подумал про себя: «С таким видом я в безопасности». Я спросил друга, сколько стоил дом, и он ответил: «39 500 фунтов стерлингов. Выгодная сделка. Но кто первый предложит деньги, того и недвижимость». Поэтому оставалось достать деньги, а как их вернуть, я придумал бы потом. Все, что мне нужно было сделать, это уговорить управляющего банком

пойти мне навстречу. Если все вокруг думали, что я миллионер, то почему бы и нет? Я пошел прямо в банк и смог получить кредит. Мое предложение по сделке поступило в понедельник, и к пяти вечера оно было принято. Вне себя от радости я позвонил Хизер, но, казалось, что она не была так уж счастлива. Я спросил ее, в чем дело, и она сказала: «Только представь, сколько там надо убираться». Ей трудно угодить.

26 июня 1971 года мы переехали в это место, ставшее нашим домом на всю оставшуюся жизнь. Первая неделя была замечательной. К нам приехала дорожная команда, каждый вечер мы устраивали вечеринки. Наш дом превратился в шикарную ночлежку для хиппи, и это было здорово. Холмсхерст – это особенный дом, и здесь я решил бросить якорь. Он был построен для пуритан, в нем нет никаких изысков. Это простое, практичное место, которое мне подходит. Я не пуританин, но люблю работать и ценю практичность. Холмсхерст стал воплощением моих желаний. Но Хизер была права, нам предстояло очень много уборки.

Несколько дней спустя суд вынес решение о расторжении моего первого брака, и уже в следующем месяце мы с Хизер «завязали узелок» в загсе. Мы обошлись без свадебных торжеств. В этом не было необходимости, потому что мы отыграли свадьбу год назад. Мы планировали пожениться летом 1970 года. Была организована шикарная свадьба с кучей гостей. Были приглашены все группы, все шишки из музыкальной индустрии и большая часть деревни. Мы даже заставили Ахмета Эртегуна, президента Atlantic Records, надеть новенькие резиновые сапоги и дотопать до поля в три акра в Беркшире. Это было грандиозное событие. Поле принадлежало мисс Гвендолин Тейлор, очень респектабельной женщине из деревни, но им пользовался Эрик Гуди, крупный и пышный персонаж – вылитый Уилкинс Микобер[13], с розовыми щеками и светло-голубыми глазами, которые дьявольски мерцали из-под его плоской твидовой кепки.

Впервые я встретил Эрика, когда он появился у нашего порога примерно через месяц после нашего переезда в коттедж. На нем были белая рубашка, ярко-красный жилет и большие коричневые сапоги. «Я приехал, чтобы увидеть настоящего Роджера Долтри, – заявил он. Видимо, в деревне я был не единственным молодым человеком с длинными вьющимися волосами. – Мне уже попался самозванец, и теперь я здесь, чтобы встретиться с настоящим Долтри». Акцент Эрика выдавал в нем выходца из южного графства Беркшир, и говорил он так, словно все еще жил в викторианскую эпоху. Мы сразу же подружились, и он пригласил меня к себе во двор показать, чем зарабатывает на

жизнь. То еще было местечко. В большом крытом сельскохозяйственном сарае у него были цыганские караваны, шарманки, паровые двигатели и другие диковинки. На видном месте стоял лондонский автобус 1911 года с открытым верхом и лестницей сзади.

По моему мнению, Эрик и его брат Гарольд были первыми торговцами металлоломом, которые набрались смелости, чтобы постучать в двери величественных домов Англии и спросить, есть ли у хозяев хлам, от которого они хотели бы избавиться. В результате братья собрали одну из крупнейших коллекций повозок и викторианских артефактов в стране. При съемке исторических фильмов Эрик всегда был нарасхват в качестве кучера. Свою трудовую деятельность он начал десятилетиями раньше, гоняя почтовую повозку между Рединго́м и Лондоном, поэтому его профессионализм не подлежал сомнению. Помимо всего прочего он был идеальным человеком, чтобы помочь организовать вечеринку. Благодаря Эрику и Гвен мы устроили свадьбу века. В центре поля красовалась большая старомодная цирковая палатка. По периметру были расставлены наполовину отреставрированные транспортные средства Эрика. У нас были свиньи и цыплята на вертеле, угри в желе, ярмарочные палатки, игровые площадки и чудесные звуки шарманок. Вместо сцены был автоприцеп с сеном, а за музыку отвечала группа Bob Kerr's Whoopee Band. У нас было все. Недоставало лишь одной вещи – документа, который подтверждал расторжение моего предыдущего брака. У нас не было выбора, кроме как отменить настоящую церемонию в загсе.

Было слишком поздно отменять вечеринку, поэтому Хизер и я решили сделать вид, будто поженились. На протяжении вечеринки нас то и дело спрашивали, как прошла церемония, и мы отвечали, что все было мило.

Проснувшись рядом со своей прекрасной «невестой» на следующее утро, я совершенно справедливо заметил что, коли мы закатили грандиозную свадебную вечеринку и все думают, что мы женаты, то зачем нам париться?

– Ах ты, Мик Джаггер, – сказала она.

Как только она это сказала, я подумал, что нам и правда лучше пожениться. Хотя я был с ней честен. Если это всерьез и надолго, то особенности моего бизнеса не должны были затронуть наш брак. Я понимал реальное положение дел. Жизнь в дороге, месяц за месяцем, может быть весьма одинокой без женской компании. Будучи одной из крупнейших рок-групп, мы проводили в турне по пять-шесть месяцев кряду. Вернуться домой и сказать жене, что я все это время вел себя хорошо, было бы

ложью. Сексуальная измена никогда не должна быть причиной развода, ведь для мужчины это по большей части просто животный позыв, если только, конечно, речь идет не о любви. Отношения, основанные только на сексе, – это безумие. Люди, не узнав друг друга как следует, женятся и сразу начинают пытаться изменить партнера. Если же вы с самого начала действительно любите друг друга, то можете быть самими собой на протяжении всего жизненного пути. Иначе зачем вообще жениться?

Итак, мы отыграли свадьбу, а через год поженились по-настоящему. Исходя из личного опыта, могу сказать, что подавляющее большинство браков длятся недолго, но после всех этих лет мы все еще вместе, и я никогда не сожалел об этом. Ни единого раза. Может быть, Хизер время от времени и сожалела, но я – нет. Мне очень, очень повезло встретиться с ней в ту ночь в Speakeasy. Что можно сказать наверняка, так это то, что мы в нужное время перебрались в Сассекс. Теперь у меня был этот потрясающий вид на поля и жена, своя жизнь вдали от группы.

Что касается Пита, то у него тоже появилась семья, но он находился под давлением. Он был творцом и написал *Tommy*. Что же ему предпринять теперь?

Глава 11. Who's Next

У Пита возникла идея о *Lifehouse* – альбоме и фильме. С музыкальной точки зрения концепция была удивительной, но она оказалась настолько необычной, что ее было довольно сложно понять. В обозримом будущем загрязнение достигло такого катастрофического уровня, что городское население вынуждено жить в закрытых помещениях, нося при этом специальные костюмы для ощущений. Они позволяют искусственно стимулировать чувства, поскольку люди отрезаны от своей природной среды. Что ж, эту часть Пит предсказал верно, не так ли? Все остальные прозябают в нищете на полях. Костюмы связаны с Сетью, которая обеспечивает людей пищей и развлечениями через трубки. Люди в костюмах могут испытать тысячи переживаний в день, и это здорово, но в этом мире было один жирный минус – там не было рок-н-ролла. И тут на сцену выходит бунтарь по имени Бобби, который взламывает Сеть. Он преобразует личные данные каждого человека в музыкальные ноты, которые им же и воспроизводит. Музыка сходится к одной ноте. И эта нота дарит людям освобождение. Все они исчезают в Нирване. Конец.

Это и сегодня звучит претенциозно. Можете себе представить, как это звучало в 1971 году? И на словах все было не особо-то ясно. Придумывая историю, Пит никогда не вдавался в детали, что хорошо, если вы пишете рок-музыку, но не годится, если речь идет о фильме. *Lifehouse* запутывал. Полная неразбериха. Я предложил превратить идею в настоящий сценарий, но это оказалось непосильным трудом. Я понимал, что пытался сказать Пит. Когда нам открывается смысл всего, когда мы находим высшее существо, мы понимаем, что все это – музыкальная нота. Я это понял. Но как, скажите на милость, снять об этом кино? Как можно снять фильм о том, чего нет? Каждый раз, когда мы обсуждали это, речь всегда заходила о фильме, и мы просто ходили вокруг да около. Мы собирались за столом в офисе Track Records, у меня дома, у Пита дома. Кит Ламберт и Крис тоже присутствовали, и это продолжалось часами. Кит Мун и Джон начинали пить, чтобы хоть как-то скоротать время. В один особенно долгий вечер Кит снял с себя одежду, встал на голову и вывалил свои причиндалы на стол.

Я старался быть более конструктивным. Я все твердил: «В фильме будут песни. Давайте работать над песнями». Но Пит хотел работать над всем и сразу. Это был единый проект – фильм и альбом, полное мультимедийное погружение. А мы были просто

слишком недалекими, чтобы это понять. Я и раньше это говорил без малейшего намека на вражду, но разговаривать с Питом – все равно что гулять по минному полю в клоунских туфлях и с завязанными глазами. Стоит ему зациклиться на чем-то, чего не понимают другие люди, его характер приобретает ужасающие черты. Его разочарование иногда выливается в злобу. В его характере есть прекрасная добрая сторона – и это та сторона, которую окружающие видят чаще всего. Но есть и другая, темная, которая может проявиться неожиданно. Пит подобен скорпиону с добрым сердцем. Неважно, насколько мило складывается разговор, вы постоянно остерегаетесь жала на хвосте.

Возможно, было бы легче, если бы мы отправились с этой идеей в студию, чтобы воплотить ее в жизнь. В задумках Пита всегда сокрыто зерно разума, и мы помогли бы до него докопаться. Мы бы все проработали. Но Пит просто не мог этого сделать и единолично взвалил на себя всю ответственность за наш следующий хит. Часы перетекали в месяцы. Мы провели несколько экспериментальных шоу перед студентами в театре «Янг-Вик». План Пита состоял в том, чтобы привлечь аудиторию к участию. Во главе *Lifehouse* будет опыт вовлечения. Четырехмерное шоу. Пит сказал, что видел концерты The Who, где вибрации были настолько чистыми, что ему показалось, будто мир остановился и мы все улетели в единую нирвану. Он хотел воссоздать это.

Я не знаю, возможно ли добиться этого без аудитории. Полагаю, в абсолютно пустой комнате будет сложнее. Во время концерта ты передаешь энергию, и если некому ее принять, то, вероятно, ничего не выйдет. Но для некоторых вещей вам не нужна аудитория. Пит раздражался, если с аудиторией, по его мнению, было что-то не так. Если в зале было много представителей записывающей компании, или на переднем ряду сидели те же самые люди, что и вчера, или что-нибудь еще. Меня же это не заботило. Мне было до лампочки. Я направляю голос в заднюю часть зала. Передо мной масса лиц, и все. Музыка увлекает меня куда-то, и мне становится все равно. Будешь беспокоиться о зрителях – тут же начнешь лажать. Я вижу это на примере футболистов: когда они начинают слишком стараться и играть на публику, то никогда не достигают цели. Но когда они расслабляются и плывут по течению, у них все в порядке. То же самое и на сцене.

Но дело в том, что это не какая-то осязаемая вещь, которую можно создать, взаимодействуя с аудиторией. Стоит разобраться в том, как это работает, и все встанет на свои места. В 1976 году, когда мы во второй раз выступали на футбольном стадионе

«Чарльтон Атлетик», мы сделали все правильно. Предполагалось, что на концерт придет семьдесят тысяч человек, но число зрителей достигло ста двадцати тысяч и они просто снесли ворота. Весь день лил дождь, и к тому времени, как мы вышли на сцену, все еще моросило. Выбежав на сцену, я поскользнулся и проехался от края до края. «Добро пожаловать на шоу The Who на льду», – объявил я, снимая ботинки и носки. Ты очень быстро понимаешь, что единственный способ наладить контакт с промокшей до нитки публикой – это промокнуть самому. Гитаристу это сделать сложнее, но Пит справился. Ну а потом мы просто взялись за дело. От аудитории пошла ответная реакция, чувствовалось, что все шоу перешло на другой уровень. А потом на еще один уровень выше. И еще. И так без конца. Такие своеобразные симбиотические отношения между нами и толпой. Такое невозможно повторить специально, даже если очень сильно постараться.

Именно тогда мы впервые применили три больших аргоновых лазера. Здоровенные и очень мощные штуки. Единственным способом охладить их, чтобы они не взорвались, было подключить их к пожарному гидранту. Луч каждого лазера проходил через призму, которая образовывала над аудиторией обложку альбома *Tommy* из зеленого света. Затем свет медленно спускался на толпу, и зрители испытывали ощущение, словно их поднимали вверх сквозь светящуюся крышу. Все это сочеталось с музыкой и уносило за грань сознания. Публика чувствовала нашу энергию, а мы чувствовали ее. Поэтому не имеет значения, с какой аудиторией ты имеешь дело, – важно, что она есть и что мы вместе создаем энергию. Но Пита было не остановить. Он заставил нас всех приехать в «Янг-Вик», чтобы мы поработали с аудиторией. Мы лишь кивнули ему, сродни тому, как обычно от греха подальше соглашаются с сумасшедшим человеком, и отнеслись к этой затее как к открытой репетиции. Все это было весьма странно.

Пока мы ждали того момента, когда мысли Пита сформулируются, деформулируются и переформулируются во что-нибудь внятное, Track Records выпустили наш первый концертный альбом. Предполагалось, что *Live at Leeds* станет нашим эталонным выступлением. В «The New York Times» его назвали «бескомпромиссным хард-рок-холокостом». Я не разделял их восторгов. Мы записали шоу в университете Лидса в День святого Валентина 1970 года, и во время концерта я просто не мог себя слышать, что частенько случалось и до этого. Джон играл слишком громко, Мун вообще никогда не был тихоней, ну а Пит выкручивал ручку громкости, чтобы не отставать от

остальных. В Лидсе они все были чересчур громкими. Я должен был подстраиваться под звук, отраженный от аудитории, и единственной возможностью услышать себя было перенапрячь голосовые связки. Я всегда контролировал применение этого приема, и тогда в Лидсе я им воспользовался. Досадно, что на протяжении последних сорока семи лет именно эта пластинка носит статус «эталонного альбома».

Следующее шоу получилось более эталонным. Мы выступили с этой же программой в Халле, и на сей раз звуковой баланс стал лучше. Я мог слышать себя. Пару лет назад этот концерт вышел на пластинке, и мне кажется, что он получился удачнее, чем *Live at Leeds*. Может быть, я просто слишком чувствителен. Уверен, с вами бы еще не такое случилось, если бы вам пришлось стоять перед усилителями Энтвисла в течение долгих лет. Джон был гениальным басистом, но он не мог контролировать свое эго и всегда переигрывал. Даже Пит, которого тоже не назовешь тихоней, когда дело доходило до громкости, нередко жаловался на Джона. Мы неоднократно проводили с ним серьезный разговор на эту тему. В 1990-х мы гастролировали с *Quadrophenia*, и в песне «5.15» я вставил соло, чтобы сместить центр внимания на Джона. Он очень редко оказывался в центре внимания, и это было чревато. На протяжении всего существования в группе остальные участники грелись в славе, пока он стоял на сцене, перебирая струны. Даже самого уравновешенного эго в мире надолго не хватило бы. Я прекрасно это понимал, поэтому вставил это соло и прочитал Джону нотацию, которую зачитывал ему уже сто раз.

– Должен сказать тебе, Джон, что вся соль в драме. Если ты будешь греметь на одной громкости от начала до конца, то ничего не изменится, когда ты дойдешь до своего соло. Аудитория лишь поймет, что кто-то из ответственных за освещение почему-то направил на тебя прожектор.

– Да, Роджер, – пробормотал он.

– Джон, тебе не нужно играть на той громкости, что исполняют соло, на протяжении всего проклятого шоу. Пока я пою, играй так, чтобы мне не приходилось тебя перекрикивать. Когда наступит момент твоего соло – флаг тебе в руки. Тебе предоставлено пространство для этого.

– Хорошо, Роджер.

– И, ради Христа, когда закончишь свое соло, не забудь обратно убавить звук.

Наступило время шоу, и чудесным образом Джон начал играть, если не тихо, то уж точно не оглушительно. Был слышен вокал, было слышно все. А потом мы добрались до «5.15» и большого соло на басу. Громкость взмыла вверх, а вместе с ней и

наш Бык. Ничего себе! Вот это контраст! Просто загляденье! За исключением того, что остальную часть концерта он с кривой улыбкой на лице держал громкость почти на максимуме.

Просто для смеха (или в качестве мести за многие годы оглушительного звука) я заставил Джона играть с The Chieftains, самой тихой группой в мире, на вечеринке в честь своего пятидесятилетия в Карнеги-холле в феврале 1994 года. Мы исполняли «Behind Blue Eyes». Поищите эту запись в Интернете. Поверьте, стоит посмотреть, как Джон играет вместе с группой, которую можно заглушить, даже если просто слишком громко топнуть ногой. Прелестно. До сих пор улыбаюсь, вспоминая тот концерт.

Эго… Сколько же от него проблем. Это и жизненно важный компонент рок-группы, и, одновременно с этим, смертельный яд. Думаю, я поднялся выше всего этого, когда остальные участники группы устроили мне бойкот. Звучит эгоистично, не правда ли? Но мне удалось подняться над этим во многом благодаря роли фронтмена: я получал свою долю внимания. Но эго может доставить неприятности и усилить трения, и далеко не всегда это выражается в том, что парни просто выкручивают громкость на своих усилителях.

Я начал крутить микрофон не для того, чтобы потешить эго, а потому, что не знал, чем занять руки во время соло. Первые скромные попытки были предприняты во время нашего совместного турне с Herman's Hermits, когда мы начали включать мини-оперу в программу. У нас был один длинный, несколько затянутый музыкальный фрагмент, и я просто чувствовал, что его необходимо оживить. Во время него я торчал посреди сцены с микрофоном в руках. Это довольно скучная поза. Не так уж много движений можно сделать с одной свободной рукой, а до Мика Джаггера в танцевальном мастерстве мне явно было далеко. Итак, в сольных частях я попытался немного покрутить микрофоном. В течение следующих нескольких месяцев мой трюк набирал обороты. И тогда Пит начал прыгать. Я начал больше вертеть микрофоном, а он в ответ начал еще больше прыгать. Джон стоял на месте как статуя, а Кит и так всегда молотил от души, но мы с Питом ввязались в своего рода «гонку танцевальных вооружений». Все это не было постановкой – нас вела музыка. И, возможно, наши эго. У меня не всегда получается поймать микрофон. В шестидесятые годы у меня была отличная хватка, но сейчас зрение уже не такое острое и время от времени случаются осечки. Когда я промахиваюсь, микрофон бьет меня по ноге или по яйцам. Чертовски больно, но это, безусловно, помогает мне брать высокие ноты.

Только однажды я специально огрел им человека – это был парень на концерте Чака Берри, и он это заслужил. Все случаи неумышленного насилия были вызваны неисправностью оборудования. Несколько раз микрофон терялся из виду, и это было страшновато. Он просто исчезал. Должно быть, он улетал довольно далеко, и, если бы он приземлился кому-нибудь на голову, это было бы весьма неприятно. Постарайтесь не думать об этом в следующий раз, когда вы окажетесь в первых рядах на одном из наших шоу.

Я никогда не тренировался. Я делал несколько взмахов микрофоном перед шоу, чтобы дать руке привыкнуть, поскольку эта штука весит фунт или около того, раскачивал его, чтобы понять, сколько сил нужно приложить. Вдобавок я должен был подсознательно ощущать расположение людей на сцене. Мне нужно знать мою зону безопасности. Бедный Пино Палладино, наш басист последние черт знает сколько лет… Сначала он был в ужасе от моего трюка, теперь же он спокоен, потому что знает, что это безопасно. Он может стоять на сцене, почти не вздрагивая.

Я уверен, что поначалу они все нервничали, но через некоторое время мне стали доверять. Во всяком случае Пит. И здесь следует отметить, что я никогда не бил Пита микрофоном. У меня еще есть время для этого, но это лишь доказывает, что он никогда не выводил меня из себя. Было бы относительно легко разделаться с ним за все те долгие месяцы дискуссий вокруг *Lifehouse* или за любое другое время, когда мы ссорились. Быстрый взмах по периферии и – бац. Нокаут. Но у меня этого и в мыслях никогда не было.

* * *

В конце концов, грандиозный проект *Lifehouse*, наш следующий *Tommy*, потерпел фиаско, и вместо него мы записали *Who's Next*. Мне нравится этот альбом. Он хорош по той причине, что Пит выдал нам песни за несколько месяцев до того, как мы пошли в студию. Как я говорил, он всегда был щедрым, когда мы оказывались в студии. Он позволял нам проработать материал, развивать идеи из его демозаписей, но из-за его привычки никогда не вдаваться в детали, а также из-за стиля работы в студии он никогда не давал нам времени на треки заранее. Я полагаю, что это ему передалось от семьи. Его отец, Клифф, был саксофонистом в танцевальной группе Королевских военно-воздушных сил The Squadronaires. Его мама, неукротимая Бетти,

была певицей в оркестре Сидни Торча. Они вели жизнь странствующих рабочих музыкантов, когда тебе говорят, что играть, и ты сразу же это играешь.

Рок-группа так не работает. Рок-группа сперва должна переварить музыку, попробовать ее так и этак, и, еще до того, как вы дойдете до этого момента, самое важное, чтобы все знали эту песню. Вы должны знать ее достаточно долго, чтобы не думать о ней. Вы должны срастись с ней, пока голова не отключится, уступив штурвал сердцу. Мы никогда этого не делали, и я подозреваю, что именно поэтому мы всегда мучились в студии. Вот песня об этом и о том. А теперь погнали, парни. Мне это казалось очень-очень тяжело.

С *Who's Next* у нас было время отрепетировать материал за пределами студии. За четыре недели мы обкатали его на сцене. Мы дали несколько концертов на севере. Затем мы поехали в Нью-Йорк и сделали несколько записей с Китом Ламбертом. Я остался доволен результатом, но из-за того, что отношения Пита с Китом начали портиться, он просто забраковал весь материал. Мы вернулись в Англию и начали с нуля. К тому времени мы полностью освоились с новыми песнями. И это прекрасно слышно на записи. Тайминг, чувства – все на своем месте. Возьмем «Won't Get Fooled Again». Это просто блестящая песня с гениальным текстом.

We'll be fighting in the streets
With our children at our feet
And the morals that they worship will be gone
And the men who spurred us on
Sit in judgement of all wrong
They decide and the shotgun sings the song.

Мы будем сражаться на улицах,
С нашими детьми у наших ног,
И мораль, которой они поклоняются, исчезнет,
И люди, которые нас подстрекают,
Вершат несправедливый суд.
Они выносят решение, и дробовик поет песню.

Заварушка во Вьетнаме была в самом разгаре. Всего одно поколение успело появиться со времен войны наших родителей, и вот все повторилось. В этой песне было все, и она заставляла слушателя остановиться и задуматься. Она заставила меня остановиться и задуматься. Мы записали ее в Старгрувс,

готическом загородном доме Мика Джаггера в Хэмпшире. Это был большой старый дом с внушительным залом и высокими потолками. Именно там я и записывал вокальную партию. Я слушал демо Пита, и в тот момент, когда вокал возобновлялся после барабанного риффа, он выдал это вялое, джазовое, лощеное «дааа». Да брось, чувак. Я знал эту песню. Я знал, что в ней бушевала ярость. Настоящая дьявольская ярость. Я почувствовал ее, поэтому из меня вырвался этот дикий яростный крик. Он шел от сердца, а не от головы. Все остальные обедали на кухне, когда услышали этот ужасающий вопль. Остальная часть группы, должно быть, подумала, что я умер. Кит просунул голову в дверь, чтобы проверить, все ли у меня в порядке.

Со мной все было в порядке, а запись получилась просто отличная. Мы были в хорошей форме. Затем наш бухгалтер созвал совещание. Он сказал, что у нас выдался фантастический год. Только такие новости и хочешь слышать от своего бухгалтера. Мы отыграли все эти концерты, мы сделали *Who's Next* и *Live at Leeds* и заработали кучу денег. И он был рад сообщить нам, что наши долги составляли «всего лишь» шестьсот тысяч фунтов стерлингов. Если в 1969 году люди думали, что мы были миллионерами, то теперь они, должно быть, предполагали, что мы стали мультимиллионерами. Но мы все равно тратили деньги быстрее, чем могли их заработать. Эти суммы не были нашими расходами на проживание. Джон жил на Поупс-Лейн в Актоне, я до того лета проживал в доме с двумя гостиными и двумя спальнями. Все деньги уходили на гастроли. А еще, как мы узнали через несколько лет, они уходили в карман Киту Ламберту и Киту Муну. «Бесприбыльное процветание» – так описал эту ситуацию Крис Стэмп. Чья бы корова мычала: он-то, безусловно, получал прибыль. Но было очевидно, что чем больше мы гастролировали, тем сильнее увеличивалась сумма долгов. Поэтому мы решили остановиться.

* * *

Отпахав черт знает сколько лет с The Who, мы сделали первый перерыв в 1972 году. Шестимесячный творческий отпуск от всего этого рок-н-ролльного цирка. Было даже приятно залечь на дно. Товарищи по группе получили возможность разобраться со своими мыслями. Вы тесно связаны, иначе просто быть не может, но через долгие гастрольные месяцы нервы у всех уже взвинчены до предела. С возрастом, правда, становится легче. Сейчас все проходит очень спокойно: царит дружеская атмосфера,

и мне это нравится, но тот перерыв в 1972 году принес огромное облегчение.

Я знаю, о чем вы думаете. Шесть месяцев досуга. Беспечная рок-звезда бездельничает в своей милой старой усадьбе со своей молодой красавицей-женой. Я уже говорил вам, что ненавижу ничего не делать. Какой смысл в жизни, если ты ничего не делаешь?

Первая неделя: зачистка деревянных балок от черных пятен, которыми их покрыли викторианцы.

Вторая неделя: зачистка балок.

Третья и четвертая неделя: зачистка балок.

Пятая неделя: надоело чистить балки, поэтому я построил себе домашнюю студию.

Шестая неделя: я дурачился в студии, когда позвонил Адам Фэйт. Он сказал, что ищет место для записи нового певца по имени Лео Сейер, поэтому я пригласил их к себе. Я всегда доверял Адаму как брату, а значит, он неспроста увидел в Лео что-то необычное. Это был потрясающий певец, абсолютный уникум. Но это ничего не значило, поскольку они не могли добиться для него хорошего контракта.

Соавтором песен Лео был Дэйв Кортни. Я предложил им написать для меня несколько песен. Тогда я бы выпустил сольную пластинку, чтобы привлечь внимание, и это могло бы помочь Лео заключить сделку. Единственное условие – это должно отличаться от песен The Who. Лео согласился и исчез. Честно говоря, я понятия не имел, что из этого получится. На следующей неделе, как раз тогда, когда я собирался с силами, чтобы в очередной раз пойти чистить балки, Лео и Дейв появились у меня с десятью песнями. Вот так, ни с того ни с сего. Мне предстоял выбор между балками и музыкой, поэтому мы сразу же начали записывать. Альбом *Daltrey* был выпущен весной 1973 года и продавался лучше, чем любой из более ранних синглов The Who. Однажды уровень его продаж достиг сорока тысяч копий в день. Однако с музыкальной точки зрения это была совершенно иная работа, и я осознанно пошел на этот шаг.

Сольные альбомы Джона и Пита были намного ближе к звучанию The Who, но я трезво расставил свои приоритеты. К сожалению, Кит и Крис вместе со звукозаписывающей компанией не разделяли моей позиции. Позже я узнал, что они сознательно сдерживали запуск продаж в Америке. Они волновались, что в случае успеха я оставлю The Who, а в то время The Who были их самым большим проектом. Мне было все равно. Мне постоянно говорили, что я должен уйти в сольную карьеру, но я не хотел быть сольным певцом. Я не хотел становиться вторым Родом

Стюартом. Иногда я оглядываюсь назад и думаю, что должен был пуститься в сольное плавание. Но эта мысль никогда не казались мне правильной. Я был частью этой волшебной группы. Хоть это и не была самая популярная группа в мире, но то, что мы делали, казалось важным. Я получал удовлетворение от нашей работы.

Мы с Питом никогда не говорили о моем сольном альбоме, но я уверен, что он считал его сентиментальным дерьмом. Я знаю, что Джон считал мой альбом дерьмовым, потому что, когда его начали крутить по радио, он презрительно фыркнул. Не отставал от них и Кит. Мой двоюродный брат, фотограф Грэм Хьюз, сфотографировал меня с ореолом локонов, применив эффект мягкого фокуса, чтобы добиться ангельского вида. Я думал, что это вписывается в атмосферу *Tommy*, поэтому использовал эту фотографию для обложки альбома *Daltrey*. Затем этот снимок появился в журнале для подростков в виде двухстраничного разворота «пин-ап месяца». На следующее утро я получил письмо от Кита. Он вырвал мою фотографию из журнала и изрисовал мое лицо шариковой ручкой, оставив надпись: «Гадость». Это была своеобразная рецензия от него. Думаете, меня это заботило? Конечно же, нет. Я знал, что они возненавидят этот альбом. В этом был весь смысл. Чтобы сделать альбом, который бы понравился Джону, это должен быть какой-нибудь депрессивный дэт-метал. Меня бы тошнило от этой пластинки, зато он остался бы в восторге.

Единственным, что меня разозлило во всей этой истории, была реакция Кита и Криса. Они заведовали Track Records, но в первую очередь они были нашими менеджерами, моими менеджерами. И когда я отнес им запись, они просто разгромили ее в пух и прах, после чего у нас состоялся знатный спор в подвале Track Records. Они сказали, что мой альбом слишком мягкий, слишком нежный. Я возразил, что в этом и был весь смысл. Я не хотел отнимать хлеб у The Who. Мне хотелось сделать что-нибудь, что могло раскрыть меня с новой стороны. Не желая ничего слушать, они заявили, что это мусор.

Я расстроился и вышел из себя прямо там, в офисе. Успокоившись, я понял то, что должен был понять давным-давно: в глубине души они не отстаивали мои интересы. Все, чего они хотели, – это защитить свою курицу, которая несет им золотые яйца. После этого разговора я понял, что больше никогда не позволю им быть моими менеджерами. Как пелось в одной песне: «Спокойной ночи, Вена»[14]. После этого я передал бразды правления Биллу Карбишли.

Глава 12. Под новым руководством

За несколько недель до скандала я заметил в офисе одного парня. Это был большой высокий парень с бородой и короткими прямыми и черными волосами (скоро вы поймете, почему это важно), и я поладил с ним. Между нами возникла симпатия, поэтому я спросил Майка Шоу, нашего продакшн-менеджера, что это за парень.

– Это Билл, – сказал он. – Один из наших старых друзей.

– Откуда он родом, Майк?

– Он из Кеннинг-Тауна.

– Мне он нравится. Я думаю сделать его своим менеджером.

– О лучшем менеджере и мечтать нельзя.

– Не расскажешь его историю? – спросил я.

– Только это между нами, – сказал Майк, – но каждую ночь ему приходится возвращаться в тюрьму Пентонвиль. Он находится под стражей по решению Ее Величества.

Во всех биографических очерках и интервью, которые дал Билл Карбишли за эти годы, обязательно присутствует рассказ о семи годах службы в торговом флоте. Но Билл, человек, который стал моим менеджером в 1972 году, никогда не служил в торговом флоте, зато он побывал в тюрьме. Военно-морской флот был просто прикрытием, чтобы защитить его детей. Когда они повзрослели, он рассказал им правду. И теперь я тоже могу рассказать вам ее.

Билл родился в Форест-Гейте, а вырос в Кеннинг-Тауне. Он был старшим из шести детей, и его мама отправила его в школу на год раньше, чтобы она могла выйти на работу. Как и я, он ходил в гимназию – умный малый, который прошел программу на год раньше, чем все остальные. Как и у меня, у него не было привилегированного статуса, каким могли похвастаться другие дети в школе. Во время войны его отец был инженером морской пехоты Королевского флота и занимался ремонтом подводных лодок на Цейлоне. За каждую исправленную лодку он получал бутылку рома в благодарность.

По возвращении он начал работать в доках и все чаще прикладывался к бутылке. Денег не хватало, а послевоенные забастовки докеров вплотную подтолкнули семью к черте бедности. По субботам Билл гулял с детской коляской и воровал уголь в пекарне, чтобы согреть свою семью. «Это был первый шаг к восстанию, – сказал он. – К тому времени, как мне исполнилось одиннадцать, я знал, что выбраться отсюда можно только с боем. И если это значило пойти на преступление – это было

справедливо». Преступление, за которое был обвинен Билл, было ограблением банковского фургона в Эрите, штат Кент, в 1963 году. В то время это было одно из крупнейших ограблений бронированных грузовиков в Англии, но Билл был совершенно ни при чем. Весь преступный мир Ист-Энда знал, кто это сделал, но они держали язык за зубами, как и Билл. К сожалению, у сержанта-следователя была к нему личная неприязнь (еще одна история, связанная с поддельными банкнотами и потасовкой в пабе), так что на Билла все равно повесили обвинения.

На суде показания против Билла были неубедительными. Копы утверждали, что он был связан с одним из предполагаемых членов банды. У них был свидетель, который утверждал, что видел кого-то похожего на Билла за рулем машины, а еще они вызвали полицейского в форме, который описал пятифутового человека с густыми вьющимися волосами, бегущего от фургона к автомобилю. Билл был выше шести футов ростом, и он был модом, то есть его волосы были очень короткими и без завитков. Но подытоживая, судья Тесайджер сказал: «Господа присяжные заседатели, примите во внимание, что во время побега Карбишли мог пригнуться, и со стороны казалось бы, что он меньше, чем на самом деле, а волосы, развевающиеся на ветру, могли показаться вьющимися и густыми». Неслыханная манипуляция присяжными.

Билл был признан виновным и отправлен в тюрьму Дарема, в один блок с Великими грабителями поездов (Великое ограбление поезда – ограбление почтового поезда, произошедшее в 1963 году, в ходе которого банда из пятнадцати человек напала на поезд почтовой службы и похитила из него сто двадцать мешков с денежными купюрами. – *Прим. пер.*). Этим все могло и закончиться – если ты заигрываешь с криминалом и в молодости попадаешь за решетку, то бывает уже невозможно выкарабкаться. Но Билл провел большую часть времени в одиночной камере. Он не переставал учиться, получил школьный аттестат, прошел курсы и не высовывался. Через несколько лет его перевели в Лестер. А потом Реджи Крэй (один из братьев-близнецов Крэй, сооснователь знаменитой лондонской банды 1950-х годов. – *Прим. пер.*) поговорил со своим губернатором и сказал, что Билла подставили, и этот губернатор отправил Билла в тюрьму Уормвуд-Скрабс. Билл вернулся в Лондон, все еще настаивая на своей невиновности. В конце концов, его история оказалась на первой полосе «Sunday Mirror». «Эти двое невиновны?» – гласил заголовок, за которым последовал рассказ о том, как Билл и другой предполагаемый грабитель, Билли Стакл, были обвинены ошибочно.

Как по волшебству, через несколько дней после Рождества

1970 года Билла вызвали на комиссию по условно-досрочному освобождению. Они сообщили ему: «Мы планируем отпустить тебя на три-четыре месяца из Пентонвиля. Поработаешь на испытательном сроке, а затем будешь условно-досрочно освобожден». Он спросил: «Почему?» Они ответили: «Ну, нам кажется, что ты хорошая кандидатура для условно-досрочного освобождения». «Нет, нет, – сказал Билл. – Вы, мать вашу, знаете, что я невиновен». Против собственной воли Билл был освобожден, и так закончилась его служба в «торговом флоте». Вскоре на волю вышел и Билли Стакл, но он умер через несколько месяцев после освобождения. «По моему мнению, именно тюрьма убила его», – говорит Билл. И без того, должно быть, тяжко отбывать срок, когда вы знаете, что сидите за дело. А как чувствует себя невиновный человек? Билл выжил, но шестидесятые прошли мимо него. Он провел семь лет каторжных работ в одиночной камере, а затем был освобожден без всяких извинений. Он позвонил Майку Шоу, одному из его самых давних друзей из Кеннинг-Тауна, и на следующий день уже получил работу в Track Records.

Это был счастливый случай как для него, так и для меня. Спустя несколько месяцев после знакомства с Биллом я выяснил отношения с Китом и Крисом в подвале Track Records и решил, что мне нужен новый менеджер. Билл уже пытался изменить их отношение к моему сольному материалу. Он сказал им: «Если мы будем работать над его альбомом и он добьется успеха, это будет лучшее, что мы можем сделать для него и для нас. У него будет уверенность в себе, он обретет себя. Нужно, чтобы он чувствовал себя никому ни в чем не уступающим». Как он потом вспоминает: «Эти засранцы высмеяли меня. Они сказали, мол, на тебе чертов флаг в руки, если хочешь сделать это». Поэтому Билл сказал: «Хорошо, я покажу вам».

С той минуты, как я сделал его своим менеджером, я начал зарабатывать как никогда раньше. Это все его заслуга, потому что к моменту его прихода Кит и Крис уже вышли из-под контроля. На самом деле конец мог наступить раньше, если бы Билл так быстро не вник во все тонкости. У него не было выбора. Никто больше ничем не управлял, царил беспорядок. Я не часто заходил в Track Records, но, по словам Билла, Кит и Крис относились к компании как к своему личному банкомату. Кит приходил к обеду, брал все наличные в сейфе, и, если этого было недостаточно, он сам себе выписывал чек, а затем уходил по делам.

Все было рассчитано так, что Track Records делили прибыль лейбла напополам с PolyGram. Это было хитрый шаг. Они

управляли группами, отправляли их в турне, продюсировали альбомы и выпускали их. Они делали деньги на каждом этапе. Но они также контролировали авторские гонорары, которые составляли пятнадцать процентов от розничной торговли. Когда они начали подписывать контракты с другими артистами – Марком Боланом, Джими Хендриксом, Артуром Брауном, группой Thunderclap Newman, – все их гонорары были переведены на отдельный счет в Mammoth Records. Время от времени они давали немного денег Джими и остальным, но большую часть всегда сохраняли себе. И половина прибыли поступала от сделок с PolyGram. Как я уже говорил, предполагалось, что мы были партнерами. Кит и Крис пообещали четверым из нас по десять процентов от Track Records. У меня все еще сохранилось это письмо. Его пожевала моя собака, но я сохранил его в качестве напоминания. Это была целая гора денег, но никто из нас не увидел и копейки.

Между тем, у Кита был дворец XV века прямо на венецианском Гранд-канале. Сам я там никогда не был, но мне говорили, что это очень красивое здание. Этот дворец рисовал Моне, Раскин проявлял живой интерес к его инкрустированным круглым окошечкам. Он принадлежал графиням, дипломатам и венецианским королевским особам. А потом Киту Ламберту. Вдобавок у Кита и Криса были шикарные дома в Найтсбридже.

В начале семидесятых Кит и Крис стали наркоманами. Люди, страдающие от героиновой зависимости, постоянно беспокоятся о том, как бы не кончились деньги. Поэтому они заключали сделки с промоутерами, по которым те получали меньшую сумму аванса, а не справедливую долю от общей прибыли в конце. Как и полагается наркоманам, они просто хотели получить в свои руки наличные. Разумеется, они не говорили при этом: «Мы собираемся украсть эти деньги». Я уверен, что они убеждали себя, что только берут взаймы, но по сути это было одно и то же. Эти поступки сквозили отчаянием. У Билла были другие мысли на этот счет. По его мнению, Ламберт и Стэмп всегда чувствовали себя выше группы. Мун был клоуном, Энтвисл был якорем, а Таунсенд – гением, которого они холили и лелеяли. Меня же они просто терпели.

Если бы это зависело от меня, мы бы еще раньше избавились от Кита и Криса. Мы бы избавились от них ровно в тот момент, когда у меня появились бы неопровержимые доказательства их обмана. Я много лет подозревал, что они не чисты на руку, но совсем другое дело, когда у тебя есть убедительные доказательства того, что твои так называемые менеджеры тебя обкрадывают. И я получил их вскоре после того, как вернулся с

гастролей в поддержку моего сольного альбома. Кит и Крис сказали: «У нас есть контракт на три альбома с MCA Records, миллион долларов за пластинку. И твой процент от каждого альбома составляет 529 325 долларов». Минуточку.

По контракту нам причиталось шестьдесят процентов. Я знал, что независимо от того, сколько раз прогнать эту сумму через калькулятор, 529 325 долларов – это не шестьдесят процентов от миллиона долларов. Дело обстояло даже смешнее, поскольку они высчитали наш гонорар с точностью до цента. Пускай я не оканчивал Оксфорд, но я не дурак. Так что я позвонил им и попросил снова все посчитать. Они назвали мне ту же самую сумму. Я дал им последний шанс все проверить, но они сказали, что все в порядке. Тогда я позвонил Теду Олдхему, нашему юристу, который подтвердил, что за альбом группе должны заплатить шестьдесят процентов от миллиона долларов. Уроки математики из Шепердс-Буш не прошли даром. Было совершенно ясно: Кит и Крис дурачили нас.

Я поговорил с Китом Муном и Джоном и объявил, что не желаю, чтобы люди, утратившие мое доверие, занимались моим бизнесом. Речь шла даже не о деньгах. Несмотря на то, что нам нужно было кормить свои семьи, речь никогда не шла о деньгах. Я всегда знал, как нам повезло, что мы нашли друг друга и что нам на пути повстречались эти двое. Я всегда ценил их креативность и то, как много они сделали для нас. Я просто больше не хотел, чтобы они занимались делами группы. Я хотел расторгнуть сделку по менеджменту, перевести их на оклад в десять процентов и сотрудничать с ними только по творческим вопросам. Не хотелось прекращать с ними работу, но нельзя было, чтобы наркоманы распоряжались нашими финансами. Кит и Джон увидели здравое зерно в моих рассуждениях, но Пит и слушать ничего не хотел. Он не собирался ставить свою подпись, чтобы положить конец этому контракту. Я сказал ему, что мы должны что-то с этим поделать, но он уперся, и все тут. Для него деньги The Who были не более чем карманными расходами. Так что ничего не изменилось, пока он не отправился в Америку год или два спустя и не узнал, что они прикарманили себе часть его авторских доходов. Я не знаю, сколько они взяли. Это было не мое дело, но именно тогда все дерьмо полетело на вентилятор.

Вместо того, чтобы остаться в группе хотя бы на птичьих правах, мы распрощались с ними навсегда. Пит им этого не простил. В 1976 году остальные участники группы попросили Билла стать нашим менеджером. Они видели, как Билл решает мои вопросы и хотели, чтобы он сделал то же самое для них. Я бы хотел оставить Билла при себе, но, пожалуй, это было неизбежно.

Если пораскинуть мозгами, Билл был очевидным кандидатом на роль менеджера The Who. Итак, мы выставили вон Кита и Криса. Они потеряли Track Records. Они потеряли нас. А мы потеряли их. Я всегда испытывал угрызения совести, поскольку я был тем ублюдком, который заварил эту кашу. Наше расставание прошло совсем не так, как я хотел, и эта история еще долго напоминала о себе.

Я никогда не держал обиды и всегда старался не циклиться на случившемся и двигаться дальше. Кто старое помянет, тому глаз вон. Но Крис и Кит не могли отпустить прошлое. Кит умер в 1981 году и ушел в могилу с мыслями о том, как несправедливо обошлась с ним группа. Я видел его за несколько месяцев до смерти. Он приехал на ланч в Сассекс в очень меланхоличном настроении. Билл видел его незадолго до конца, и Кит продолжал твердить ему: «Просто удостоверься, что тебе заплатят». У него сохранялась наркоманская паранойя. Билл дал ему немного денег и выписал чек. Через час он вернулся помятый и в слезах. Он пытался раздобыть наркотики, и его немного поколотили. Билл дал ему еще денег и вызвал бедолаге такси до дома. Это был последний раз, когда мы его видели.

Киту было всего сорок пять лет, когда он умер. У него случилось кровоизлияние в мозг после падения с лестницы в доме его матери. Ужасный конец для человека, который так много значил для группы. Каким-то образом Крису удалось выкарабкаться. Он перестал принимать, прошел реабилитационный курс и стал терапевтом по работе с зависимостями в Нью-Йорке. Мы снова подружились, и в 1992 году, вспомнив его любовь к кинобизнесу, я попросил его помочь мне с идеей фильма оКите, которая у меня тогда возникла. У меня до сих пор есть идея, но тогда, во времена до Тарантино, никто не понимал наш сценарий, потому что он был написан без использования линейной временной шкалы.

Крис и я оставались очень близкими друзьями вплоть до его кончины в 2012 году. Он наставлял меня, когда мне не хватало уверенности. Он настоятельно призвал меня следовать моему видению в предстоящем сольном туре *Tommy* и туре The Who в поддержку альбома *Quadrophenia*. В 2008 году, на церемонии награждения Центра Кеннеди в Вашингтоне, Крис сопровождал меня вместе со своей прекрасной женой Каликсте на приеме в Белом доме и в Государственном департаменте. Он заслужил право быть там за все, что они с Китом сделали для нас.

В течение многих лет мы вместе проводили каникулы в Вест-Индии, и именно здесь Каликсте вместе с дочерью Криса Ами, я и Хизер устроили ему похороны в стиле викингов. Я понятия не

имею почему, но в то утро я чувствовал, что обязан устроить ему особые проводы. Я построил лодку из пальмовых листьев и всего, что смог найти на пляже, пока девушки собирали цветы с окрестных садов, чтобы покрыть его прах. У нас получилась настоящая погребальная ладья с мачтой из сухих банановых листьев. С помощью легковоспламеняющейся жидкости мы устроили Крису похороны в море, отправив его в последний путь с пляжа Сент-Китс.

И все же, несмотря на долгие годы нашей дружбы, он никогда не признавал, что обошелся с нами нечестно. Ни единого разу. Несколько лет назад про них вышел фильм – «Ламберт и Стэмп». Я сделал все, что в моих силах, чтобы помочь Крису и продюсерам завершить проект. Я дал им интервью и полный доступ ко всем ранним видеозаписям, что у меня имелись. И даже тогда ни в одном интервью в фильме Крис и словом не обмолвился об истинной причине, по которой мы сместили их с позиций менеджеров. Это позорное пятно портит всю картину. Фильм задумывался как документальный, но они рассказали только половину правды. Если верить фильму, мы избавились от них, потому что они были плохими менеджерами. Я никогда не говорил, что они были плохими менеджерами. Они были лучшими креативными менеджерами, о которых только могла мечтать группа, но они были наркоманами. Если бы только Крис сказал: «Слушай, мы попросту спятили… Там было так много денег, а если ты подсел на наркотики, тебе нужно много бабла, и, да, мы тратили твои деньги». На этом история была бы исчерпана. Но он вообще не признал свою вину. И этот полуправдивый фильм возвращает старые воспоминания и наполняет сердце горечью.

Да, они были неотъемлемой частью нашего успеха. Да, они забрались с нами на вершину мира. И да, они были истинными пионерами рок-индустрии. Но когда хлынули деньги и наркотики, музыкальный бизнес 1970-х превратился в Дикий Запад и Кит с Крисом свернули не туда. Они так и не смогли признать свою вину. Кит умер слишком молодым, а Крис жил с этим на протяжении следующих сорока лет.

Глава 13. Семья

В 1972 году у нас с Хизер родилась девочка Рози. Учитывая хаос и нестабильность в моей профессиональной жизни, это был настоящий подарок небес. Тогда я еще не наладил отношения со своей первой семьей, но в конце концов я это исправил. Как я уже говорил, мы все вместе летали в отпуск. Джеки и ее муж, их двое детей и наш сын Саймон обычно отдыхали вместе с моей второй семьей. Мы дружно путешествовали во Флориду и Португалию, побывали в Вест-Индии. В полном составе. Но первые несколько лет я не принимал абсолютно никакого участия в жизни своего сына, так что я вполне заслуживал неодобрения.

Но во второй раз все было иначе. Я был счастлив. Я был с Хизер, любовью всей моей жизни, и в самом расцвете нашего брака у нас один за другим начали появляться дети. Пускай я часто бывал вдали от дома, у меня оставалось время, чтобы побыть с семьей, и это мне очень нравилось. Все еще тяжело было уходить и возвращаться. Рози, а затем Уиллоу, которая родилась три года спустя, так быстро росли, даже если я отлучался совсем ненадолго. Только когда в 1981 году появился наш сын Джейми, я как следует смог попробовать себя в роли отца. Сумасшествие, с которым я сталкивался на гастролях, не имело абсолютно никакого значения, ибо я знал, что в любом случае вернусь домой, к стабильности. Мне очень повезло с этим. У остальных ребят в группе складывались сложные отношения на личном фронте, и в моем мире, как я уже упомянул, это было обычным делом. Такое положение дел могло бы с легкостью стать нормой и для меня. Очень трудно найти девушку, которая не только бы смирилась со всем этим рок-н-ролльным дерьмом, но при всем при этом не побоялась бы сказать свое слово, поддерживала тебя, раскрывала глаза на правду и помогала бы тебе не сойти с пути во всем этом безумии. Хизер была моей половиной. Она была и остается моим партнером во всем.

По соседству с нами жило много семей с детьми. Все мы представляли собой дружную общину, в которой родители выручали друг друга. Коттеджи соседей всегда были открыты для нас и наших детей. Настоящая идиллия.

* * *

Но невозможно постоянно пребывать в блаженстве, не так ли? Мой творческий отпуск закончился альбомом *Quadrophenia*. Во-

первых, я всегда осознавал, что к нашей группе нужно привыкнуть из-за особенностей материала. Но еще я всегда понимал, что пытался донести Пит, как он оборачивал свои идеи в слова, откуда они брались и как они воплощались в новаторскую музыку. При этом создавалось стойкое впечатление, что эта музыка не просто продукт вечно меняющейся моды. Те чувства, которые он передавал в своем творчестве, были вне времени. Если вам хотя бы шестнадцать-семнадцать лет, то попробуйте послушать *Quadrophenia* и вы почувствуете, что эти тексты говорят с вами. Я наблюдаю это сегодня на концертах. В аудитории много старых хулиганов, которые уже полвека тащатся от нашей музыки, но рядом с ними стоят их внуки. И все они дружно сходят с ума.

Во-вторых, работа над *Quadrophenia* была далеко не сахар. Мы прониклись идеей Пита, его следующей грандиозной концепцией, когда строили Ramport Studios в старом церковном зале на Фессали-роуд в Баттерси. В 1970-х годах мы много чего построили. Не было никакого смысла беречь деньги, особенно когда правительство взимало с них девяносто восемь процентов. У нас была куча проектов, и одним из них стала студия Ramport. План состоял в том, чтобы построить квадрофоническую студию с объемным, футуристическим звуком. Единственная проблема заключалась в том, что мы почти ничего не знали о строительстве студий. Студия выглядела великолепно, и в процессе записи мы звучали потрясающе, но на выходе у нас получился искаженный звук. Когда мы воспроизвели нашу музыку в другой студии (построенной людьми, которые знали толк в этом деле), то звучание оказалось из рук вон плохим. Тем не менее Пит получил заряд вдохновения. «Есть парень с двойной шизофренией, – сказал он. – Есть четыре участника группы, и музыка – это как раз тот парень». Я его понял. Не знаю, как до остальных, но до меня дошло моментально. Пит ушел, чтобы набросать песни, а потом, через несколько недель, поскольку Ramport так и не достроили, мы вернулись в Старгрувс, чтобы записать альбом, и с самого начала все пошло наперекосяк.

В первый день Кит Ламберт устроил богатое пиршество в студии. Это был типичный Кит, яркий и щедрый, хотя я уверен, что за все это мы платили из своего кармана. Я смирился с тем, что Кита не собирались увольнять, но у Пита были другие планы на этот счет. При виде Кита с его щедрым застольем Пит пришел в ярость. Может быть, это был праведный гнев, связанный с махинациями Кита, а возможно, это было больше связано с записями в Нью-Йорке для *Who's Next*. Пита всегда заботила лишь музыка и процесс ее создания. Он мог закрыть глаза на воровство

Кита, но вмешательство в процесс творчества не сошло ему с рук. Пит так и не объяснял, почему этот банкет так разозлил его, но это был последний раз, когда мы видели Кита в студии. Его заменил Рон Невисон, и я понятия не имел, откуда он вообще взялся. Вместо него мы должны были взять Глина Джонса, который помог нам с *Who's Next* и проделал блестящую работу. Зачем чинить то, что не сломано?

В любом случае я никогда не был доволен оригинальными миксами *Quadrophenia*. На вокальных треках случилось что-то непоправимое. Они добавили эхо и эффекты, которые невозможно было убрать. Когда вы пытаетесь сделать ремикс, то у вас вряд ли получится улучшить эти треки. Я помню, как, впервые услышав их в нашей чудесной квадрофонической студии в Ramport, я подумал, что это было удивительно, но когда услышал песни на записи, то звучание показалось мне плоским. Я-то знал, что дело было не во мне. Я винил во всем сведе́ние. Эта крутая студия не была правильно настроена.

Я высказывал свое недовольство публично. На одном интервью я сказал: «Со времен *Tommy* мы утратили наши контрасты, он [альбом] принес мне намного меньше удовлетворения. Слишком громко». Разумеется, Пит остался недоволен моими комментариями, но я всего лишь сказал правду. Я чувствовал, что мы порастеряли определенное количество энергии и стали слабее. Казалось, что единственным нашим ответом на потерю контраста было стать громче. Именно это подтверждало мою правоту. В нашу музыку закралось безумное отчаяние: если что-то не получается, просто играй громче.

Пит понимал, что все идет не очень хорошо, даже если и не признавал этого. Он испытывал огромное давление и пил больше, чем когда-либо. На сцене он выпивал бутылку бренди, а пьяный музыкант – плохой музыкант. Хотелось бы мне услышать живые записи того периода и посмотреть, звучало ли все так же, как я это запомнил. Потому что я все слышу со сцены, а это, скажу я вам, довольно странно. Вы стоите перед публикой словно обнаженный. Группа не попадает в поле вашего зрения. Можно взаимодействовать с участниками группы во время соло, но с Джоном у вас ничего не выйдет, потому что он стоял как вкопанный. К Киту лучше и близко не подходить, потому что он барабанил что есть мочи. А что касается взаимодействия с Питом – тут как карта ляжет.

С каждый разом стеки усилителей становились все больше и больше. В конце шестидесятых мы сменили «Маршаллы» на «Sound City». В 1968 году Пит и Джон совместно с инженером Дейвом Ривзом разработали собственный стек «Hiwatt

Electronics». Он был модернизирован до модели «Super Who 100» в 1970 году, которая в итоге стала моделью «DR103W» в 1973 году. В двух словах это значило, что теперь я ни черта не слышал.

Это было абсолютно безумное времечко. Еще до того, как мы отправились в тур с *Quadrophenia*, мы успели подраться. Репетиции в Шеппертоне проходили утомительно. Вот что спровоцировало драку, которая закончилась тем, что Пит лежал на полу без сознания, а я кричал, чтобы кто-нибудь вызвал скорую помощь. В середине репетиций меня достала съемочная группа, которая должна была записывать промо для MCA, но даже не удосужилась включить свои камеры. «Когда вы собираетесь приступить к съемкам? – спросил я. – Вы будете ждать, пока я потеряю свой долбаный голос? Это трудная песня, и я исполню ее только один раз». Вполне разумно, не правда ли?

Пит, прикончив добрую половину бутылки бренди, взорвался как бомба. Он встал напротив, тыкая в меня. «Ты будешь делать то, что тебе сказано, черт возьми», – усмехнулся он. Со мной лучше не разговаривать в таком тоне. Роуди знали, на что я способен, поэтому вмешались и начали сдерживать меня. «Отпустите его, – кричал Пит. – Я убью этого маленького засранца». Они отпустили меня. Следующее, что я помню, как Пит замахнулся на меня двадцатичетырехфунтовой гитарой «Les Paul». Она просвистела у меня за ухом и слегка задела плечо, едва не приблизив преждевременный конец группы The Who. Я до сих пор не давал сдачи, но мое терпение таяло на глазах. В конце концов, он назвал меня маленьким ублюдком. После почти десяти лет мирного сосуществования и хука слева, от которого я едва уклонился, я наконец-то ответил апперкотом в челюсть. Пит подлетел вверх и упал как подкошенный, треснувшись головой об сцену. Мне казалось, что я убил его.

Что еще хуже, наш агент по рекламе Кит Алтам выбрал именно этот момент, чтобы продемонстрировать его американскому генеральному директору из звукозаписывающей компании, с которой мы недавно заключили договор. Первое, что узнали шишки из Америки о своих новых партнерах, это то, что вокалист намертво вырубил гитариста. «Боже мой, – сказал испуганный генеральный директор. – У них это всегда так?» «Нет, – сказал Кит Мун. – Сегодня еще один из их лучших дней». Под конец я оказался в машине скорой помощи, держа Пита за руку и чувствуя угрызения совести. Он первый меня атаковал, но каким-то образом я чувствовал ответственность. Это было все равно что снова оказаться на детской площадке в Актоне.

К счастью, Пит выжил, но всю оставшуюся жизнь мне пришлось выслушивать, как он обвиняет меня в лысине на

макушке. Мне кажется, что по сей день он считает, что я был агрессором. Время от времени он демонстрирует крайне избирательную память. Драку спровоцировали давление и алкоголь, и в турне было не легче. Мы впервые пытались работать с кассетами. У нас было очень футуристичное и новаторское звучание, но всегда необходимо слышать темп и ритм. Как только вы собьетесь – окажетесь в заднице. Бедняга Кит. Я не знаю, как он это сделал. Играть под дорожку метронома было кошмаром – словно на нас надели наручники.

Кульминационный момент наступил в кинотеатре «Одеон-Ньюкасл» в 1973 году, разумеется, на Ночь фейерверков[15], всего через две недели после нашей драки. Пит напал на Бобби Приддена. Для справки: Бобби был нашим звукорежиссером целую вечность. Удивительно, что в этом году он все еще гастролировал с нами, потому что после меня он – географически самый близкий человек к Питу во время концерта. И когда концерт проходит плохо, тебе хочется оказаться максимально далеко от Пита. На протяжении многих лет Бобби ставил рекорды по количеству гитар, усилителей и магнитофонов, брошенных в его сторону, но все же никто не заслуживает такого обращения, даже звукарь. Возможно, что в тот вечер проблемы произошли даже не по его вине. Мы всего лишь пытались строить из себя безумно амбициозных ребят.

Было так сложно заниматься вещами, которые сегодня воспринимаются как должное. Это теперь все цифровое, все пронумеровано, остается лишь нажать кнопку – и вуаля. А в те дни нужно было выравнивать пленку, и, если нас читают ребята помоложе, речь идет о настоящей кассете, которую нужно было идеально подготовить. Даже в случае успеха пленка очень часто предательски рвалась, и это был кошмар. Столько всего могло пойти не так, и, как правило, что-то обязательно шло не так. Наш звук в начале семидесятых находился где-то на одном уровне с моими первыми гитарами в конце пятидесятых. Клейкая лента, бинты, все на честном слове и на одном крыле. Добавьте сюда неизменную тенденцию всего этого добра разваливаться на куски при любом удобном случае.

Конечно, в этом и заключается весь смысл рока. Мы были невероятно амбициозны, ведь в рок-музыке 1970-х невозможно было переборщить с амбициозностью. Битлз были маленькой группой из четырех человек посреди стадиона – вдумайтесь, как нелепо это звучит, но это сработало из-за истерии, развернувшейся вокруг них. Если бы девушки перестали кричать, то они превратились бы в четыре булавочные шпильки, которые мало что могли поделать. Мы не могли спрятаться за истерией,

поэтому нам пришлось делать больше. Мы должны были как-то заполнить стадион. Мы не могли полагаться на гигантские экраны, потому что тогда их попросту не существовало. Все, что у нас было, это свет и звук, потому-то на сцене царил такой высокий градус безумия, потому-то мы пробовали вещи, на которые не могли положиться. Именно поэтому, преодолев отметку в семьдесят лет, мы с Питом вынуждены были просить журналистов повторять вопросы еще раз и погромче, и именно поэтому в тот вечер в Ньюкасле в Бобби полетел магнитофон. «The Who – нелепое проявление необоснованного насилия» – под таким заголовком на следующий день вышла газета «Newcastle Evening Chronicle».

Молнии полетели после того, как у барабанщика Кита Муна случились неполадки с наушниками. Он швырялся своими барабанными палочками, пока звукорежиссеры пытались устранить неисправность. Затем вмешался Таунсенд. Он вырвал пленку с минусовкой и швырнул оборудование куда-то за кулисы. Три других участника группы – вокалист Роджер Долтри, гитарист Джон Энтвисл и барабанщик Кит Мун – просто наблюдали за этим. На мой взгляд, это был чрезвычайно незрелый рекламный ход, который потенциально может навредить тысячам молодых людей, которые слепо подражают своим идолам во всем, что те делают. В остальном они были музыкально безупречны, как и всегда.

Вот почему мне кажется, что критики, какими бы хорошими они ни были, никогда особо нас не понимали. Наш концерт мог показаться им «музыкально безупречным», но для нас, и особенно для Пита, любая шероховатость на дорожке, вызванная паршивым магнитофоном, ощущалась как здоровенная кочка на дороге. Это был не рекламный ход. Даже не близко. Это было чистое разочарование. Следующие два шоу в «Одеоне» прошли без происшествий. Затем, после трех концертов в лондонском театре «Лицеум», мы отправились в Америку, где нас поджидали новые беды.

* * *

Вторник, 20 ноября 1973 года. Арена Cow Palace, Сан-Франциско. Начало американо-канадского этапа тура *Quadrophenia*. У обещания отказаться от наркотиков до и во время шоу, которое группа дала в 1965-м, как бы это выразиться, истек

срок годности. Перед шоу Кит выпил бутылку бренди, прикончив ее горсткой лошадиных транквилизаторов и еще каким-то веществом, природу которого нам так и не удалось установить. Отчасти он был наркоманом, а отчасти страдал от страха перед сценой. Люди предполагают, что кто-то вроде Кита, шоумена от бога, прирожденного выпендрежника, не мог испытывать волнения. Иногда он жестоко с собой обходился и порой его часами тошнило в соседней комнате, когда мы ожидали выхода на сцену. Иногда это случалось из-за передозировки тем или иным веществом. Но порой виной всему был обычный старый страх. Он постоянно балансировал на грани, и той ночью он ее перешел.

Шоу началось сравнительно хорошо. Синхронизирующие дорожки работали, в Бобби не летели предметы. Затем Кит начал терять силы во время «Drowned». Он вновь взял себя в руки на «Bell Boy», но когда мы дошли до его соло в «Won't Get Fooled Again» он полностью сник. «Мы сейчас оживим нашего барабанщика, ударив его в живот, – сказал Пит в своей обычной сочувственной манере. – Он без сознания. Я думаю, что он съел что-то не то. Это все ваша заморская еда».

Вы не представляете, каково это стоять на сцене перед пятнадцатью тысячами возбужденных кричащих человек, когда ваш барабанщик находится в глубокой отключке. В конце концов он просто рухнул на спину, но не было никакой паники. Даже если ты по уши в дерьме, ты знаешь, что справишься. В этом прелесть рока. Эта музыка настолько дерзкая, что вы можете устроить шоу практически из чего угодно, даже из абсолютной катастрофы, такой как эта. Если барабанщик лежит без сознания на спине в течение всего шоу, пока люди поливают его водой, вы все равно можете сделать из этого шоу. Пока вы производите шум, пока вы устраиваете представление, вы в порядке. Поклонники рока – это совершенно уникальная аудитория. Они великодушны. Они ценят импровизацию.

Тем не менее нам бы тогда не помешал живой барабанщик. Безжизненного, с закатившимися глазами Кита унесли со сцены участники дорожной команды и бросили под холодный душ. Доктор сделал ему инъекцию, и он вернулся на сцену. На этот раз он добрался до конца «Magic Bus», а после этого нам уже не нужен был доктор, чтобы понять, что он отключился всерьез и надолго. «Кто-нибудь умеет играть на барабанах? – спросил Пит. – Нам нужен кто-нибудь хороший». Помочь вызвался девятнадцатилетний Скот Хэлпин из Маскатина, штат Айова, и мы отыграли «Smokestack Lightning», «Spoonful» и «Naked Eye», прежде чем выбросить полотенце на ринг. Мы умудрились

пережить эту ночь и, как ни странно, Кит тоже, но я был готов его прикончить. Мы все тогда были не прочь это сделать.

На следующий день мы обнаружили его на стойке регистрации отеля в инвалидной коляске. На его лице не особо читалось раскаяние – он улыбался во весь рот, а на голове у него красовалась гигантская меховая шапка с рогами буйвола, к которой он в последнее время привязался. Не знаю, какую дрянь его угораздило принять, но из-за этого его тело парализовало ниже груди. Нам пришлось нести его в самолет на руках, словно коронованную особу. У нас был свободный день перед концертом на арене «Форум» в Инглвуде, но Кит все еще не приходил в себя. Доктор поддерживал его в боевой готовности у барабанной установки, вставив иглу ему в лодыжку. Киту потребовалось четыре дня, чтобы вернуть все чувства. Сначала отошли его руки, которые были весьма полезны для концерта, затем его таз, потом остальные части тела и, наконец, его ноги. Врачи всегда были рядом, будучи готовыми предоставить все, что было необходимо в любой ситуации. Да, доктор, нам нужны стимуляторы. Да, доктор, теперь нам нужны успокаивающие. Это все проходило совершенно законно и без утайки. С этической точки зрения мы, вероятно, действовали неоднозначно.

Большая часть из того, что принимал Кит, отпускалась по рецепту. В перерывах между турами я позволял себе скурить косячок-другой, но мне пришлось завязать с этим, когда я повредил плечи и подсел на обезболивающие. Это ужасные препараты, которым требовалось много времени, чтобы начать действовать. Потом я пристрастился к снотворным, что было еще хуже. Я не мог уснуть, потому что адреналин просто зашкаливал. Нереально выйти за кулисы и хорошенько вздремнуть. На это нет ни единого шанса. Раньше я снимал стресс с помощью выпивки в компании хороших пташек, но сейчас это уже не было решением, поэтому я подсел на куаалюд или «Мандракс», как его называли в Британии. Это успокоительное появилось в начале 1970-х и было производным барбитурата – чудовищная штука. Побочные эффекты были ужасными: депрессия, усталость, кошмары, нарушение координации движений, головная боль, подавление эмоций, двоение в глазах, головокружение. Его сняли с рынка и запретили, когда люди поняли, насколько это мощная и прилипчивая дрянь. Но мне нужен был сон.

Наши шоу становились все длиннее и длиннее. Мы дошли до отметки в три часа, что требовало большого уровня энергии и концентрации, поэтому я стал одержим сном. Он занял особенное место в моей жизни. И, как скажет вам любой бедолага, страдающий бессонницей, если вы думаете о сне, вы беспокоитесь

о нем, и тогда он становится еще более неуловимым. Каждую ночь я просто лежал, думая, что мне пора спать. В противном случае я не справлюсь с предстоящим концертом. Уже слишком поздно. Мне нужно поспать. Сейчас же. Поторопись. Может быть, мне стоило попробовать считать овец…

«Мандракс» был совершенно легально прописан мне моим доктором, а не одним из непонятных драгдилеров на гастролях. Эти парни были слишком заняты тем, чтобы поддерживать Кита в вертикальном положении. Доктор не хотел давать мне таблетки, но я был в отчаянии. Я сказал ему, что без них я не переживу турне, и в конце концов он сдался. Вот почему в нашем бизнесе так много жертв: все происходящие вокруг события очень напряженные и соблазн принять что-нибудь для поддержания баланса огромен. Сначала вы закидываетесь успокоительным, чтобы вернуться с небес на землю после шоу, затем вам нужны стимуляторы, чтобы воспарить на седьмое небо ко времени проведения следующего концерта. Я никогда не нуждался в стимуляторах, но слезать с «Мандракса» было ужасно. Отходняк длится две недели, и ты регулярно просыпаешься посреди этих бесконечных беспокойных ночей, чувствуя себя так, словно рухнул с обрыва. Я до сих пор испытываю проблемы со сном, даже в те моменты, когда не гастролирую. Порой, обычно в первые часы после полуночи, я бы отдал все, что угодно, чтобы просто лечь в постель и заснуть. Разумеется, я держу себя в руках, но знайте, что на свете очень мало исполнителей, которые хорошо спят после шоу. Если такие и есть, значит они что-то делают неправильно.

К тому времени, когда тур переместился в Канаду, Кит полностью восстановил чувствительность своих конечностей. Кит в полной боевой готовности это опасный зверь, и небольшой опыт с параличом не добавил ему осмотрительности. Второго декабря наша американская звукозаписывающая компания MCA устроила вечеринку после шоу в отеле «Бонавентюр» в Монреале. На следующий вечер мы должны были выступать в Бостоне, и у меня адски болело горло, поэтому я отправился спать со своим «Мандраксом» и всеми сопутствующими побочными эффектами, предоставив право оттягиваться на вечеринке другим участникам группы. Посреди ночи Киту пришла в голову идея расписать весь номер для приема гостей абстрактными узорами, вместо краски использовав кетчуп, а затем Пит помог ему протаранить стену большим мраморным столом. Перед тем, как пойти спать, они успели зашвырнуть несколько других предметов мебели в бассейн. В четыре часа утра на место событий прибыла Королевская канадская конная полиция и схватила за шиворот

шестнадцать человек из нашей компании. Не было никакого смысла говорить им, что я не имел к этому никакого отношения – было очевидно, что они не были настроены соблюдать законные процедуры. Однако я попытался донести до них, что они арестовали медсестру Майка.

Майк Шоу был с нами с 1964 года. Он и Крис Стэмп были друзьями детства, и прежде чем заниматься освещением для The Who, он работал режиссером по свету в театре. Энергичный мод с крайне сухим чувством юмора, он был отличной частью команды менеджеров. В 1965 году, когда у нас все завертелось по-крупному, он забрал минивэн с концерта и врезался в кузов грузовика к югу от Стаффорда. Он выжил, но сломал себе шею и всю оставшуюся жизнь провел в инвалидной коляске. Мы сделали для него все возможное, и он никогда не жаловался, хотя ему было очень тяжело. Он продолжал работать на Track Records и по-прежнему всюду сопровождал нас, хотя оказывался абсолютно беспомощным без медсестры. Я объяснил все это полицейским той декабрьской ночью в Монреале, но им было все равно. Они просто хотели выбить из нас дерьмо и плевать, что среди нас был человек в инвалидной коляске. Власти всегда ненавидели таких людей, как мы, а эти представители власти были худшими, с кем нам когда-либо приходилось сталкиваться.

Нас всех посадили за решетку. Я был с Биллом Карбишли, и, как вы можете догадаться, под замком он чувствовал себя как дома. Как только его привели, он просто лег на койку и оставался в неподвижном положении, словно медитировал. Настоящий профессионал. Я же метался по клетке как загнанный зверь – не самый лучший способ отбывать свой срок. Все остальные сидели в соседних камерах и выглядели несчастными. Только один человек числился пропавшим без вести. Чертов Кит Мун. И вот намного, намного позже раздался большой шум, и на сцене появился Мун в своем тигровом плаще, попутно устраивая спектакль похлеще Ноэла Кауарда (английский драматург, актер, композитор, режиссер и певец. – *Прим. пер.*). Он посмотрел на самого злобного бритоголового копа в комнате и, пренебрежительно взмахнув рукой, сказал: «Дорогуша, не могли бы вы сделать мне чашечку чая с двумя кусочками сахара?» Затем он повернулся к его напарнику со словами: «К вашему сведению, я забронировал номер». Вряд ли это могло ускорить наше освобождение.

В итоге нас задержали на восемь часов и отпустили лишь после того, как местный промоутер согласился заплатить шесть тысяч долларов наличными, чтобы покрыть стоимость ремонта. Все это было просто нелепо. Ведь речь идет только о стене, окне и паре предметов мебели. Я уже говорил, что отели видели в нас

возможность бесплатно обновить интерьер. Мы пропустили наш дневной рейс, чудом успев на рейс ближе к вечеру, и прибыли на сцену арены «Бостон-гарден» на десять минут позже, что, учитывая все обстоятельства, было чудом. В тот день мы отыграли одно из лучших шоу в туре. Удивительно, сколько энергии тебе может подарить обретенная свобода после восьми часов заточения в клетке.

К сожалению, мы не могли запирать себя в клетке перед каждым шоу. Мы доползли до конца турне через Пенсильванию, штат Мэриленд, а затем отыграли четыре концерта снова в Лондоне в театре Sundown в канадском Эдмонтоне. Когда я наконец вернулся в Сассекс в канун Рождества 1973 года, я был жутко измотан, но вместе с тем испытывал облегчение. Мне нужна была стабильность, и моя семья, как и всегда, ждала меня дома. Я говорю не только о Хизер и Рози. В это Рождество на нас совершил набег весь клан Долтри. Мы отправили автобус в Шепердс-Буш, чтобы забрать всех дядюшек и тетушек, племянников и племянниц, троюродных, четвероюродных и даже шестиюродных родственников. Трещал камин, гудела вечеринка, мы пели похабные песни коренных лондонцев как в старые добрые времена.

Некоторым из моих друзей по бизнесу бывало трудно прийти в себя после турне. Непросто приспособиться к нормальной семейной жизни после трехмесячного безумия в дороге. Но для меня это никогда не было проблемой. Я был молод, жил настоящим. В один момент я стою перед тысячной толпой, мой барабанщик теряет сознание, плюхнувшись на свою установку, и я просто справляюсь с этим. Разместить сотню дядюшек, тетушек, племянниц, троюродных братьев и сестер и прочих родственников разной степени дальности? Нет проблем. Некоторые жизненные моменты были хуже, другие – лучше, и в то Рождество у меня как раз выдался один из последних. Мама и папа были там, и во время празднования папа посмотрел мне в глаза и спросил: «Разве все это не великолепно?» Он был счастлив, и это имело для меня колоссальное значение.

Глава 14. Свет, камера, мотор!

Идея снять фильм «Томми» уже давно витала в воздухе. С тех самых пор, как в 1961 году Кит вместе с двумя друзьями, вооружившись камерой, отправился в Амазонку, чтобы снять документальный фильм об экспедиции, он воображал себя продюсером фильмов. У Криса было то же самое влечение. Помимо альбома, живых выступлений и полномасштабных оперных постановок, «Томми» был для него билетом в большой кинобизнес. Поэтому он продвигал свой собственный сценарий отдельно от Пита. Затем на радаре замаячили люди из Америки, и все шло к тому, что фильму – быть. Несколько раз проект то отменяли, то оживляли. В киноиндустрии семь пятниц на неделе, но благодаря настойчивости Кита Ламберта, и учитывая, что это был не обычный фильм, нам казалось, что проект скорее жив, чем мертв. В какой-то момент в 1973 году Роберт Стигвуд вызвался продюсировать наш фильм. Кит проводил различные встречи, и все планы утверждались. Во время переговоров в задней комнате дело начало приобретать странный оборот. Было много дельных предложений, но было также много наркотиков, а там где наркотики, там обязательно случается недопонимание. Мы мучались с *Quadrophenia*, пытаясь прочувствовать этот альбом так же, как мы прочувствовали *Tommy*. Создание фильма казалось отдаленным пунктом в списке дел. А потом неожиданно появился Кен Рассел, все быстро завертелось, и я глазом моргнуть не успел, как меня приняли на роль Томми.

Признаться честно, я был шокирован. Да, я исполнял «Томми» последние несколько лет на сцене, но это не значит, что я имел представление о том, как играть этого персонажа, особенно с Кеном в режиссерском кресле. Любой, кто мало-мальски что-то из себя представлял в 1970-х годах, был фанатом Кена Рассела. Он был иконой, героем, и мы его боготворили. И гляньте: я не только удостоился встретиться с ним, но меня позвали на обед вместе с его женой, дизайнером одежды Ширли Кингдон, в их шикарный дом в Холланд-парке. Он любил музыку и полностью просек фишку «Томми» – он сказал, что это «лучшая современная опера со времен “Воццека” Берга». Но я был с ним совершенно откровенен. Я сказал, что никогда раньше не играл. Однажды я пытался участвовать в школьной пьесе, но меня выгнали из-за того, что я был слишком непоседливым. Так что у меня не было опыта. Я не был уверен, что у меня получится это сделать.

Кен пропустил мои замечания мимо ушей. Он сказал, что я

играю Томми и точка. Я объяснил, что мог справиться с толпой зрителей, находясь на сцене, но понятия не имел, как вести себя на съемках фильма. В конце концов, я легко отделался, потому что у моего персонажа не было диалогов – лишь одно пение. Совсем другое дело, если бы мне пришлось говорить. Так что мы ударили по рукам. Я собирался стать актером и, обдумав это в спокойной обстановке, понял, что новый опыт придется мне по душе. Для таких перемен наступило идеальное время. У нас прошел сложный тур в поддержку *Quadrophenia*, а внутри группы, равно как и с нашим руководством, царил раздор.

Я знал, что наша группа никогда не развалится, но спустя четыре года после нашего самого хитового альбома не проходило и дня без того, чтобы в прессе не предсказывали нашу скорую кончину. Я нуждался в полной смене обстановки. Буквально за один вечер я сменил режим музыканта, который поздно ложится спать и очень поздно встает, на режим актера, который встает чуть свет и все еще засыпает за полночь. Большую часть времени я провел в окружении съемочной команды, и это было здорово. Если группа похожа на маленькую семью, которая много скандалит, то быть на съемочной площадке – это все равно что оказаться в большой семье, которая скандалит лишь изредка. Словно пятьдесят-шестьдесят человек, которых забросили в одну лодку на четыре месяца.

Актеры, съемочная группа, гримеры – все мы остановились в одном мотеле на острове Хейлинг, у Портсмута, и интенсивность съемочного процесса Кена Рассела привела к тому, что очень быстро между нами возникла тесная связь. И хотя я сказал, что легко отделался со своей ролью, все же это было преувеличением. Первое, с чем мне пришлось столкнуться, – изображать глухого, немого и слепого. Я провел много времени в компании людей с ограниченными возможностями, которые были у нас в массовке, и они многому меня научили. От Майка Шоу я уже знал, насколько трудной может быть жизнь в инвалидной коляске. Просто проведите целый день с таким человеком, и вы поймете, как это тяжело и какое огромное значение играют мелочи. Например, вставать на колени, чтобы при разговоре с колясочником находиться на уровне его глаз. Мало кто догадывается об этом, не так ли? Это незнание создает барьер. Неужели так сложно заменить один несчастный урок тригонометрии на занятие, во время которого люди с ограниченными возможностями рассказывали бы о том, что могло облегчить им жизнь? Ведь никто не будет против таких уроков. Даже самые отпетые хулиганы будут внимательно слушать. И это имело бы огромное значение для общества.

Как бы то ни было, я проводил время с этими парнями на съемочной площадке, и они оказались просто потрясающими. Они так многому меня научили – не только тому, как играть Томми, но и чему-то на всю оставшуюся жизнь. Они помогли мне почувствовать кое-что из того, что они чувствовали сами. И к тому времени, когда начались съемки, я почувствовал полную сенсорную депривацию моего персонажа Томми. Я вошел в полный транс. Я не могу вспомнить и половину из того, что происходило, потому что находился в сильном оцепенении. Иногда это было даже хорошо. Иногда не очень. Например, я провел целый день, лежа на полу меж ног Тины Тернер, пока она покачивала и трясла своими прелестями. Я был ее давним поклонником, но совершенно не могу вспомнить ничего об этом дне. Я даже не могу сказать, какого цвета трусики на ней были и носила ли она их вообще. Я даже не помню, говорил ли я с ней. Целый день вместе с Тиной Тернер? Плевое дело. Должно быть, я лучший из актеров, что когда-либо ступал на землю.

В другой день съемок в том же сегменте «Кислотной королевы» с Тиной Тернер мне пришлось стоять как истукану, пока Кен пытался выяснить, какие тропические животные должны разделить со мной саркофаг. На мне была лишь набедренная повязка. Если бы они не заботились о возрастном рейтинге фильмов, то заставили бы меня сделать это голым. А я было подумал, что проделал длинный путь после той ванны с холодными бобами в 1967 году.

Сначала Кен попробовал змей. Я быстро узнал, что змеи выделяют не только фекалии и мочу, но также, если вам сильно повезет, очень сильный секрет из их пахучей железы, расположенной в клоаке. Для справки: выделения змей не такие зловонные, как у скунсов, но гораздо более стойкие. Змеи выделяют этот секрет, чтобы пометить территорию, даже если эта территория является саркофагом. Воняло просто невыносимо, но Кену было все равно. Он просто хотел добиться нужного кадра, и, после пары часов со змеями, он решил, что змеи не подходят и переключился на жуков, а затем вообще попробовал бабочек.

Я помню, какое облегчение я почувствовал, когда внутрь впорхнули бабочки, но оно не продлилось долго, ведь то были не обычные бабочки, а гигантские насекомые: размах крыльев с тарелку, а туловище размером с кулак. Их запустили в саркофаг. Они были повсюду: милые, спокойные и неподвижные в темноте. Затем, после долгой паузы, кто-то вскрикнул: «Мотор!», и саркофаг открылся. Каждый раз, когда бабочки впадали в панику, они опорожняли кишечник. К концу дня съемок я был весь покрыт дерьмом змей и бабочек. Потребовались дни, чтобы избавиться от

вони, но я справился с этим благодаря своему блестящему актерскому мастерству. Полностью оторвавшись от реальности, я едва замечал запах. Я был где-то там, в царстве фей, вдали от бабочек. Между прочим, Кен так и не использовал эти кадры. Вместо этого он решил заполнить саркофаг маками. А маки не могут тебя обоссать.

Другим серьезным испытанием было убедить себя и зрителей в том, что Энн-Маргрет, потрясающая голливудская актриса скандинавского происхождения, всего на три года старше меня, была моей матерью. Я добился этого, избегая ее на съемочной площадке, поскольку ты не можешь грезить о своей маме, даже если это всего лишь актриса, исполняющая эту роль в фильме. Но все-таки она была настоящим сокровищем. Никаких ужимок и прыжков, всегда улыбалась. В ней не было и намека на высокомерие. Я сомневаюсь, что она жаловалась даже во время съемок ее финальной сцены, где она бросает бутылку в телевизор, из которого начинает бить фонтан пены и бобов. На одном из дублей, когда она извивается всем телом на полу, съемочная команда заметила, как пена сначала окрасилась в розовый цвет, а затем стала красной. Энн порезала запястье об осколок стекла. Кровь лилась ручьем. Днем меня не было на съемочной площадке, но я видел команду тем вечером, и все до сих пор находились в шоке. Ей потребовалось наложить двадцать один шов, но она оставалась в роли, даже когда кровь хлестала у нее из руки.

Настоящие актеры сделаны из того же теста, что и настоящие музыканты. Как говорится, «шоу должно продолжаться». Энн-Маргрет была профи, как и Оливер Рид. Кен обожал доводить своих актеров до ручки. Это был не просто садизм. Он всегда хотел добиться самых искренних эмоций и в своих стараниях балансировал на тонкой грани. Однако Олли ни за что не хотел показывать, что он был на грани. Я приведу вам пример изобретательности Кена. Когда мы снимали финальную сцену в лагере, стоял необычайно жаркий летний день. Художники-декораторы покрыли серебряной краской буи в гавани – они были как зеркала, отражающие и усиливающие солнечный свет. К тому времени, как Кен дал отбой, мы все обгорели до хрустящей корочки. Но Олли доводил дело до абсурда. В одной сцене его персонажа, злого дядю Фрэнка, убивает разъяренная толпа. Кен заставил его лежать в луже и изображать мертвеца.

После нескольких дублей кто-то сказал: «Олли, пойдем на обед», но Олли ответил: «Вы идите. Если этот придурок думает, что сломает меня, то пусть подумает еще раз. Я буду лежать здесь целый день». И он сдержал свое слово. Он провалялся целый день

в этой луже. Под конец лужа почти высохла, но у него и в мыслях не было уходить. Олли и Кен любили друг друга, доверяли друг другу и делали все возможное, чтобы не подвести друг друга. Все любили Кена. Он всегда был открыт для идей. Если он сталкивался с проблемой при съемке той или иной сцены, то всегда спрашивал, что мы об этом думали. И если ему нравились наши идеи, он их пробовал. Он снимал с помощью гигантских камер – не чета современным стедикамам и крошечным камерам «GoPro». Когда вы наблюдаете за движениями камеры, вы осознаете, насколько это гениально. Я столькому у него научился. Я любил его и доверял ему свою жизнь, даже несмотря на его кажущуюся одержимость убить меня.

Все шло довольно гладко до того момента в сценарии, когда Томми не пришел в себя. Чисто визуально стало тяжелее рассказывать историю, это просто было скучно. Та же самая проблема была у нас с *Lifehouse*. Как можно заснять чувства? Кен был единственным режиссером, которому это могло сойти с рук. Его операторская работа была просто конгениальна. Он с удовольствием брал на себя риск, но по-настоящему радовался, когда его брал на себя актерский состав. Он всегда говорил мне: «Я хочу, чтобы ты сделал это, и с тобой ничего не случится». И я всегда верил ему. В июле мы отправились в Кесвик в Озерном крае, чтобы снять кадры моего восхождения на гору для «See Me, Feel Me». Я не большой любитель высоты. Самое время было вызывать каскадеров, но таковых не нашлось. «Я хочу, чтобы ты спустился с этого склона, а затем жди, пока я не скажу тебе лезть на него обратно. И не волнуйся, все будет в порядке», – сказал Кен.

Я спустился туда босиком и топлес, стараясь не думать о шестисотметровой пропасти подо мной. Я ждал и ждал, думая про себя: «Ну же, Кен, давай». В конце концов, до меня донесся голос: «Начинаем через пять минут, мы ждем света». Небо было затянуто черными тучами. Таким был Озерный край в конце июля. Я провел на этом склоне двадцать пять самых долгих минут в своей жизни, постепенно превращаясь в ледышку. Наконец, взошло солнце, Кен закричал: «Перевернись, камера, мотор!», и я взлетел на эту гору, как испуганный козел. При этом из моей головы не вылетели слова песни. Просматривая эту сцену сегодня, вряд ли можно догадаться, что я тогда не получал удовольствие. Какой прекрасный актер.

– Давайте попробуем еще раз…

Меньше всего вам хотелось услышать эти слова, но вы регулярно их слышали. Киту Муну тяжело давались повторные дубли. Ему отчаянно не хватало дисциплины. Для нормального

монтажа требуется все сделать по сто раз. Сняв общий план, необходимо перейти к крупным планам. Все должно быть синхронизировано, иначе будет невозможно их объединить. Между съемками разных сцен Кит постоянно забывал, что делал. Ситуацию усугубляло то, что они с Оливером Ридом спелись, словно два пьяных разбойника. Во время основных съемок они не жили с нами в дешевом мотеле. Они обосновались в шикарном отеле. Я помню только то, что в фойе находился фонтан, в котором плавали золотые рыбки, и Кит имел обыкновение притворяться, будто хватает одну из них, пожирает, а затем выплевывает останки. Конечно, это были всего лишь кусочки тонко нарезанной моркови (по крайней мере, я так думаю), но от таких выходок достопочтенные дамы истошно вопили.

Не знаю, было ли это хорошо, что они стали закадычными друзьями. Кит был единственным человеком, которому удалось перепить Олли. Однажды вечером они поспорили, кто сможет выдуть больше бренди. Когда у каждого на счету было по две бутылки, Олли потерял сознание прямо на месте. Кит посмотрел на него и сказал: «С тобой со скуки помереть можно».

В середине съемок мы чуть не потеряли дядюшек Фрэнка и Эрни. Однажды после очередного соревнования по выпивке Кит и Олли взяли рыбацкую лодку и отправились через пролив Те-Солент. По всей видимости что-то пошло не так, и они оказались в паре миль от побережья Хэмпшира без лодки, пытаясь вернуться домой. Кит, как вы знаете исходя из того единственного случая, когда он попробовал свои силы в серфинге на Гавайях, не был первоклассным пловцом. Я помню, как они вернулись в то время, когда мы завтракали. Кит всегда превращал неприятности в шутку, неважно, насколько серьезными они были, но не в тот раз. Вероятно, он был на волоске от погибели.

Нам всем удалось пережить это лето, и к началу осени грандиозные съемки почти закончилась. Единственным, что осталось доснять, была сцена с дельтапланом. Я догадывался что мы сделаем это в конце на случай, если я разобьюсь в лепешку. Они получили бы фильм с особенно пикантной сценой дельтапланеризма, и им удалось бы продать больше билетов в кино, если бы главный актер умер за свое искусство. Лишь потом я узнал, что съемки перенесли из-за того, что они не могли получить страховку.

– Не волнуйся, – сказал Кен. – Ты будешь в полной безопасности.

Доводилось ли мне летать на дельтаплане? Конечно же, нет. Это не то, чем можно заниматься в Шепердс-Буш. Но тем не менее в холодный ветреный октябрьский день я оказался на полпути в

Мальборо-Даунс, перед этим получив краткий урок от инструктора. Шаг первый: тридцать ярдов в гору. «Хорошо, выдвиньте планку вперед, чтобы подняться, и потяните ее вниз, чтобы опуститься, – сказал парень. – И на вас должен быть шлем для безопасности. Наденьте это». Непонятно, как мотоциклетный шлем почтового курьера поможет при падении с высоты пятисот футов. Последнее напутствие: «Что бы вы ни делали, не останавливайтесь. Иначе рухнете вниз как камень. Всегда лучше двигаться слишком быстро, а не слишком медленно». Такой совет по мне. Я всегда двигался слишком быстро. Я побежал вниз по склону, выдвинул А-образную раму, как мне говорили, и поднялся на расстояние пяти-шести футов над землей. Я пролетел добрых пятьдесят ярдов перед тем, как шлепнулся на задницу. Шаг второй: еще двадцать ярдов в гору. «У нас будет еще один заход, прежде чем мы попробуем с вершины». Итак, я снова побежал, выдвинул А-образную раму, почувствовал, как конструкция оторвалась от земли и продолжила набирать высоту. Все выше и выше. Я поймал восходящий поток воздуха и взмыл на двести футов, прежде чем успел среагировать. «Не останавливайся, не останавливайся» – это все, о чем я мог думать. В итоге мне снова удалось приземлиться на полной на скорости, в огромный куст улекса.

– Отличная посадка, – сказал инструктор. – Теперь давайте попробуем с вершины холма.

Похоже, мое обучение подошло к концу и я был полностью готов. Мотор! Теперь я был прямо на вершине холма в форме Томми: джинсы, голый торс, босиком, без шлема. Там было еще несколько парней со своими планерами, и они смотрели на меня с открытыми ртами. Что за идиот? Мне было все равно. Это было приключение. Я бросил взгляд с холма, затем посмотрел на облака, глубоко вздохнул и побежал. Как только дельтаплан поднялся в воздух, я начал петь. Снято. Я совершил идеальную посадку в поле у подножия холма. Там росло полно чертополоха, но мне было наплевать. Я выжил. Работа выполнена. И тут, конечно же, Кен, широко улыбаясь, сказал: «Давайте попробуем еще разок».

* * *

Когда Кен попросил меня сыграть Франца Листа в его следующем фильме «Листомания», я подумал, что он шутит. Когда я понял, что это не так, то без раздумий сказал «да». Это был единственный раз, когда The Who были для меня не на

первом месте. Дело скорее не в том, что мне хотелось продолжать сотрудничество с Кеном. Он доставал из меня вещи, которые помогали мне с пением. Другая причина заключалась в том, что я хотел узнать больше об актерском мастерстве. Я хотел обзавестись еще одним козырем в рукаве. Не мешало бы немного поиграть на стороне. «Томми» был для меня своеобразным мастер-классом, но я до сих пор мало что понимал в актерском мастерстве. Мне требовалось больше опыта, чтобы разобраться что к чему. В течение следующих нескольких лет я брался за любую роль, какой бы ничтожной она ни была. Я много сотрудничал с Film Foundation (американская организация, основанная режиссером Мартином Скорсезе; занимается сохранением фильмов и проводит образовательные мероприятия, связанные с кино. – *Прим. пер.*). И как можно забыть мою роль незадачливого гостя, который умер во время неудачной процедуры трахеотомии в фильме ужасов Ричарда Маркуанда 1978 года «Наследство»? Но в 1975 году я все еще был начинающим актером. Мне приглянулась идея иметь вторую карьеру в запасе не потому, что я мечтал бросить микрофон и стать кинозвездой, а потому, что я никогда не знал, когда микрофон может бросить меня.

Группы постоянно распадались. Тот факт, что мы все еще были вместе, удивлял всех, включая нас самих. Из слов Пита о нас в музыкальной прессе или на сцене между песнями создавалось впечатление, что нам оставался месяц, от силы два. И если мы распадемся, было бы слишком поздно возвращаться на завод листового металла. Я был в группе с подросткового возраста, и мне уже исполнилось тридцать лет, а это солидный возраст для рок-музыки. Мне нужно было что-то, на что я мог положиться. Кроме того, работать над фильмом было намного проще, чем мотаться с песнями по всему миру. Да, приходилось рано вставать, и я к этому все никак не мог привыкнуть. Но достаточно было укрыться от взора Кена, и вы всегда могли поспать между дублями. Это была самая непыльная работенка в моей жизни.

Тогда я сказал, что «Листомания» обернется либо огромным провалом, либо огромным успехом, и, в итоге, с уверенностью можно заявлять, что мое второе предположение не подтвердилось. Это определенно была образцовая работа Кена. Объем сценария составлял всего пятьдесят семь страниц (остальное таилось в темных чертогах сознания Кена), и диалоги были ужасными. Визуально я мог понять, что пытался сказать Кен, но я чувствовал, что подвел его. Зная то, что я знаю сейчас, я бы изменил каждое слово и раскрыл бы своего персонажа. Но

тогда я понятия не имел, как грамотно подать строчку диалога. Думаю, что благодаря многолетней практике мне удалось стать лучше. Но даже сейчас, если вы напишете что-то, что я должен буду прочитать, я не смогу это сделать. Я либо говорю от сердца, либо вообще не говорю. Я нахожу пение намного более естественным. Жизнь это не спектакль, это опера. Мое пение исходит из сердца. Но слова других людей исходят из мозга.

Так что да, мой второй фильм с Кеном Расселом не возымел большого успеха. Члены общества поклонников Листа строчили кинокритикам письма еще до того, как те увидели картину, предупреждая, что в сюжете содержатся сцены «изнасилования, кровопролития, экзорцизма и кастрации». «Общество Листа и половины не знало, – написал кинокритик “The Sunday Times”. – Это вульгарный, дерзкий, почти что порнографический фильм. И он мне нравится». Большинство других критиков не разделяли мнение своего коллеги, но я подумал, что некоторые сцены из фильма получились абсолютно феноменальными. Сцена с Фионой Льюис в швейцарском загородном доме вышла исключительной. Со съемок я вынес две вещи, которыми был безмерно горд: во-первых, я приобрел бесценный актерский опыт, а во-вторых – восьмифутовый пенис.

Гигантский розовый фаллос из пенопласта, который я захватил с собой по окончании съемок, использовался в качестве реквизита в одной из фантастических сцен фильма. Он выглядел немного потерянным в буфете магазина в Шеппертоне, но не таким потерянным в роли члена, который был гильотинирован в одном из самых непристойных и причудливых моментов. Я решил, что найду ему применение дома. «Томми» хорошо выстрелил, и слава кинозвезды вызвала целый ряд проблем с приватностью между мной и моим любопытным соседом. Он постоянно выступал против всего, что я хотел сделать на своих тридцати пяти акрах земли. Несмотря на то, что изгородь вдоль нашей границы была высотой в десять футов, я часто ловил его на подглядывании. Поэтому я решил дать ему что-нибудь, на что он мог полюбоваться.

В один прекрасный вечер я воздвиг эрегированный орган в центре круговой дорожки в палисаднике. Ни свет ни заря раздался громкий стук в дверь. На пороге я обнаружил здоровенного сержанта полиции и его коллегу, которые изо всех сил пытались выглядеть серьезными.

– Я пришел с жалобой на постройку, сэр, – сказал он настолько серьезно, насколько это возможно.

– О, вы имеете в виду пенис? – ответил я. Офицер чуть не прикусил язык. – Кто жаловался?

– Эту информацию нам не разрешается разглашать.

– Но зачем кому-то жаловаться, офицер? Никто ведь не видит.

– Верно подмечено, – улыбнулся сержант.

Они прошли по дорожке, чтобы осмотреть фаллос, прежде чем сесть в машину и уехать. Мне кажется, что в течение следующей пары дней каждая полицейская машина Сассекса проехала мимо моего дома. Я никогда не видел столько улыбающихся полицейских. На пятый день в мою дверь раздался очередной громкий стук. Меня приветствовал начальник полиции Сассекса. Вид у него был как у человека, страдающего от сильной зубной боли, и он сразу перешел к сути.

– Мистер Долтри, не могли бы вы все-таки убрать объект с лужайки?

– Но его ведь никто не может видеть, если только они не проникли на мою собственность или не подглядывают.

– Технически вы правы, – согласился он. – Но ваш сосед уже замучил меня. Не могли бы вы убрать сооружение ради всеобщего спокойствия?

Ему следовало бы наведаться к моему соседу, чтобы арестовать настоящего преступника, но к тому времени я уже достаточно повеселился и мне стало его жаль. Поэтому я убрал свой восьмифутовый пенис и заменил его на трехфутовый, укороченный гильотиной.

* * *

Премьера «Томми» состоялась в марте 1975 года, и, пока Тина Тернер, Элтон Джон, Энн-Маргрет, «Стоунз», «Битлз», Дин Мартин, Пит, Кит и Джон посещали различные экстравагантные вечеринки по всей Америке, я все еще работал над «Листоманией». Хизер была в больнице Пембери, ожидая рождения нашей второй дочери, Уиллоу. В первый год ее жизни я не был рядом так часто, как хотелось бы. Мы нашли няню через бас-гитариста Led Zeppelin Джона Пола Джонса – она дала бы фору самой Мэри Поппинс. Но в те короткие промежутки, когда я был дома, жизнь превращалась в сказку. Я мог любоваться холмами Сассекса и чувствовать, как возвращается спокойствие. Если бы я был лишен всего этого: семьи, тишины, места, где внешний мир не мог до меня добраться, то мне пришлось бы намного сложнее. Ведь этот год выдался поистине тяжелым. Фильм привлек ко мне море внимания – совершенно иного уровня, отличающегося от всего того, что было с The Who.

Я помню, как однажды в Техасе занимался продвижением своего второго сольного альбома *Ride a Rock Horse*. Это была обычная автограф-сессия, но там были тысячи и тысячи людей. Целая толпа пришла посмотреть на Томми. Спустя сорок с лишним лет я могу поделиться с вами парочкой сухих наблюдений о мире показного искусства. В то время это было страшно, очень страшно. Истерия выбивала почву из-под ног. Я не мог справиться с этим и немного сбился с курса.

После выхода «Томми» меня начали звать в Голливуд. Я был номинирован на «Золотой глобус». Ни много ни мало премия в номинации «Лучший актерский дебют». Мне не удалось ее получить: у Брэда Дурифа (Билли Биббит из «Пролетая над гнездом кукушки») получился куда более крутой дебют в том году. Энн-Маргрет получила награду за лучшую женскую роль, а Пит был номинирован на «Оскар» за свой саундтрек. И вот я появляюсь на американских передачах. Я не был к этому готов, я не мог справиться с таким уровнем дотошных вопросов. Я давал интервью годами, но в этот раз все было более личным и более интенсивным. На базовом уровне мой акцент совсем не приспособлен для американской аудитории. Я не мог понять их, а они не могли понять меня – как культурно, так и буквально. Американские телеведущие – это отдельный вид искусства. То, как они общаются с аудиторией, – это совсем другой уровень комфорта и легкости. Мои нервы сдавали, и я начинал з-з-з-заикаться.

Для меня это должно было быть волшебное время: парнишка из Шепердс-Буш покоряет Голливуд. Особенно учитывая тот факт, что жизнь в Британии стала довольно мрачной. Шел 1975 год, вершина социалистической Британии. Гарольд Уилсон снова был премьер-министром, лучшие работники платили 98-процентный налог, и все группы сгинули в небытие (мы были одними из немногих, кто выжил). Вся страна заглохла. Если я планировал уехать в Голливуд, сейчас было самое время заняться этим. Но я быстро понял, что все это было фальшивкой, сказкой. За всеми этими сверкающими улыбками и потоком комплиментов было полное отсутствие искренности. Стоит вам пробиться на вершину, как люди думают, что вы начинаете вращаться в сливках общества. Знаком ли я с таким-то актером или таким-то музыкантом? Во-первых, если меня спрашивали, знаю ли я кого-нибудь, мой первый инстинкт был всячески это отрицать – привычка, которую я получил на улицах западного Лондона: «Нет, дяденька. Никогда в жизни не видел его». Чтобы ненароком никого не подставить. Во-вторых, я действительно не знал всех этих людей в тусовке. Я встречал их, потому что наш мир тесен,

но знал ли я их? Мы выросли, выступая с The Beatles, The Rolling Stones, The Kinks. Но я никогда не дружил ни с кем из них. Мы разошлись как в море корабли. Они отыграли свой концерт, мы отыграли свой. Окажись мы в одной программе, это не имело бы большого значения. Роберт Плант стал моим настоящим другом, а позже и Эдди Веддер из Pearl Jam. Всего лишь несколько человек из бизнеса, но их не очень много. Ребята из группы были моими ближайшими родственниками, и помимо этого у меня были друзья, мои настоящие друзья. Чтобы действительно узнать кого-то, нужно время, а у нас его никогда не было. К тому же я никогда не любил светиться на шикарных мероприятиях, лобызаться со знаменитостями. Я всегда нервничал. Любое собрание давалось мне нелегко. В конце концов я всегда лез на стену в каком-нибудь дальнем уголке.

Я нахожу светские беседы довольно трудным занятием. Может быть, это лишь побочный эффект от всех тех лет, когда мной помыкали люди, которых я не знал и не желал знать. Сегодня мне по душе только званые обеды, шесть человек максимум. Более того, у меня серьезные проблемы со слухом. У меня настолько плохой слух, что шесть человек – это предел. С таким количеством гостей я довольно легко веду светскую беседу. В любом случае Голливуд был и остается крайним олицетворением бессмысленного панибратства, и я чувствовал себя чужим на этом празднике жизни.

Та же категория людей, которые предполагают, что мы проводим все время, развлекаясь в кругу богатых и знаменитых, часто задает мне вопрос о том, изменила ли меня слава. Я отвечаю, что не изменила. Несмотря на невиданный ураган событий, в котором я живу, несмотря на резкое изменение обстоятельств, от зеленых скиффл-подростков до одной из крупнейших рок-групп в мире, я почти не изменился. Я все тот же, только вырос. Но люди вокруг меняются, и я думаю, что именно это вызывает чувство тревоги. Думаешь, каждый человек, который встречается на пути, является тем, кем кажется? Честны ли они со мной? То же самое происходит в любой сфере жизни, но, когда ты знаменит, ты словно смотришь на все через увеличительное стекло. Маленькие вещи становятся огромными. Люди думают, что ты изменился, но на самом деле это не так. Понятия не имею, что станет с некоторыми сегодняшними знаменитостями, когда они подрастут, ведь у некоторых нет даже хоть какого-нибудь таланта, на который можно было бы опереться. Через пятнадцать минут в их обществе остается только тьма или участие в передаче «Я знаменитость, заберите меня отсюда!»[16].

Под увеличительным стеклом весь сопутствующий шум и свет, которые по пятам идут за славой звезды, стали для меня невыносимы. Поэтому я вернулся из Страны Вечного Солнца в Земли Вечного Налогообложения, полной грудью вдохнул благодатный воздух Сассекса и вернулся к относительно здравомыслящей жизни в рок-группе.

Глава 15. By Numbers

Пит тоже боролся с бременем славы, когда писал песню «How Many Friends». Он сказал, что во время работы над ней был «обдолбан до беспамятства, выплакал свои глаза, оторвался от работы и от всего проекта, чувствовал себя опустошенным». Не это должна чувствовать рок-звезда, номинированная на «Оскар». Мы записали этот трек и остальную часть альбома *The Who by Numbers* в Шеппертоне весной 1975 года, в самый разгар сумасшествия. В «New Musical Express» нарекли его «предсмертной запиской Пита Таунсенда». Он давал длинные интервью, полные ненависти к себе и ненависти в целом. Он сказал, что наша аудитория никуда не годилась и что мы никуда не годились в последнем туре. Он всегда сообщал нам о своих чувствах через средства массовой информации. Почему мы никогда не разговаривали лицом к лицу? Почему он просто не мог позвонить? Я не знаю. Я действительно не понимал этого. Но я полагаю, что это было просто не в нашем стиле.

Я очень закрытый человек. Почему, по-вашему, мне понадобилось так много времени, чтобы написать эту автобиографию? Так что мне было действительно больно читать, как Пит критикует мое пение перед всем миром. Я надеялся, что мы поговорим с глазу на глазу, что он наберет мой номер. На критических этапах нашей жизни мы говорили лицом к лицу, как мужчина с мужчиной. Я пришел увидеться с ним, когда он подсел на героин, и, к его чести, он обратился в реабилитационный центр. Он явно ко мне прислушивался. В этом смысле мы очень, очень близки. В трудные времена мы можем положиться друг на друга. Мы друзья, но не в том смысле, что названиваем друг другу и устраиваем совместные обеды. Социальные тонкости – не наша сильная сторона, но между нами есть связь. Ее трудно описать, однако я думаю, что в этом вся суть. Многие люди слишком напуганы, чтобы говорить с Питом, потому что он живет в своем переменчивом мире. Иногда, без предупреждения, без видимой причины Пит может задеть вас за живое, может создать впечатление очень подлого или даже злобного человека, но в глубине души он совсем другой. Этот не тот человек, которого бы вы хотели обидеть. Я никогда не хотел причинить ему боль, даже когда нокаутировал его. Но я никогда не боялся выкладывать ему все как есть (хотя я стараюсь держаться подальше, когда вижу тревожные звоночки).

Пит, с другой стороны, мог сообщать о своих музыкальных проблемах только через прессу. Он никогда не обращался к нам,

когда был в беде. Он никогда не делился своими проблемами. Может быть, у нас получилось бы ему помочь? Студия это такое место, где решаются проблемы, но мы еще никогда не выходили с ним на такой уровень доверия. Он дал интервью журналистам для того, чтобы сообщить нам, какие мы плохие. Я был на тех же концертах, которые он поливал грязью. Я помню, как Джон и Кит на шоу в Rainbow Theatre отчаянно старались не отставать от Пита. Он напивался все сильнее и сильнее, становясь все яростнее, до того момента, пока его музыка не перестала иметь хоть какой-то смысл. А затем, спустя неделю, он ширнулся героином или чем-то в этом роде. Без предупреждения он отправился в какое-то дикое музыкальное путешествие, беспорядочно перескакивая с одной тональности на другую. Это был кошмар. А потом спустя несколько месяцев мы узнаем, что, оказывается, это мы виноваты, что это Джон с Китом были дерьмом, а не Пит.

Как он мог перевернуть все с ног на голову и сообщить им через «New Musical Express», что они были дерьмом? Они не были дерьмом, они были великолепны. Они проявляли чудеса изобретательности. Мы втроем рвали наши задницы на сцене. Той ночью обделались не The Who, а Пит. Ладно, он никогда не был дерьмом, но напился в дерьмо. Или витал в облаках. Возьми на себя ответственность в конце концов! Он мог признать, что был пьян, что испытывал давление, но вместо этого он обвинил нас, и я заступился за группу. Разумеется, музыкальная пресса обожала конфликты. Что еще так хорошо продает газеты, как не грызня между рок-звездами? Но тогда я искренне разозлился.

Что касается менеджмента, наши отношения с Китом Ламбертом и Крисом Стэмпом ухудшились до такой степени, что мы подали друг на друга в суд. Мы проделали полный круг от первой нашей встречи в «Железнодорожной таверне» в 1964 году, наполненной оптимизмом и надеждами, до состояния, когда мы стали врагами по разные стороны баррикад в окружении юристов, жадно облизывающих губы. Почва уходила у нас из-под ног, и если бы тем летом группа окончательно разрушилась, взорвавшись от собственного успеха, никто бы не удивился. Такое происходило и с менее взрывоопасными коллективами, чем наш.

Но затем, к октябрю, мы снова отправились в турне. Пит провел лето со своей семьей в Америке, изливая душу Муршиде Айви Дуче, доверенному лицу индийского духовного учителя Мехера Бабы. Наставление, которое он получил от Айви Дуче, заключалось в том, чтобы «продолжать играть на гитаре в The Who до дальнейших указаний». Честно говоря, я обеими руками был за. За всю полувековую историю группы был только один

период, когда я отрицательно относился к тому, чтобы выступать с The Who, но до него оставалось еще четыре года.

Пит продолжал твердить, что мы были ностальгической группой. Он сказал, что ненавидит гастроли. Я уже упоминал, что для него все было по-другому. Я не мог сидеть на заднице ровно и жить за счет гонораров, потому что должен был заботиться о своей молодой семье и двух детях. Но это была не единственная причина, из-за которой я хотел продолжать гастролировать. Ты просто обязан заниматься этим. Если вы не гастролируете, вы мертвы, вас не существует. Все те люди, которые предсказывали нашу скорую кончину, оказались бы правы, если бы мы остановились. Я видел только несколько групп, которые исчезали лет на десять и по возвращении были все так же хороши. Они продолжали прямо с того места, где остановились. Но чаще всего такие группы уже не возвращаются. А если они попытаются это сделать, то поймут, что их огонь погас. К счастью, а может, в результате божественного вмешательства, Пит перешагнул через свои многочисленные возражения против нашего существования, и поэтому мы снова отправились в путь с нашим новым блестящим мрачным альбомом.

В некотором смысле *The Who by Numbers* – мой любимый альбом. Это был наш седьмой студийный альбом, и я помню, что мы понятия не имели, что творим. Пит просто вывалил передо мной кучу песен, и я выбрал те, которые мне понравились. Он был удивлен моим выбором. Для меня такие песни, как «Imagine a Man», «How Many Friends» и «However Much I Booze», раскрывают наши уязвимости, и в этом заключается красота этого альбома. Речь идет об уязвимости в более широком смысле этого слова. Увидев текст песен, я подумал, что это обязательно нужно спеть. Если эти песни смогут привлечь внимание людей нашего возраста на тот период нашей жизни, то наша музыка сможет достучаться до них. А это все, что меня заботило.

Мы начали с одиннадцати шоу в Британии, и после скрипучего старта все встало на свои места. Создавалось впечатление, что все хотят прийти на наши концерты. После Нидерландов, Германии и Австрии мы в конце ноября приехали в Штаты, чтобы дать концерты на юге страны. Площадки становились настолько большими, что нам нужно было больше звука и света. Джон Вольф, наш заведующий производством, чувствовал себя как ребенок в особенно диковинной кондитерской. Он экспериментировал с лазерами, голограммами и всякими новаторскими вещами. К концу 1975 года наша дорожная команда транспортировала беспрецедентное количество единиц оборудования с концерта на концерт. У нас

было три аргоновых лазера: один в задней части сцены и два по бокам. Они были настолько мощными, что их нужно было подключать к ближайшему пожарному гидранту для охлаждения. Но это того стоило. Люди никогда не видели ничего подобного. Это поражало их воображение. Освещение было гениальным.

Тогда мы этого еще не знали, но эти концерты ознаменовали самый расцвет наших сил. Когда мы снова пустились в турне ранней весной, Кит попал в беду. Через пару лет после того, как Ким покинула его, он переехал в Калифорнию и был вне досягаемости. Мы никогда не были особо близки – мы были друзьями, но никогда не общались друг с другом, это просто не входило в нашу сделку. Ситуация начала меняться во время съемок «Томми», когда мы стали намного ближе.

Однажды я зашел к нему домой и онемел от удивления. Сразу вспомнилась стена спальни подростка Кита в Уэмбли. Все стало реальностью, но это не было похоже на детскую мечту. Он купил пляжный домик по соседству со Стивом Маккуином в Колони, самом дорогом районе Малибу. Аннет, его новая шведская подруга, выглядела точно так же, как Ким, вылитая копия калифорнийской серферши с плаката. Я ехал туда с хорошим предчувствием, но, когда я вошел в гостиную с огромным панорамным окном, из которого открывался вид на тихоокеанские закаты, стало очевидно, что все было не очень-то и хорошо. Комната была пуста, за исключением двух диванов и гигантского персидского ковра. На ковре была навалена куча собачьего дерьма. Ее никто не замечал, или же всем было все равно.

Мечта Кита о жизни по соседству со своим кумиром тоже пошла наперекосяк. Прежде всего на это указывала живая изгородь, но не та, которую вы привыкли видеть, а высаженная из гигантских тропических деревьев. Маккуин огородился гигантскими пальмами, чтобы не пускать Кита на свою территорию. Их отношения могли сложиться лучше. Между ними определенно было нечто общее. Они оба происходили из рабочего класса, оба оказались в центре внимания и оба боролись со своей славой. Они могли бы помочь друг другу, но, когда Кит впервые подошел к Маккуину, чтобы представиться, он расстроил его шестнадцатилетнего сына, а затем его цапнула сторожевая собака, которую он укусил в ответ.

В результате Киту пришлось расплачиваться с Маккуином в офисе окружного прокурора Малибу. Это был шанс начать все сначала, но на встречу Кит решил вырядиться в свою форму эсэсовца и все прошло не очень хорошо. Затем он установил прожекторы, которые освещали пляж Маккуина, в надежде

увидеть обнаженной его жену Али Макгроу. Отсюда и пальмы. Я пошел поговорить с ним, потому что всем было понятно, что в Калифорнии он слетел с катушек. У него не было денег, а деньги, которые он мог достать, тут же тратились. Когда мы отказались дать ему больше денег, он одолжил десять тысяч долларов у нашего агента Фрэнка Барсалоны. Через неделю он вернулся и попросил еще. Фрэнк, понятное дело, был в шоке и отметил, что никто, даже Кит Мун, не сможет спустить за неделю десять тысяч долларов. Кит, понятное дело, объяснил, что ему пришлось нанять самолет, чтобы вывесить плакат с надписью «С днем рождения, Ринго».

9 марта 1976 года мы успели отыграть две песни на шоу на арене «Бостон-гарден», прежде чем Кит упал без чувств. Официальная причина – грипп. Настоящая причина была обычной: коньяк и барбитураты, которые привели к срочной госпитализации в Массачусетскую больницу. На этот раз в аудитории не нашлось Скота Хэлпина из Маскатина, штат Айова, чтобы спасти концерт. Мы отыграли недостаточно долго, чтобы нам это могло сойти с рук. Оставалось только уйти со сцены. Зрители остались разочарованы, а группа была сыта Китом по горло. На следующую ночь мы оказались в Нью-Йорке. Кит остановился в «Наварро», мы же с Хизер сняли номер в «Плазе». Поступили слухи, что он сильно порезал себе ногу в своем номере. Я помню, как сказал Хизер: «Он пытается уничтожить себя». Среди ночи я решил пойти проведать его. Кит лежал на кровати с покаянным видом. Стены его номера были украшены крупными мазками черной краски – последствия недавнего инцидента. Он прорезал артерию в ноге и обрызгал стены темной артериальной кровью. Ему повезло: он выжил. Хладнокровный Билл Карбишли нашел его и сумел наложить жгут на рану, прежде чем Кит истек кровью. Судя по абстрактному искусству на стенах комнаты, скорая помощь прибыла в самый последний момент.

– Извини, Родж, – вот и все, что смог выдавить из себя Кит.

– Не беспокойся об этом, – сказал я. – Но ты должен сказать мне, что происходит. Зачем ты занимаешься саморазрушением? Это все из-за Ким?

Конечно, всему виной была Ким. Это очевидно. Каждую свою девушку он одевал как Ким. Он даже нанимал проституток и заставлял их одеваться так же, как она. Он всегда носил с собой светлый парик, чтобы нанести завершающий штрих. Когда я задал вопрос, на который уже знал ответ, он кивнул, а потом расплакался.

– Я никогда не верну ее, – сказал он.

Долгое время царила тишина, нарушаемая только звуками рыданий Кита. Я не знал, что сказать. Я просто сидел на краю кровати.

– Да, – сказал я в конце концов, – она может и не вернуться, но если ты ее любишь и покажешь ей это, то она всегда будет рядом. Так это случается с твоей настоящей единственной любовью. Возможно, все будет не так, как у вас было раньше, но тебе не обязательно лишаться всего.

Он оглянулся и тупо уставился на меня. Комната снова погрузилась в тишину. Поэтому я спросил его:

– Ты переживаешь из-за Нила?

Тут он снова заплакал.

– Я убийца, – сказал он. – Я убийца.

– Нет, Кит. Это были обстоятельства. Это могло произойти с кем угодно.

Дальше я сказал ему, что он сделал то, что считал лучшим на тот момент, а также посоветовал ему отпустить прошлое и обратиться за помощью. Через несколько мгновений он сел в кровати и, по своему обыкновению, обнял меня, хотя это мне следовало бы обнять его.

Когда спустя некоторое время я покинул его номер, Кит выглядел немного бодрее. Он был счастлив или делал вид, что был счастлив. И мы никогда больше не говорили об этом. В течение следующих восемнадцати месяцев, до самого конца своей жизни, Кит звонил мне. Я не думаю, что кто-то еще отвечал на его звонки. Он звонил в четыре утра, когда я был дома, а дети лежали в постели, и мы всегда знали, что это Кит. Хизер была особенно добра к нему в тот темный период его жизни, и мы сделали все, что было в наших силах. Конечно, за последние сорок лет я часто корил себя за то, что должен был сделать намного больше.

В конце концов он вернулся в Лондон. Он отвернулся от своей потускневшей калифорнийской мечты, оставив Стива Маккуина в покое, и, заняв больше денег у Пита, арендовал подходящее жилье на Керзон-стрит в Мейфэре. Это был первый шаг. Вторым шагом было привести себя в форму. Он не смог бы сыграть наш изматывающий сет, если бы не был в форме. Я все капал ему на мозги, пока однажды он не появился в студии в брюках и куртке для верховой езды.

Чтобы привести себя в порядок, он записался на занятия по верховой езде на трассе Роттен-Роу в Гайд-парке. Его задница, должно быть, чертовски болела в ту ночь, но это был хороший знак. По крайней мере он пытался. К сожалению, когда осенью 1977 года мы начали работу над нашим восьмым студийным альбомом *Who Are You*, стало очевидно, что его физическое

состояние и его мастерство барабанщика сильно пострадали за последние пять лет всевозможных злоупотреблений. Все дело в хватке: либо она у тебя есть, либо ее нет. И в последние месяцы жизни Кита природный талант оставил его. А без таланта ему оставалось лишь катиться по наклонной.

Я иначе распоряжался своим свободным временем. Там, где у Кита были проститутки и наркотики, я был одержим более мирскими вещами. Дом поглощал всю мою избыточную энергию. Я начал с озера перед домом. Когда мы только приехали, эту неухоженную лужу вряд ли можно было назвать озером. Я заручился поддержкой Герберта, сына трактирщика, который управлял нашим местным пабом The Kicking Donkey. Его любимым занятием было играть с гигантскими бульдозерами. У него были игрушки, а у меня – детская площадка, и вместе мы провели немало счастливых недель, выкапывая и возводя плотину, пока, наконец, у меня не появилось подходящее озеро. Что может быть лучше, чем вырыть гигантскую чертову яму, а затем наблюдать, как она наполняется водой, как контуры земли формируют новое озеро, скрывая беспорядок и на его месте образуя нечто прекрасное? Удивительно, как быстро озеро облюбовали всевозможные представители дикой фауны. Наверное, поэтому на противоположной стороне фермы у меня появились четыре соединенных между собой озера. Стоило только начать…

Учитывая, что у меня были все эти озера, я мог приглашать своих старых товарищей с фабрики на рыбалку почти каждые выходные, когда я не гастролировал. Они сидели у воды, болтали ни о чем и говорили, что, мол, это преступление держать всю эту красоту для себя. «А что насчет людей вроде нас, которые живут в многоэтажках, Родж? Мы бы хотели приезжать в такое место, чтобы порыбачить». Разумеется, они были правы, так что я открыл озера для публики. В начале восьмидесятых годов ловля форели нахлыстом стала новым видом спорта для работающего человека, и это дало мне возможность встретиться со многими людьми, которые больше интересовались рыбой, чем рок-звездой Роджером. Я горжусь тем, что сделал с этой землей. Если бы она продолжала пребывать в разорении, то вся долина была бы потеряна. Требуется огромная работа, чтобы сельская местность выглядела и функционировала должным образом. Для меня очень важно, что я позаботился об этом. Как бы банально это ни звучало, но я всего лишь арендатор. Я сохраняю землю для будущих поколений. Надеюсь, что оставил ее в надлежащем виде.

Мне потребовалось десять лет, чтобы украсить Холмсхерст. С помощью другого очень хорошего, очень верного и очень

терпеливого друга мы очистили каждый сантиметр деревянной поверхности с помощью средства для снятия краски. В какой-то момент викторианского периода прежние владельцы решили окрасить все перекрытия в черный, и потребовалось семь лет, чтобы вернуть им первоначальный медовый цвет. Мы работали в резиновых перчатках и комбинезонах, так что пот лился в три ручья, но я наслаждался практически каждой минутой этого процесса. Это была прямолинейная монотонная работа, полная противоположность всему, что я делал с The Who. Когда я не чистил, я копал, а когда я не копал, я мастерил вещи или занимался их восстановлением. Например, я несколько лет собирал старые цыганские караваны и викторианские карусели на ручном управлении. Я подружился с Джоном Картером, ранее работавшим в Школе изобразительных искусств Феликса Слейда, – высоким бородатым здоровяком, который любил собирать старинные автомобили, велосипеды, игровые автоматы и аттракционы. Ему даже удалось заполучить несколько паровых скакунов (в присутствии Джона их запрещалось называть каруселями, это было слишком… по-американски).

Джон был тогда немного ограничен в средствах. На дворе стояла середина семидесятых, так что с этой проблемой столкнулись многие, поэтому я купил кое-что из его коллекции и с радостью сам занялся реставрацией. Проблема была в том, что, как только я заканчивал работу, вещи превращались в обычные экспонаты, которыми можно было разве что любоваться (и заполнять ими сараи). В конце концов я продал два экспоната музею, а остальное – Джону… конечно, за разумную цену. А в 1977 году он и его жена Анна организовали свою замечательную «Паровую ярмарку Картеров». Она и по сей день громыхает по всей Британии.

В 1970-е годы, в промежутке между рытьем озер, восстановлением караванов и музыкой, я построил еще и кукольный домик для детей. На это потребовалось три месяца: одна сторона, чистая и ухоженная, для Рози, а другая – для Уиллоу, ее не такой опрятной соседки. Сегодня этот домик все еще стоит в спальне Рози, и я смотрю на него с той же любовью, с которой разглядываю какой-нибудь из наших альбомов. Я выпилил его из фанеры, не имея никакого плана, лишь чуточку смекалки. Это было настоящее блаженство. Мне кажется, в этом всегда заключался ключ – мне нужно было работать. Я искренне верю, что это одна из причин, почему я сегодня все еще здесь. Пит, обладающий невероятной трудовой этикой, выжил, создавая вещи у себя в голове и на пленке. Я выжил, делая вещи своими руками. Если бы у меня не было подобных занятий во время

нашего простоя, что бы я делал со своим свободным временем?

Помимо этого, от праведного пути мне не позволил отклониться один неприятный случай. В 1975 году, примерно в то время, когда я принимал приглашения из Голливуда, радовался рождению нашей второй дочери, выпустил свой второй сольный альбом и закончил сниматься для «Листомании», я уронил большой каменный шар себе на носок. В этом заключается одна из опасностей покупки такого довольно роскошного дома: в таких строениях полно плинтусов и колонн, и некоторые из них украшены на верхушке большими каменными шарами. Я пытался переместить один из них и потерял равновесие. Два года спустя у меня появилась подагра на пальце, который расплющил каменный шар. Лечение состояло из двух вещей: я бросил выпивку и отказался от пшеницы. В тридцать пять лет я был полной противоположностью гедонистическому рокеру. Мной не движет одержимость долголетием, все дело в том, что если я не буду заботиться о своем здоровье, то не смогу петь. Мои голосовые связки определили мой образ жизни, и поэтому я до сих пор жив-здоров. Но я живу осторожно. Этот чертов палец еще дает о себе знать.

Глава 16. Конец, начало и очередной конец

В четверг, 7 сентября 1978 года, Джеки Карбишли, жена Билла, позвонила Питу, а Пит позвонил мне.

– Он отбросил копыта, – сказал Пит.

– Кто? Отбросил что?

– Мун.

Кит Мун умер во сне некоторое время спустя после завтрака, наутро после того, как они с Аннет ненадолго посетили вечеринку в Ковент-Гардене, организованную Полом Маккартни в честь начала «Недели Бадди Холли». Мы не гастролировали весь год, потому что Кит был не в состоянии поспевать за нами. Было довольно сложно записать альбом *Who Are You* в Ramport. «Music Must Change», пятый трек на пластинке, вышел лишь чудом, потому что Кит испытывал проблемы с размером шесть восьмых. Конечно, он никогда не был музыкальным конформистом, но тут дело заключалось в другом. После четырех дублей и бесчисленных извинений он выскочил из-за своих барабанов и закричал: «Я лучший в мире барабанщик, который играет в стиле Кита Муна!»

И он был им до самого конца. Он умер из-за передозировки тридцатью двумя таблетками хлорметиазола, выписанными ему для борьбы с алкогольной абстиненцией. Он говорил, что разберется со всем этим, разберется с собой. Он вернулся в Лондон, занялся верховой ездой. Он все еще хотел играть в группе. Но это был путь в никуда. Мы были готовы к его смерти уже лет пять, а может, и дольше. Это могло произойти в любой день в течение этого времени. Но когда до нас дошло это неизбежное известие, оно все равно стало большим ударом. Странно, конечно, так долго ожидать чего-то подобного, но в действительности это шокировало больше, чем если бы его смерть произошла внезапно. Мы привыкли к ожиданию до такой степени, что нам казалось, будто этого никогда не произойдет. Его смерть опустошила меня и, я уверен, Пита и Джона тоже.

На следующий день мы объявили о том, что мы были решительно настроены не останавливаться и хотели, чтобы дух группы, в которую Кит внес такой большой вклад, продолжил жить. Конечно, нас будто громом ударило, но это были не пустые сантименты – мы сделали заявление со всей серьезностью. Я был уверен, что группа должна выжить ради музыки. Разумеется, свою роль сыграл и личный интерес – это была моя профессия и моя

жизнь.

Позже Пит скажет, что смерть Кита помогла нам не сойти с дистанции. Она дала нам еще несколько лет. Если смотреть на случившееся объективно, мы получили свободу. Мы никогда не смогли бы заменить Кита, но теперь, когда он ушел, у нас появилась возможность. Мы всегда были четверкой, квадратом, комнатой с четырьмя стенами. Теперь, когда одна из стен рухнула, комната была открыта навстречу бесконечности. Перед нами возникло бесчисленное множество вариантов. Мы были открыты миру безграничных возможностей. А потом, как-то внезапно, мы снова закрыли комнату.

В январе 1979 года Пит пригласил нашего старого друга Кенни Джонса стать барабанщиком The Who. Кенни нам всем очень нравился, и во время совместных туров я ладил с ним лучше, чем с остальными участниками группы. Еще он был отличным барабанщиком, но совершенно не подходил к нам. Он подходил своей группе The Faces.

Я не имею в виду ничего унизительного. В то время люди думали, будто я считаю Кенни – дерьмовым барабанщиком. Я никогда не говорил, что Кенни дерьмовый музыкант. Он был дерьмовым барабанщиком для The Who, точно так же, как Кит был бы дерьмовым для The Faces. Он абсолютно нам не подходил. У них был свой стиль, а у нас – свой. Они были сплоченной группой, играли что-то в стиле Chas & Dave и Рода Стюарта – веселые песни для паба, и им нужен был барабанщик-метроном, такой как Кенни. The Who были абсолютно другими. Мы вкалывали на сцене до седьмого пота, паля из всех орудий. Если бы Кит играл в The Faces, он бы заглушил всю остальную группу.

Тем не менее решение было принято, и Кенни взяли в группу. По контракту он получал одну четвертую выручки, что было просто глупо. Но так того хотел Пит, поэтому Пит так и сделал, и я уступил ему от греха подальше. 2 мая 1979 года, после большой репетиции в Шеппертоне, мы прибыли в Rainbow Theatre в парке Финсбери, чтобы провести наше первое турне с Кенни вместо Кита.

Поначалу все шло неплохо. На самом деле было здорово снова выступать. Это было огромное облегчение, своего рода терапия. Каждому из нас было тяжело двигаться дальше. Явственно ощущалось отсутствие Кита. Столько безумных лет вместе, вечер за вечером, концерт за концертом, и всего этого уже не вернуть. Так что эмоции давали о себе знать. Казалось, что каждую ночь мы пробегали марафон, но оставалось лишь смиренно опустить головы и погрузиться в музыку. Между песнями мы не проронили ни слова, но музыка звучала на

удивление крепко, как и все остальное. И Кенни, к его огромной чести, был великолепен. Он играл на энергетическом уровне, требующемся для The Who. Многое из того, что мы играли на тех гастролях, было с нового альбома, что упростило задачу. План сработал, и наш квартет начал приобретать очертания. Лишь когда мы вернулись к старым песням, возникло ощущение пустоты.

Мы гастролировали по Великобритании, Франции и Германии. Концертов становилось все больше и больше. Мы выступали на стадионе «Уэмбли», сыграли перед шестьюдесятью пятью тысячами зрителей на стадионе Цеппелинфельд в Нюрнберге, провели пять аншлаговых вечеров в Мэдисон-сквер-гарден. Куда бы мы ни пошли, спрос на билеты намного превышал вместимость зала. Промоутеры разыгрывали билеты в лотерею, и все залы трещали по швам. А затем в декабре мы прибыли в «Риверфронт-Колизей» в Цинциннати.

Это было хорошее шоу, даже больше – это было невероятное шоу, поэтому после выхода за кулисы было еще тяжелее услышать о том, что произошло. Стояла студеная ночь, и на площадке действовала свободная рассадка: кто пришел первым, того первым и обслуживали. Промоутеры решили открыть три из одиннадцати дверей в зале, так что все рванули внутрь, отчаянно пытаясь спастись от холода и прорваться в первые ряды. Все равно что засунуть слона в спичечный коробок. В ходе давки погибли одиннадцать человек. Благодаря Биллу организаторы приняли разумное решение не отменять шоу, чтобы предотвратить дальнейшую панику и воспрепятствовать тому, чтобы люди карабкались по телам мертвых и раненых. В результате мы провели весь концерт, даже не догадываясь о трагедии. Представьте, каково это – выйти за кулисы, испытывая эйфорию, звон в ушах и искрясь от радости, а в следующий момент узнать, что люди погибли, пытаясь попасть на наш концерт.

Я даже не помню, какая у меня была реакция. Известие об этом событии в ту же минуту дошло до широкой общественности. Люди тыкали в нас микрофонами, спрашивая: «Как вы себя чувствуете?» Что за идиотские вопросы задают журналисты, когда ты даже не успел прийти в себя. Как по-вашему я себя чувствовал? Замечательно? Это было ужасно, и я просто оцепенел от шока. В ту ночь я почти не мог уснуть, а затем, уже на следующий день, мы должны были отправиться в Буффало, Нью-Йорк, чтобы отыграть следующий концерт. Это была тяжелая ночь. Мы не общались друг с другом и с аудиторией. Но мы играли с чистой злобой из-за горя, которое мы все испытывали.

Полагаю, мы могли бы остановиться, но это даже не обсуждалось. Сначала смерть Кита, а теперь эта еще более ужасная и бессмысленная трагедия… Мы могли просто собрать вещи и отправиться домой. Но скажу, положа руку на сердце: я считал, что это ничего бы не изменило. Даже наоборот – наверняка усугубило бы страдания, во всяком случае для меня. Так что, возможно, это и был эгоистичный поступок, я не знаю. Или, может быть, погрузиться в музыку, с головой окунуться в представления – это была единственная терапия, которая помогла нам выкарабкаться из этого. Это совершенно точно помогло нам. Мы завершили тур и отыграли его хорошо. Эти десять оставшихся шоу после Цинциннати были одними из самых ярких в моей жизни. В музыкальном плане это был отличный тур, но эмоционально – это был кошмар.

Мы поддерживаем связь с друзьями людей, погибших на том концерте, но я не могу их вернуть. Я хотел бы этого больше всего на свете. Чувствовал ли я когда-нибудь вину за эту трагедию? Могу ли я нести ответственность за то, что произошло в Цинциннати? Конечно, не могу. Я не чувствую себя виноватым. Через это чрезвычайно сложно пройти. Сложнее всего было вернуться домой как раз перед Рождеством и увидеть всех своих друзей и семью. Вернуться в нормальное состояние после того, что случилось. Меня словно бы огрели битой для крикета. Заголовки газет Великобритании кричали об этой трагедии, но никто не знал, каково было находиться там. Не с кем было поговорить, чтобы облегчить ношу. Я долго гулял по своей ферме, разговаривая сам с собой. Я агностик, склоняющийся к атеизму. Мне кажется, что вера лежит в основе большинства проблем человечества. Но как же мне хотелось поговорить с кем-нибудь в ту мрачную зиму, притвориться, что есть какой-то божественный план и трагедия в Цинциннати просто была его частью.

* * *

Когда мы снова отправились на гастроли в 1980-м, стало очевидно, что все шло не так. Кенни ослабил энергию группы. Он пытался превратить The Who в подобие The Small Faces с их равномерным ритмом, подходящим для пабов, под который было почти невозможно фразировать слова песен. Мы играли те же песни, но делали это словно кавер-группа, выступающая в кабаке. Мы стали разобщенными. The Who испарились, а волшебные песни Пита стали заурядными. Я серьезно подумывал о том, чтобы купить Кенни пару щеточек для барабанов для «Му

Generation» – этой песне так сильно недоставало энергии в его исполнении. И без того достаточно тяжело давать трехчасовые концерты день за днем, даже когда у вас все работает как надо. Ты полагаешься на адреналин и энергию музыки, которые помогают тебе во время шоу. Но когда и это пропадает, концерт превращается в пытку.

Поэтому я усадил напротив себя Кенни и сказал: «Извини, приятель, я не могу продолжать, пока ты играешь на барабанах». Он почти ничего не ответил. Разве его можно было винить? Должно быть, было сложно не принять это на личный счет. Но, чтобы добиться успеха группы, приходится быть жестким. Ты просто не можешь быть посредственным. Группа может быть ужасной или блестящей. Третьего не дано. Поэтому вы должны найти в себе смелость принимать жесткие решения. Я поступил так с Гарри Уилсоном, моим лучшим другом, когда мы заменили его на Дага Сэндома. Теперь пришел черед Кенни.

Итак, мы организовали судьбоносную встречу на высшем уровне в доме Билла Карбишли в Чигвелле. Пит и Кенни сидели на диване, мы с Джоном устроились напротив, а Билл взял роль посредника. С моей стороны не было никакой агрессии. Я любил Кенни, но он попросту не подходил нам. Я знал это. Я знал, что и Пит был в курсе этого. Я чувствовал, как Пит проклинал себя, но просто не мог выставить себя злодеем. Поэтому я просто сказал то, что требовалось сказать. Если у машины не работают колеса, вас заносит из стороны в сторону. Итак, ультиматум: или я, или Кенни.

Кенни ничего не сказал. Билл ничего не сказал. Джон промолчал. Но Пит, не колеблясь и секунды, заявил, что у нас нет выбора и Кенни останется. Мне следовало бы уйти из группы в тот же день. Меня взбесило, что Пит низвел эту ситуацию до личных разборок. Почему он выбрал Кенни, а не меня? Чтобы найти ответ на этот вопрос, вам придется прочитать книгу Пита, но я ожидал немного большей поддержки.

Кенни остался, и я тоже, хоть и жалел об этом. Мы пустились в очередные напряженные гастроли. Отказ Пита принять трудное решение привел группу к медленной мучительной смерти. Я считаю, что это послужило толчком к тому, чтобы Пит основательно подсел на героин. На него обрушилась целая груда проблем: его брак, Цинциннати, давление, необходимость постоянно творить новый материал. Но именно когда колеса нашей группы начали отходить, он раскис по-настоящему. Не помню, кто мне позвонил, но меня попросили пойти увидеться с ним. Я был в Сассексе, и до меня доходили известия о том, как Пит пьянствовал в лондонских клубах. Я должен был увидеть его.

Несмотря ни на что, я был единственным человеком, кого он мог послушать. В те дни было очень трудно достучаться до Пита. Теперь все по-другому, и мы намного честнее друг с другом. Но тогда мосты могли сгореть в любую минуту.

Я все-таки отправился к нему на встречу. Усмирив свою гордость, я поехал в принадлежавшую ему студию Eel Pie Studio в Твикенхеме, и моему взору предстал Пит. Он был под кайфом, окруженный наркотиками и приспособлениями для их употребления. Я сел рядом и начал говорить. Я не знал, слышал ли он меня. Первые полчаса он точно находился не в этом мире. Но я продолжил говорить на протяжении трех-четырех часов. Я сказал ему, что это того не стоило, что он был слишком умен, чтобы закончить таким образом. Ведь он был против этого дерьма большую часть своей жизни, так зачем начинать сейчас? Я пытался разговорить его, вовлечь в диалог, но он не отвечал. Пит не ответил ни на один из моих вопросов, поэтому я все говорил и говорил с ним. Я ушел к концу дня, не ведая, удалось ли мне достучаться до него. На следующий день он записался в реабилитационный центр. Когда он вышел, мы записали наш десятый альбом *It's Hard («Это сложно»)*. И боже, это действительно было сложно. Пит рвал на себе волосы, пытаясь придумать новые песни. В конце концов у него получилось, но даже тогда мне казалось, что эти песни не идут в сравнение с нашими ранними работами. Все шло наперекосяк. Если вы послушаете эту пластинку, то обратите внимание, что каждый удар барабана отзывался дробью. Снова, снова и снова. Я думал, что свихнусь от этого.

В сентябре 1982 года я полностью осознал масштаб бедствия. Я собирался дать старт турне в поддержку нового альбома. Еще сорок два концерта, еще один трехмесячный изнурительный забег по Северной Америке. Как обычно, раскруткой я занимался самостоятельно. Пит не хотел иметь ничего общего с продвижением, он не желал давать интервью или участвовать в фотосессиях. Так что я был один в машине, готовясь вызвать у публики ажиотаж вокруг наших гастролей, как вдруг ко мне пришло озарение. Все! Это будет наш последний тур. Я объявил об этом на пресс-релизе и знал, что это был верный шаг. Это решит все наши проблемы. Пит избавится от чувства давления и больше не будет проблем с барабанщиком. Я застал группу врасплох, но я знал, что, если мы продолжим, она может погибнуть. Так что это был наш прощальный тур, и мы прорвались через него. Но даже тогда это был еще не конец, ведь нам предстояло выполнить оставшуюся часть сделки по условиям контракта на запись музыкального альбома.

Примерно через шесть месяцев после того, как мы сошли с дороги, Пит осел в Холмсхерсте. Он пытался написать следующий альбом и лично сообщил мне, что у него ничего не выходит. Пит исписался. Это действительно был конец. «Я больше не могу писать, – сказал он. – Я не могу продолжать». И я думаю, что он удивился, когда я ответил лишь: «Хорошо». Было тяжело, потому что мы с Джоном уже потратили свой аванс, но это не имело значения. Мы нашли выход, и я полностью поддержал решение Пита. Ему нужно было пространство, чтобы дышать. Ему нужно было восстановиться. Поэтому – занавес. За исключением появления на фестивале Live Aid в 1985 году, на что меня уговорил сладкоречивый Боб Гелдоф (ирландский музыкант, актер, общественный деятель, один из организаторов международного благотворительного музыкального фестиваля Live Aid. – *Прим. пер.*), мы больше не выступали. В течение почти десяти лет о The Who не было ни слуху ни духу.

Глава 17. Жизнь после

Я не радовался из-за того, что наша группа распалась. На то была воля судьбы. Однако для беспокойства не было причин. Если нам не суждено собраться вместе, да будет так. Но если это произойдет, то лишь после того, как мы найдем подходящего барабанщика. Я знал, что Пит так просто не сдастся. Он очень умный человек и всегда держал руку на пульсе. Мы признавали его талант, и он понимал, как ему повезло повстречать нас, пускай и не всегда показывал это. Пит понимал, что каким-то образом ему удалось найти троих музыкантов, которые могли представить миру его талант. Затем их число сократилось до двух, но я и на мгновение не мог представить, что это действительно был конец. А пока что мне приходилось оплачивать счета. В восьмидесятые я занимался актерской работой, сольными альбомами и рыбным хозяйством.

В 1980 году я сыграл Джона МакВикара[17], грабителя банков и беглого заключенного, в одноименном фильме. Это не было похоже на другие мои роли. Многие из моих друзей были грабителями. Им казалось, что это круто, и сегодняшние банды думают так же. К этому стремятся ребята из трущоб, без гроша в кармане. Преступление кажется им легким путем к богатству. Я хотел сняться в этом фильме, чтобы развенчать этот миф. Сколько веревочке ни виться, все равно наступит конец. Спросите Билла Карбишли или Джорджа Дэвиса. В 1974 году второго посадили на двадцать лет за вооруженное ограбление Лондонского совета по электричеству. Единственная проблема заключалась в том, что он этого не делал. Его жена Роуз организовала масштабную кампанию по его освобождению, и я был очень рад помочь ей с этим. Я вышел на сцену с футболкой «Джордж Дэвис невиновен» и ликовал, когда его выпустили. А затем, примерно через год, его поймали за рулем автомобиля у банка, когда он пытался скрыться с места ограбления. И на этом все. Следующие семь лет он провел за решеткой. Я был рад, что он избежал наказания за преступление, которое не совершал, и радовался, что его посадили за дело. Таковы правила игры. Здесь нет никакой романтики. Он потерял свою свободу и свою любимую жену. Все эти парни были лопухами, и рано или поздно до них это доходило. Джон МакВикар был особенно честен с собой. Он написал самый правдивый и лишенный романтики труд о своей преступной жизни. Он показал, что, хотя грабители могут легко заработать, их жизнь вскоре непременно омрачается сложностями. Это я и хотел показать в фильме. Я подумал, что

все средства будут хороши, лишь бы предостеречь ребят от того, чтобы ступить по скользкой дорожке.

Я не думаю, что мы как-то приукрасили образ Джона в этом фильме. Мы всего лишь рассказали его историю. И как оказалось, у этой истории был счастливый конец. Его жизнь кардинально изменилась после того, как он вышел из тюрьмы. Он стал очень успешным писателем и с тех пор жил припеваючи. Процесс съемок был захватывающим. Спустя несколько недель мне было трудно выйти из образа МакВикара. Я всюду расхаживал с важным видом, источая гангстерское чванство. …Интересно, что Хизер думала по этому поводу? Но я многому научился. Большую часть тюремных сцен я отработал с Адамом Фэйтом, который играл роль сокамерника МакВикара, Уолли Пробина по кличке Ангельское личико, и он был великолепен. Он помог мне научиться расслабляться и давать волю чувствам. Если ты понимаешь, что в данную минуту играешь на камеру, то тебя ждет неудача. Но если этих мыслей нет – все пройдет как по маслу. Диалоги же имеют второстепенное значение.

Вы можете заметить, что я не до конца приноровился к своему актерскому амплуа, когда играл капитана Мэкхита в адаптации «Оперы нищего», снятой силами Би-би-си в 1983 году. Я не до конца понимал, как вести диалог, как воспользоваться силой слова. Я воспринимал эту телевизионную постановку как фильм. На экране кинотеатра любые, даже самые маленькие, движения заметны, но это совершенно не так, когда речь идет о кино для маленьких телевизоров. Так что мне еще многому предстояло научиться.

Я мысленно посмеивался над своими недоброжелателями, когда принял участие в прослушивании на «Комедию ошибок» сразу после того, как закончил работу над «Оперой нищего». Это был Шекспир. Это был мой шанс. Мне сообщили, какие отрывки будут использоваться на прослушивании, и я целую вечность учил их наизусть, потому что неважно читаю с листа. В урочный час я заявился на пробы в полной готовности. Джеймс Селлан Джонс, известный режиссер, сидел с каменным лицом. Недолго думая, я приступил к делу. Вскоре, может быть, через три или четыре строчки, он начал смеяться, и после этого все становилось лишь хуже. К тому времени, как я добрался до конца, он чуть по полу не катался от смеха. Похоже, что я облажался.

Желая, по всей видимости, усугубить мое положение, он попросил меня прочитать другую часть комедии. Я не учил ее и просто не мог этого сделать. Это был кошмар. Под конец он сказал: «Ладно, как думаешь, у тебя получится сыграть обе части?» Я не мог в это поверить. Я был потрясен. В тот момент

малейшее дуновение ветерка могло сбить меня с ног. Я получил роль Дромио Эфесского и Дромио Сиракузского.

От этой работы я испытал колоссальное удовольствие. Только полюбуйтесь на меня: я работал над текстом Шекспира, я понимал его, понимал его шутки. Никто не смотрел на меня свысока. Я был полностью вовлечен в постановку, и это был невероятный опыт. В конце, когда двух братьев Дромио поместили в один кадр в финальной отредактированной версии фильма, вы могли видеть, насколько я был вовлечен в процесс. Дромио, чей хозяин относится к нему с большим уважением, был на два дюйма выше другого. Я непроизвольно съежился, когда играл менее удачливого близнеца.

Вряд ли близнецы Крэй обратились ко мне, потому что их восхитило, как уморительно я сыграл близнецов Дромио в «Комедии ошибок». Подозреваю, что мое исполнение МакВикара больше пришлось им по вкусу. Как бы то ни было, однажды мне позвонил криминальный авторитет Большой Джо Пайл и поинтересовался, хочу ли я купить права на создание фильма о братьях Крэй. Мне действительно нравится Джо. Он был уважаемым и благородным злодеем. Полиция преследовала его годами. Его безуспешно судили за убийство вышибалы в ночном клубе в 1960-х годах. В конце концов его схватили в 1992 году за «организацию масштабного наркосбыта», но я все же поехал навестить его в тюрьме Белмарш. Мне нравилось посещать и подбадривать Джо. Мы никогда не обсуждали бандитские темы. Достаточно было того, что я видел, на чьей стороне он играл. Джо не был кем-то выдающимся в глазах общественности, но он был посредником между большими криминальными семьями. Он был тем, кто разбирался с внутренней грызней. Представьте себе, что это ваша основная работа. Хотя он, безусловно, был хорош в этом. Когда он умер в 2007 году, члены семей Крэй и Ричардсон отправились на похороны. Для него устроить посредничество между мной и Крэй было парой пустяков.

Я думал, что будет здорово снять достоверный фильм о близнецах. Нравится вам это или нет, они являются частью истории современной Британии. На улицах всегда будут такие люди, как они. Если уйдут одни, на их место придут другие. Так было и так будет всегда. Но в них было что-то особенное – имидж. И они знали, как его использовать. С помощью фотографа Дэвида Бейли им удалось представить бандитов в гламурном свете. В шестидесятых балом правил имидж. Посмотрите на Твигги. Посмотрите на нас. Посмотрите на братьев Крэй. Мне они не нравились, и мне не нравилось то, за что они выступали, но, познакомившись с ними, понимаешь, что они единственные в

своем роде. Если бы Ронни Крэй чересчур не кипятился, они бы добились своего. У них были клубы и казино, они заколачивали целое состояние, но Ронни был параноиком-шизофреником с таким же братом-близнецом. Я не хотел снимать фильм о насилии, мне хотелось показать, как работали винтики в их мозгах.

Я никогда не встречался с близнецами Крэй лично, но все-таки имел с ними дело. В 1965 году я разъезжал на прекрасном «Остин-Вестминстер». Роскошные кожаные сиденья, двигатель на три литра. Мне нравилась эта машина. Я пересекал на ней равнину Солсбери – длинную прямую дорогу, по которой в шестидесятые годы можно было мчаться на полной скорости. Взлетев на вершину холма, я заметил трактор, который поворачивал направо, а за ним следовала другая машина, перегораживая всю дорогу. Я ничего не мог поделать, кроме как вцепиться в руль, проклиная свою юношескую безрассудность, и надеяться на лучшее. К тому времени, когда я вылез из своего смятого, любимого «Остина», он выглядел так, словно мы столкнулись с толпой колясочников. В обломках торчали металлические рамы и покореженные колеса. Потребовалось некоторое время, пока до меня дошло, что я врезался в машину с велосипедами в багажнике. Беспорядок получился знатный. После этого случая я начал водить осторожнее.

Эта авария обошлась мне в кругленькую сумму. Машина стоила тысячу двести фунтов, а за ремонт предстояло выложить четыреста фунтов. У меня не было четырехсот фунтов, и я не мог их нигде достать. Банки не давали мне кредит, у менеджеров даже просить было бессмысленно. Таким образом, я лишился транспорта, а это означало, что я не мог попасть на концерты. Я нанял машину на пару недель, но это требовало больше денег, чем мы зарабатывали. В конце концов, один из наших роуди сказал: «Я знаю кое-кого, кто одолжит тебе эти деньги». «Отлично, и кто это?», – спросил я. «Не переживай. Ты получишь сумму на три месяца под десять процентов. Есть только одна деталь. Если тебе дороги ноги, то убедись, что ты вернешь все вовремя». Я не воспринял эту браваду всерьез, но на следующий день он вручил мне чек на четыреста фунтов. На нем стояла подпись «Чарли Крэй». Я заплатил вовремя и подумал про себя: «Какие отличные ребята». Они выручили меня. И так было ровно до того момента, когда Большой Джо не позвонил мне в восьмидесятых.

Впервые придя на встречу в психбольницу Бродмур, я застал Ронни за круглым столом. Я сидел рядом с Джо, Ронни подошел ко мне, обогнув стол, и пожал мою руку. «Привет, Роджер, рад тебя видеть, – он почти перешел на шепот. – Как поживает твоя

мама? Ей не нужна коробка конфет?» Он сел рядом со мной вплотную и сильно уперся своим коленом прямо в мое бедро. Что делать, когда Ронни Крэй тычет коленом в ваше бедро? Я скажу вам – ничего. Я не шевелил ногой на протяжении двух часов. Он проверял меня. Все дело в имидже. Насколько крепкие у тебя яйца? Мы с моим бедром пережили эту встречу. В следующие дни мы с Доном Бойдом, моим партнером по проекту, заключили сделку. Полноценный контракт. Ронни подписал бумаги в присутствии врачей из Бродмура. Никто из нас, в том числе и Ронни, не догадывался, что братья Крэй годами жили за счет этих прав на экранизацию. Они продавали права, сделка срывалась, и они продавали их снова. Но на сей раз дело было верное. Они не могли ничего сделать без моего согласия. Ронни это не понравилось. А мне не нравилось, что Ронни это не понравилось. Мы не собирались расстраивать его планы, хотя это было сложно. Он хотел, чтобы его в фильме сыграл Рэй Уинстон, но мне не нужно было такое кино. Я хотел, чтобы его роль исполнил Хайвел Беннетт. У него был подходящий голос, и он мог изобразить гомосексуализм без откровенной пошлости. У Ронни была эта черта, он был крайне разборчив в людях. Он не был геем, он был гомосексуалистом.

Все было в моих руках – я даже нашел близнеца Хайвела в актере по имени Джерри Сандквист, но в итоге я просто не смог справиться с Ронни. Я видел, как он начинал закипать и становился злым как черт. Когда я снова пошел к нему, его старое колено еще сильнее врезалось в меня. Он говорил больше и тише. А потом Ронни поссорился с Доном. Он сказал ему: «Или ты будешь снимать мой фильм, или все будет кончено». Дон вернулся с переговоров очень взволнованным. Он сказал, что из глубины глаз Ронни на него смотрел кто-то другой. Он действительно был напуган.

После этого за дело взялась другая команда, и я с радостью уступил им, решив, что хватит с меня этого проекта, это было слишком опасно. Они продолжили снимать этот фильм с братьями Кемп. Они неплохо справились, но в итоге все посчитали, что фильм прославлял насилие и ему недоставало интриги: был упущен момент связи братьев Крэй с политиком Робертом Бутби и ни слова о шпионах. Вот почему близнецам впаяли тридцать лет. Они не получили бы такой срок лишь за то, что укокошили двух злодеев. Два человека привлечены за два убийства, которые были совершены в двух разных местах в разные дни? Казалось, что все это было тщательно спланированной правительственной операцией. Я не защищаю Крэй, но они были гораздо больше, чем просто пара громил, и

досадно, что их история до сих пор не рассказана должным образом. Этот фильм имел все шансы стать британским «Крестным отцом».

* * *

У Джона Энтвисла не было работы с 1982 года, и на исходе восьмидесятых у него начали кончаться деньги. Впрочем, то же самое можно было сказать и обо мне. Жизнь рок-звезды обходится дорого, если ты не зарабатываешь как рок-звезда. Я давно не думал о The Who. После долгих уговоров со стороны сэра Боба Гелдофа я переступил через свои чувства к Кенни, мы отыграли на Live Aid, но после каждый из нас вновь побрел своей дорогой. Однако в конце концов нужда вновь свела нас вместе.

Группа возродилась в 1989 году с Саймоном Филлипсом на барабанах и отправилась в первое турне по стадионам за последние семь долгих лет. Это были шоу поразительного масштаба: духовой оркестр, бэк-вокалисты, перкуссионист и клавишники. Большую часть гастролей Пит играл на акустической гитаре, оставив партии электрогитары другому музыканту. Он даже подумывал о том, чтобы играть в стеклянной коробке, дабы защитить свой слух. Вот бы и за меня спел кто-нибудь другой. Я был бы счастлив просто стоять на сцене и напевать странную гармонию, но у Пита на мой счет были другие планы, поэтому я сдался. С другой стороны, Саймон Филлипс значительно подтянул наш ритм. Звучание стало лучше, чем в нашем последнем прощальном туре, но недостаточно хорошим, чтобы заставить нас снова отправиться гастролировать.

Впервые в жизни у меня не было особых планов по работе, поэтому я с удовольствием проводил больше времени с Хизер и детьми. Каждый день я занимался домашними делами, не чураясь выносить мусор и мыть посуду. Мне всегда нравилось подвозить детей в школу и обратно, что было неизбежно, учитывая практически полное отсутствие общественного транспорта в сельской местности. В ходе одной из таких поездок в 1992 году я узнал об увлечении своего сына, которое станет частью моей жизни на двадцать с лишним лет. Футбол! Я забрал своего сына Джейми и пару его товарищей из школы и заметил, что на Джейми был красно-белый шарф.

– Что это у тебя на шее? – спросил я.

– Это шарф моей команды, – последовал ответ.

Тогда я подумал: «Вот дерьмо. Надеюсь, он не фанат “Манчестер Юнайтед”».

– Что это за команда?

– «Арсенал», папа.

Какое облегчение…

– Когда мы поедем на их игру, пап?

Когда твой десятилетний сын задает тебе этот вопрос каждый день в течение нескольких недель, то ответ может быть только один. До начала семидесятых я болел за «Куинз Парк Рейнджерс», пока футбольные беспорядки и насилие, которые тогда обычно сопровождали матчи, не достигли поистине ужасающих размеров. Тогда в один прекрасный день я просто завязал с футболом. За двадцать лет я не посмотрел ни одной игры. К счастью для меня, Роберт Розенберг, правая рука Билла в офисе, был фанатом «Арсенала» на протяжении всей жизни. Поэтому я сдался и взял Джейми на стадион «Хайбери», чтобы посмотреть, как они играют. Атмосфера была фантастическая – дружелюбная и смешная с чудесным хоровым пением. Я снова увлекся игрой, и это чувство передавалось не только от отца к сыну, но и от сына к отцу. Я стал фанатом «Арсенала», а Роберт – хорошим другом семьи.

Глава 18. Реформация

Так шли годы. Различные проекты сменяли друг друга. Я продолжал понемногу заниматься своей актерской карьерой, и когда мне поступали предложения, я на них отвечал. В июле 1991 года мне посчастливилось получить предложение от Пэдди Молони из The Chieftains. Меня спросили, согласен ли я выступить с ними в качестве приглашенного гостя в «Лондон Палладиум». Я согласился. Я всегда принимаю вызов – это одно из немногих правил, которых я придерживаюсь. Вызов заключался в том, что перед концертом не было репетиций, которые всегда действовали мне на нервы. Мне просто предстояло выйти на сцену и вписаться в выступление одной из самых тихих акустических групп на планете, как я их уже охарактеризовал ранее. Я выучил слова песни «Raglan Road», через три минуты после приветствия они сыграли вступление, и мы начали. Впервые в своей жизни, будучи на сцене с группой, впервые за тысячу концертов, я мог слышать свой голос. Я уже говорил, что мне не нравится слышать свой вокал, но это облегчает жизнь, когда вы выступаете. Песня прошла гладко, как по маслу, поэтому я предложил попробовать сыграть «Behind Blue Eyes», мою любимую песню The Who.

Ребята согласились, и до чего же чудесно было услышать песню, которую я исполнял так много раз, в новой интерпретации. Дальше – больше: несколько недель спустя я записал концертный альбом с The Chieftains и талантливой американской фолк-исполнительницей Нэнси Гриффит в Большом оперном театре в Белфасте. Афиши рекламировали это шоу как вечер ирландской музыки, и на этот раз планировались репетиции, но не прошло и получаса, как нам сообщили, что по достоверным источникам в здании находится бомба, и попросили его покинуть.

Итак, мы все притащились на парковку позади оперного театра. Через несколько минут нам было велено отойти немного подальше. Так что мы оказались в дверях другого здания, и я никогда не забуду вид, который открылся перед нами. Это был полный зал для игры в бинго во всей своей полуденной красе. Заполненные ряды курящих ухоженных и активных старушек, у каждой по шесть карточек для бинго – прямо-таки воплощение концентрации и азарта. Сигаретный дым был настолько густым, что едва можно было разглядеть противоположную сторону комнаты. Требовалось что-то пострашнее бомбы, чтобы заставить их отвлечься от своей игры. Они не собирались никуда уходить.

На проверку здания театра ушло три часа, но шоу должно было продолжаться, поэтому мы нашли комнату над пабом за углом и закончили репетицию там. В тот вечер концерт состоялся и возымел большой успех. Я отправился домой, вспоминая прекрасную атмосферу концерта, совершенно позабыв о нашей сорванной дневной репетиции. На самом деле я не задумывался об угрозе взрыва, пока через несколько месяцев ИРА не взорвали начиненную взрывчаткой машину на Гленголл-стрит и не разворотили этот прекрасный оперный театр. Чудом тогда никто не пострадал. Остановил ли теракт игру в бинго – это другой вопрос.

1 марта 1994 года мне исполнилось пятьдесят лет. Это был насыщенный день, но не из-за осознания того, как быстро пролетело полвека, а из-за письма. Я был на ферме, что-то строил, уж и не помню, что именно, и зашел домой на обед. Хизер всегда просматривает нашу почту, и вот она вручила мне это письмо. «Вот еще один подарок, – сказала она. – С днем рождения». Оно было от еврейской девушки по имени Ким. Она приложила фотографии себя и своего сына. Мне в глаза сразу же бросилось сходство. У нее был взгляд Долтри. В ней я видел свою маму и сестру. Было ясно как божий день, что она была моей дочерью.

Я так и остался сидеть, ошеломленный, чувствуя, как меня накрывает лавина противоречивых эмоций. Прежде всего это была радость. В письме передо мной предстал красивый взрослый и счастливый человек. Приемный отец Ким был известным ортодонтом в госпитале Гая, и он обеспечил ей прекрасное образование. Для нее все сложилось лучшим образом. Но вместе с этим у меня в груди возникло щемящее чувство.

Было нелегко взрослеть с осознанием того, что твоего отца не было рядом и что твоя мама бросила тебя. Должно быть, это было так же тяжело и для ее матери. Оглядываясь назад, я мог бы поступить иначе. Я мог бы вести себя более ответственно. Я мог поступить так и с Джеки. Но, как я уже сказал, я был молод, высокомерен и глуп. И да, я признаю, что жил в свое удовольствие. Кроме того, я никогда не знал, что мать Ким была беременна. Я даже не помню, как встретился с ней. Я помню матерей моей шотландской дочери, моего шведского сына и моей дочери, которая жила в Йоркшире. Но об этом случае я и не догадывался. Однако я не жалею об этом и не жалею о последствиях. Иначе это значило бы сожалеть о факте существования моей дочери. Единственное, что мне остается, – принять этот факт. В тот же день я позвонил Ким. Вскоре мы встретились в небольшом итальянском ресторане в Сент-Джонс-

Вуд, и между нами мгновенно возникло взаимопонимание. Впервые она попыталась разузнать о своих родителях в возрасте восемнадцати лет, но социальный работник сказал, что ее свидетельство о рождении намокло и испортилось. Во время второй попытки, когда Ким было уже двадцать семь лет, выяснилось, что это была неправда, и она получила ответ: вот этот человек и есть твой отец. По ее словам, это был «настоящий шок», и я не виню ее. Она взглянула на мои фотографии и посмотрела пару моих фильмов, и после этого у нее не оставалось сомнений, что это правда.

«Положа руку на сердце, – признается она сейчас, – я не была большой поклонницей The Who, но я видела “Томми”, а потом узнала, что Томми играет мой отец. Это было очень странно». Она выждала два месяца, а потом написала мне то самое письмо. Как же я рад, что она решилась! Через несколько дней после того, как я впервые встретил свою двадцатисемилетнюю дочь Ким, я пригласил ее домой, чтобы познакомить с Хизер и остальными членами семьи. Я уверен, что это было непросто для Ким и уж точно это не могло быть легко для Хизер. Но моя жена тепло приняла Ким, и все прошло замечательно. Так было со всеми моими неожиданными детьми. Мы очень хорошие друзья, и я люблю их всех, но, признаюсь честно, я не отношусь к ним так же, как к детям, которые родились у нас с Хизер. Я пропустил их детство, они воспитывались другими родителями, поэтому между нами несколько иной вид связи. Однако все-таки это приятно. Я стараюсь видеть всех своих детей как можно чаще. Каждый год я устраиваю маленькие семейные турне. Ведь все это могло устроиться совсем по-другому. Жизнь могла бы сложиться не так удачно для меня или для моих детей. Каждый из них в свое время поблагодарил меня за то, что я дал им жизнь. И я тоже благодарен за это. Я счастливый сукин сын.

Однако не все в моей жизни складывалось так гладко. За последние год-два моя певческая карьера переживала спад. Появление рэпа и хип-хопа означало, что рок-музыка так или иначе исчезла с радио и теперь бал правили Eminem и Ice Cube. Я выпустил свой восьмой сольный альбом, *Rocks in The Head*, в конце 1992 года, и он прошел почти незамеченным. Я думал, что это был хороший альбом, но его было практически невозможно протолкнуть в эфир. Тогда радио было единственным способом заявить о новой пластинке, поэтому мое детище с самого начала было обречено на забвение.

Музыка меняется, это естественный ход вещей, но не волнуйтесь, я не собирался читать рэп. На самом деле я был в депрессии. Я разочаровался в своем менеджере. Билл решил жить

в Испании со своей прекрасной аргентинской женой и двумя маленькими детьми, и хотя для него это было здорово, я почувствовал себя изолированным и брошенным. Мне вот-вот должно было стукнуть пятьдесят лет, но меня это не беспокоило, ведь юбилей – это просто еще один день. Однако все равно казалось, что настало время перемен, поэтому я решил для себя две вещи. Во-первых, я отмечу свой юбилей концертом. Я бы собрал рок-группу и полноценный оркестр, и мы бы выступили в нью-йоркском Карнеги-холле с программой «Долтри поет Таунсенда». Я довольно давно вынашивал идею представить музыку Пита в совершенно новом свете. Почему бы и нет? Во-вторых, я оставлю Билла на шезлонге в Испании и перейду к другому, более креативному менеджеру. Самые разные люди из Нью-Йорка рекомендовали мне Ричарда Фланцера. Он занимался бизнесом и, судя по отзывам, умел устраивать движ и встряску. Ну а если что-то и требовало встряски, так это была моя карьера.

Организовать оркестровую составляющую было просто. Я решил обратиться к студенческому оркестру из Джульярдской школы. Это были молодые, талантливые и голодные музыканты – в них присутствовали все необходимые качества, чтобы вдохнуть новую жизнь в музыку Пита. Майкл Камен, плодовитый кинокомпозитор, написал бы аранжировку и встал бы на место дирижера. Помимо этого у нас был внушительный список приглашенных артистов, в их числе Эдди Веддер, Шинейд О'Коннор, Лу Рид, Элис Купер, Spin Doctors и, опять же, The Chieftains (как я уже упоминал ранее, они были частью моего плана свести мистера Энтвисла на одной сцене с моими тихими ирландскими друзьями).

Как я и ожидал, с рок-компонентом все прошло не так гладко. Фланцер уже начал устраивать движ и встряску, и ему удалось заключить сделку на DVD, чтобы покрыть расходы на продакшн. Особое требование контракта на DVD заключалась в том, что Пит должен был появиться на шоу. Особое требование Пита заключалось в том, чтобы разрешить ему использовать на этом концерте его музыкантов, с которыми он планировал гастролировать с сольной программой после Карнеги-холла. Мы ударили по рукам и начали готовиться к моему юбилейному шоу.

После двух недель репетиций все звучало великолепно, все гости рвались приступить к репетиции, и только Пит стал ложкой дегтя. Сначала у него заболела собака, затем он не захотел играть с оркестром, потом он вообще отказался играть. Мне нужно было, чтобы он сыграл лишь одну-единственную песню, дабы выполнить условия контракта, тем самым покрыв быстрорастущие расходы на производство. За два дня до шоу я все еще не был уверен,

появится ли он на сцене.

В конце концов Пит появился, и, разумеется, он был великолепен. Но перед этим он заставил меня понервничать как следует. Я чувствовал, будто мои внутренности пропустили через бетономешалку. Мы отыграли шоу 23 февраля 1994 года, а затем еще одно на следующий вечер, но оно прошло не очень удачно. Тогда я этого не понимал, но наш уважаемый дирижер управлял оркестром, будучи на колумбийском кокаине. Дирижер на коксе означало только одно: все было быстро. Группа играла в два раза громче, чем на репетициях. Двойная скорость, двойная громкость. Какая досада. На репетиции оркестр и группа существовали в синергии, два звука работали в гармонии, раскрывая весь спектр музыки Пита. Теперь же они работали друг против друга. Из-за всей этой какофонии я не мог ясно себя слышать, поэтому мне пришлось перенапрягать голосовые связки. Шоу справедливо заслужило плохие отзывы. Я пел неважно и в такой ситуации просто не мог петь лучше.

Тем не менее вскоре Фланцер позвонил мне по телефону и рассказал, что ему поступили потрясающие предложения и он собирался устроить шоу с оркестром по США. Промоутеров не заботили отзывы. Их больше интересовали новости о том, что за два дня эксклюзивное шоу «Долтри поет Таунсенда» побило рекорд кассовых сборов в Карнеги-холле. Это была самая быстрая распродажа за всю 103-летнюю историю концертного зала. Промоутеров волнуют только результаты, так что нам выпала возможность заработать немного денег. К тому же я устал хандрить, поэтому согласился на летний тур.

В больших городах, таких как Детройт, Лас-Вегас и Лос-Анджелес, мы работали с оркестрами мирового уровня, и шоу были тепло встречены публикой. В небольших городках музыканты играли с шероховатостями, а музыка была менее собранной, но в целом все еще на уровне. Проблема заключалась в том, что многообещающий мистер Фланцер не разбирался в экономических тонкостях турне. Он планировал только по три шоу в неделю. Нам же нужно было отыгрывать пять или шесть, чтобы прокормить очень дорогую группу музыкантов и покрыть накладные расходы. Зато он в совершенстве освоил навык записывать расходы на мое имя. В конце тура я потерял около миллиона долларов, и у меня возник один юридический спор с Фланцером по поводу авторских прав на шоу. Мой эксперимент с новым менеджером закончился. Поработав с Фланцером, я понял, насколько хорош был Билл, пусть даже он находился далеко на шезлонге в Испании. К счастью для меня, он был рад моему возвращению.

Казалось, что лето было потрачено впустую, если бы не одно небольшое открытие, значение которого в последующие десятилетия трудно будет переоценить. В начале тура я был вынужден внести коррективы в рок-группу из-за растущих расходов. Одно из изменений коснулось нового барабанщика. Прошло пятнадцать лет после смерти Кита, а мы так и не нашли никого, кто мог бы его заменить. Я назначил прослушивание семи-восьми музыкантам, и последним был Зак Старки. Казалось, мы нашли алмаз в бочке с опилками. Наконец-то у нас был человек, который мог проделывать все эти безумные ритмические расчеты, которых мы лишились со смертью Муна. Можно сказать, что у Зака это было в крови. Он был сыном Ринго и крестником Кита. Фактически Кит взял Зака под свое крыло, когда тот был еще подростком. То еще было крылышко, скажу я вам.

Он сотрудничал с Джоном, а в 1985 году сыграл барабанное соло в моем альбоме *Under the Raging Moon*. С тех пор я не спускал с него глаз и ушей. Проблема была в том, что он имел репутацию непредсказуемого и неконтролируемого человека. Это тоже у него было в крови и беспокоило меня, потому что вряд ли бы я смог пережить еще одну реинкарнацию Муна. Но все же музыка была на первом месте, и после откровенного разговора и джентльменского соглашения я взял Зака на работу. Он был с нами тем летом, и по крайней мере тогда мне показалось, что все встало на свои места.

* * *

В мае 1996 года мне позвонил Пит и спросил, не соглашусь ли я отыграть разовый концерт для «Фонда принца» (благотворительная организация в Соединенном Королевстве, основанная в 1976 году Чарльзом, принцем Уэльским, для того чтобы помочь проблемным подросткам начать новую жизнь. – *Прим. пер.*) в Гайд-парке в следующем месяце. Я в лоб спросил его, означает ли это, что он наконец-то хочет возродить The Who. Его ответ был туманным: он не сказал ни да, ни нет. Единственное, он объяснил, что написал инсценировку *Quadrophenia*, в которой главный герой Джимми берет на себя роль рассказчика, а другие певцы играют разных персонажей на сцене.

– Кем же я должен быть? – спросил я. – Мозгом Джимми?

– Что-то в этом роде, – сказал он.

И как, скажите на милость, я должен был изображать мозг?

Я боролся за то, чтобы постановку скорректировали и внесли

серьезные правки в диалоги. За день до шоу, когда мы дошли до саундчека, мне показалось, что для участников этот проект был лишь способом потешить свое самолюбие. Эд Эдмондсон исполнил роль Эйса Фейса. Гари Глиттер был Крестным отцом. Затем был Стивен Фрай в качестве управляющего отелем, Тревор Макдональд в качестве новостного диктора и Фил Дэниелс в роли рассказчика. У нас была полноценная группа духовых инструментов, бэк-вокалисты, перкуссия… полный фарш. Когда пришла пора решать, кто будет в группе, я настоял, чтобы Зак сел за барабаны, и, хвала небесам, Пит не возражал. Нам все еще приходилось нанимать отдельного соло-гитариста, потому что Пит по-прежнему испытывал проблемы со слухом и играл только на акустике.

Учитывая наш внушительный состав, этот саундчек был крайне важен. Саундчек – это не репетиция. Для артистов это возможность убедиться, что они могут слышать, что происходит вокруг. Но Глиттер никогда не понимал этого. Пока группа играла его вступительную песню, а я ходил по сцене, внимательно слушая, он решил, что пришла пора устроить шоу и начал размахивать микрофонной стойкой над головой. Затем все погрузилось во тьму. Следующее, что я услышал, был голос, который спрашивал, помню ли я свое имя. Не было ни лица, ни тела – лишь голос, который повторял один и тот же вопрос: «Как тебя зовут? Как тебя зовут? Как тебя зовут?». В конце концов я устал от этого назойливого допроса и ответил: «Уж точно не гребаный Мик Джаггер».

Я пролежал без сознания около пятнадцати минут. Одна из ножек микрофонной стойки ударила меня прямо в левую глазницу. Кто-то держал холодный компресс над моим глазом, а из носа у меня текла кровь. Она было темно-красной, почти черной. Хизер увидела все произошедшее снаружи и, когда меня медленно оттащили в гримерную, попыталась вызвать скорую помощь. Спустя час никто так и не приехал. К тому времени я уже мог сидеть, чувствуя себя довольно неустойчиво. Когда я попытался высморкаться, мне показалось, что мой глаз вот-вот вылетит из глазницы.

«К черту все это, – сказал Билл Карбишли, хватая ключи от машины. – Мы едем». На моей памяти это была самая быстрая поездка по Лондону в час пик. У врачей для меня были как хорошие, так и плохие новости. Глаз оказался в порядке, но глазница была сломана. На девять утра мне назначили сканирование мозга, и оно подтвердило, что внутреннего кровотечения не было, поэтому я покинул больницу с пакетом обезболивающих и концертом на носу. Чтобы решить проблему с

глазным яблоком, которое так и норовило вырваться из глазного гнезда (зрелище, которое вряд ли обрадовало бы зрителей на передних рядах), я купил ватную повязку на глаз. Брат Пита Пол нарисовал на нем мишень, и зрители подумали, что все это было частью представления.

Я бодрячком отыграл шоу, накачанный коктейлем из болеутоляющих, и по возвращении в гримерную обнаружил напечатанную записку от Пита, которая гласила: «Вы выступали в “Квадрофении Пита Таунсенда”». Я не обратил на нее особого внимания, ведь мне предстояло встретиться с членом королевской семьи. По крайней мере принц Чарльз поинтересовался состоянием моего глаза.

Через несколько дней промоутеры снова вышли на связь, и Билл спросил, намерен ли я сыграть в «Квадрофении Пита Таунсенда» в Мэдисон-сквер-гарден. Я в очередной раз поинтересовался, когда The Who появятся на горизонте. Билл заметил лишь, что именно благодаря славе The Who билеты на эти шоу продаются и что я заработаю немного денег. Вспомнив о двух годах разношерстной актерской работы, я согласился. В 1974 году мы отыграли четыре концерта в Мэдисон-сквер-гарден. В 1979 году их количество дошло до пяти. К 16 июля 1996 года мы отыграли цикл из шести шоу за семь вечеров.

Предложения сыпались из всех уголков Америки, но на сей раз я сказал, что соглашусь, только если будут внесены некоторые изменения. Вся эта затея с мозгом Джимми была занозой в заднице, а бесконечное повествование между песнями просто убивало всю энергию. Словно гоночную машину вел ученик автошколы. Стоило нам набрать скорость, как все останавливалось, и с этим нужно было что-то делать. Пит согласился с некоторыми изменениями. В частности, он согласился заменить живое повествование на запись, что позволило сэкономить деньги и повысить вероятность того, что люди на задних рядах смогут услышать, что происходит. Он также согласился сократить время повествования и даже позволил мне внести некоторые правки в сценарий.

Спустя две недели попыток продать билеты на «Квадрофению Пита Таунсенда» название тоже решено было поменять. Теперь концерт назывался «Квадрофения The Who», и в конце концов нас ждал аншлаг. Той осенью мы отыграли двадцать пять концертов по всей Северной Америке, а следующей весной отправились в наше первое с 1975 года европейское турне. Финансовые расчеты все еще хромали. Мы заработали пару фунтов с шоу в США, но даже с учетом всех шероховатостей из Европы мы вернулись с царской суммой в шестнадцать тысяч фунтов стерлингов. Эта

вылазка обрела смысл только под конец гастролей. Этой запиской в гримерной Гайд-парка Пит словно бы хотел застолбить за собой исключительное право на шоу. Сложно было избавиться от мысли, что мной и остальной частью группы просто воспользовались, но все равно это какой-никакой прогресс. И даже если мне пришлось ждать шестнадцать лет, чтобы поставить шоу *Quadrophenia* так, как я этого хотел, – все равно это было началом полноценного возрождения. Пит стал больше играть на гитаре, и постепенно к нам пришло ощущение, что мы вернулись. Столько групп не может оправиться после длительного перерыва, но я всегда знал, что у нас все получится. Наше возвращение будет непростым, но у The Who никогда ничего не получалось легко.

* * *

В конце концов группа снова отправилась в путь, соблазнившись большим мешком денег, который пообещал нам один проныра. Правда, тогда мы еще не знали, что связались с мошенником. Просто однажды в офис позвонил агент и сообщил, что Майкл Фенн, генеральный директор интернет-компании Pixelon, хотел, чтобы мы сыграли шоу в Вегасе в октябре 1999 года. Он был большим поклонником The Who и для него было бы большой честью работать с нами. Цена сделки – два миллиона фунтов, но присутствовало одно важное условие. Кто-то из нас должен был поехать в Канны, чтобы рекламировать Pixelon на каком-то IT-мероприятии. И, конечно же, этим кем-то оказался я. На задание я полетел с промоутером Харви Голдсмитом, вооруженный целым арсеналом информации, чтобы все выглядело убедительно. Наверное, для вас это будет большим откровением, но я далеко не IT-эксперт. Я очень мало знаю о компьютерах или Интернете и понятия не имею, как они на самом деле работают. Но какого черта? Я актер и могу выучить свои реплики.

Мое выступление на конференции длилось около двадцати пяти минут. Я объяснял, как программное обеспечение Pixelon позволит пользователям транслировать фильмы через Интернет. Конечно, в наши дни с оптоволоконной оптикой этим никого не удивишь. Но в 1999 году приходилось получать доступ в Интернет через телефонную линию с помощью удаленного доступа. Идея скачать нечто большее, чем пара коротких электронных писем, казалась революционной. По крайней мере так говорилось в моих записках. Похоже, моя речь звучала так,

словно я действительно знал, о чем говорю. Во всяком случае меня не согнали с трибуны под свист. Но затем, совершенно неожиданно для меня, мы перешли к секции вопросов и ответов. Было самое время изобразить инсульт, но последние несколько часов я провел, слушая болтовню различных продавцов, и, честно говоря, они звучали так, словно выдумывали все на ходу. Это было золотое время для компьютерных афер: тогда можно было продать что угодно, связанное с технологиями, даже самую нелепую глупость – лишь бы вы звучали убедительно.

Где-то в информационных записках я увидел раздел «band with» (ширина полос. – *Прим. пер.*). Все, что касалось групп, даже их ширина, было по моей части (игра слов, построенная на том, что в английском языке слово «band» обозначает как «музыкальную группу», так и «полосу». – *Прим. пер.*). Так что мне удалось заговорить зубы аудитории и выйти сухим из воды. Под конец даже раздались аплодисменты (вероятно, просто из вежливости). А потом мы все полетели в Вегас, чтобы срубить быстрых денег.

Через несколько недель после работы в Вегасе правда вышла наружу. Все это оказалось разводом, не было никакой технологии. Хуже того, Фенн был вовсе не Фенн. Под этим именем скрывался Дэвид Ким Стэнли, осужденный мошенник, который находился в бегах с 1996 года. На своей афере он заработал более 28 миллионов долларов и потратил 16 миллионов долларов на бесплатную вечеринку. В списке приглашенных гостей значились не только мы – туда вошли Тони Беннетт, Оркестр Брайана Сетцера, Dixie Chicks, Натали Коул и KISS. И нам всем заплатили. Кажется, Стэнли просто хотел устроить самую большую бесплатную вечеринку для фанатов рока и его друзей. Самым странным было то, что Стэнли, он же Фенн, самый большой в мире фанат The Who, так и не показывал свое лицо на нашем концерте. Может быть, он замаскировался, а может, он и не был самым большим в мире фанатом The Who.

Тем не менее это шоу и два других, которые мы, пользуясь случаем, согласились отыграть в рамках благотворительного концерта Нила Янга Bridge School Benefit, сплотили нас, как в былые времена. Впервые с 1983 года наша группа состояла из пяти музыкантов. У нас был Зак на барабанах и Джон «Кролик» Бандрик на клавишных. И мы играли хиты. Впервые с 1966 года мы начали концерт с «Anyway, Anyhow, Anywhere». Мы отыграли «Pinball Wizard», «Baba O'Riley», «Won't Get Fooled Again», «The Kids Are Alright» и «My Generation». Мы были еще на один шаг ближе к тому, кем мы были многие десятилетия назад.

* * *

Ближе к концу 1999 года мне позвонил Бобби Придден. «Сид, – сказал он (он звал меня так с тех пор, как я отправил на помощь ему и нашей дорожной команде грузовик компании «Сид Транспорт», когда у них произошла поломка в шестидесяти милях от концерта в Ньюкасле в 1969 году). – Джон снова попал в беду». На сцене Джон был Быком, неподвижным и безэмоциональным, но за ее пределами он вел экстравагантный образ жизни. Даже концерт в Лас-Вегасе стоимостью в два миллиона долларов не смог надолго удовлетворить его аппетиты. Он жил как Элвис, и его никогда не беспокоил тот факт, что он зарабатывал далеко не как король рок-н-ролла.

Вместо Грейсленда у Джона был Куарвуд, викторианская готическая махина с пятьюдесятью комнатами, расположенная на сорока двух акрах в самой глубине графства Глостершир. Как мог бы сказать агент по недвижимости, к поместью вела длинная дорога, а вход в него был украшен каменными львами на постаментах. Первым, что привлекало внимание, были два коттеджа на участке недалеко от главного дома, где жили его мать Куинни вместе с отчимом Гордоном, которого Джон возненавидел с тех пор, как они съехались. Прямо у кухонного окна дома его матери стоял загон для кур. Из всех возможных мест для курятника на этих сорока двух акрах земли казалось странным построить его именно здесь.

– Не слишком ли много шума и вони будет у окна твоей мамы, Джон? – спросил я его однажды. – Почему бы тебе не перенести цыплят туда, где они никого не будут беспокоить?

– Им там нравится, а Гордон ненавидит цыплят, – ответил он с улыбкой.

Как я уже сказал, у Джона была мстительная черта.

Далее взору открывался сам Куарвуд. В большом коридоре гостей встречал целый полк доспехов, а с кованой подвесной лестницы на веревке свисал Квазимодо в натуральную величину. Если вам удавалось пережить вход, затем вы оказывались в грандиозной кухне-столовой, объединенной из пяти комнат. По стенам располагались выполненные на заказ комоды из грецкого ореха, и на каждой полке и рейке на стене красовались безвкусные тарелки, созданные в ограниченном количестве, на которых изображались сцены американской революции, сюжеты из романов Джейн Остин и знаковые события царствования королевы Виктории. У него в коллекции было около пяти тысяч тарелок. Разумеется, после такого зрелища вам непременно захотелось бы выпить, и, к счастью, у Джона в распоряжении

имелся большой бар, заполненный к тому же фаршированным марлином и мясом меч-рыбы, которых он ловил, когда строил из себя Хемингуэя. Он даже заморочился с тем, чтобы положить одну из бутафорских рук на батарейках в пасть акулы. В некоторых спальнях он хранил скелеты на случай, если кто-нибудь из гостей позволит себе чересчур расслабиться, отправляясь ко сну. Все это смахивало на дом с привидениями с фойе из казино Лас-Вегаса.

Доспехи были репродукциями из «Харродс» (один из самых известных, дорогих и больших универмагов Лондона и мира. – *Прим. пер.*). Тарелки тоже были из «Харродс». Фактически почти все его вещи были из «Харродс», магазина, чей порог я твердо зарекся переступать. Я хочу, чтобы на моем надгробии было высечено: «Здесь покоится Роджер Долтри, чья нога никогда не ступала в “Харродс”». У Джона было иное мнение на этот счет. Ему нравилось, что все в округе видели, как фургон «Харродс» проезжает через его ворота. Даже когда деньги закончились, даже когда солидные люди из налоговой выставляли ему огромные счета, он не прекращал закупаться там. Это была одна из нескольких вредных привычек, которые он приобрел, изображая экстравагантную рок-звезду.

Джон был алкоголиком и большим мастаком сметать со стола все, что оставалось после вечеринок. К концу девяностых это ему аукнулось. Поэтому я отправился к Питу в его дом в Ричмонде и попросил его помочь. Мы должны собрать группу и сделать это как подобает. Пит не был уверен. Он сам был наркоманом и знал о рисках. Если бы мы помогли Джону, то рискнули бы стать его пособниками. Вероятно, жестокость из милосердия сработала бы лучше, но только не в этом случае. Джон упрям как осел и никогда не изменится. После двухчасового разговора Пит все еще колебался, поэтому я оставил его переваривать этот вопрос.

Переваривание прошло успешно. Пит вернулся и объявил, что хочет устроить огромный тур. Тридцать концертов. Нет, даже сорок. Самое масштабное из всего, в чем мы участвовали за последнее время. Я был счастлив не только потому, что нам с Джоном были нужны деньги, но и потому, что это моя работа. Все остальное, чем я занимался, и рядом не стояло с подлинной радостью от осознания того, что я часть The Who. Итак, новое тысячелетие мы отметили грандиозным турне «Привет, мы вернулись». Конечно, мы бы вряд ли провели гастроли под таким названием, но по сути это было так. Мы начали в Тинли-Парк, штат Иллинойс, и спустя четыре месяца и тридцать семь концертов мы оказались в Альберт-холле в ноябре, чтобы отыграть два благотворительных шоу для Teenage Cancer Trust.

Мы с Питом были покровителями этой организации с самого момента ее открытия в 1990 году. Наше возвращение произошло ровно так, как я себе и представлял с тех самых пор, как в 1983 году я объявил о нашем уходе. После всех экспериментов оказалось, что оригинальный формат «рок-группа играет рок-музыку» все еще работает. Кто бы мог подумать?

Глава 19. Братья

В считаные дни после теракта 11 сентября 2001 года с нами связался «Благотворительный фонд Робин Гуда», чтобы сообщить о том, что они устраивают концерт в Мэдисон-сквер-гарден для работников служб быстрого реагирования и их семей. На этот раз решение было принято без колебаний. Конечно, мы без раздумий согласились выступить.

– Отлично, – сказали они. – Мы отправим самолет.

– Пришлите мне билет United Airlines, – ответил я.

Потому что пошли они к черту. Я не уступлю ни сантиметра. Я полечу на концерт авиакомпанией, на которую напали террористы. Дилемма заключалась только в том, что играть. Все были потрясены. Какую программу можно составить при таком раскладе? В кои-то веки у Пита было простое решение. Он сказал, мол, давайте делать то, что мы всегда делаем, – давайте играть рок. И он был прав. Это было единственно верное решение. Так что мы вышли и сыграли «Who Are You», «Baba O'Riley», «Behind Blue Eyes» и «Won't Get Fooled Again».

Нам посчастливилось выступить на многих легендарных площадках. Мы успели побывать хедлайнерами всех крупных фестивалей и повидали самые именитые сцены. В 2010 году мы отыграли шоу во время перерыва на Супербоуле XLIV для телевизионной аудитории в сто миллионов человек. В 2012 году миллиарды зрителей смотрели наше выступление на церемонии закрытия Олимпийских игр в Лондоне. Я всегда говорил, что нужно относиться к каждому событию как к еще одному концерту, независимо от его масштаба. Но в ту ночь в Мэдисон-сквер-гарден все было иначе.

Мы выступали перед целым морем людей в униформе, главным образом пожарными, но также тысячами полицейских и медработников. Они проходили по билетам, а тех, у кого билета не было, пропускали по униформе (которая также обеспечивала свободный проход в бар). Место было набито под завязку, пиво лилось рекой, и в воздухе царила осязаемая атмосфера неприкрытого горя и отчаянного протеста. Было тяжело не дать этим эмоциям завладеть тобой, потому что среди толпы пожарных были дети тех парней, которые не вернулись домой в тот роковой день. Они носили шлемы своих отцов.

Под конец того дня мы решили, что в 2002 году снова отправимся в турне. Казалось, что это было единственное разумное решение для группы. В начале года мы отыграли несколько концертов в Англии, и я помню, с каким оптимизмом

смотрел на очередную большую поездку по Америке. Столько лет уже было потрачено впустую. Зачем тратить больше? Мир изменился, он стал мрачнее, и, чтобы исцелиться, ему нужна была музыка. Я физически ощущал потребность вернуться в турне.

После репетиции в Лондоне мы полетели в Калифорнию, будучи готовыми дать первый концерт в Вегасе в конце июня. За день до этого я был в Лос-Анджелесе, где обедал со своими дочерьми в одном маленьком корейском ресторане в Долине. Таким счастливым я еще не был: у меня была семья и группа. Но затем зазвонил телефон. Это был Пит. Он спросил, где я нахожусь, а потом попросил меня сесть. Я спросил, что случилось, и он выпалил.

– Джон только что умер.

– Ох.

У Джона были проблемы с сердцем, и в последние годы это стало особенно заметно. Он был бледным как смерть. Именно такого цвета вы становитесь, когда каждое утро начинаете с бутылки бренди. Но даже очевидные внешние признаки проблем со здоровьем не заставили его умерить пыл. Джон был непреклонен в том, как ему распоряжаться своей жизнью, и все несогласные посылались им на три буквы. Наверное, ему бы понравилось, как он встретил свой конец. Накануне он лег в постель с милой дамочкой и черт знает каким снадобьем, оказавшимся у него под рукой. После этого он уже не проснулся. Он умер от сердечного приступа в номере 658 отеля-казино «Хард-Рок» в Лас-Вегасе. Пожалуй, его бы привело в восторг, если бы его тело поместили в витрину прямо там, на кровати. Наверное, такой же участи он пожелал бы и мне. Рок-н-ролл до конца.

Вместе с тем он выбрал самое неподходящее время, чтобы умереть. Отдав концы, за день до масштабного турне он оставил нас по уши в дерьме. Не было времени, чтобы скорбеть или думать о том, что мы могли сделать иначе. Я пошел на встречу к Питу, чтобы пораскинуть мозгами. Мы не знали, что случилось, но были уверены, что у него в крови обнаружат наркотики. А ведь нам предстояло отыграть двадцать семь концертов в США и Канаде. Конечно, мы были застрахованы, но страховка стала бы недействительной, если бы мы все отменили. Под это попадал довольно внушительный список исключений.

Мы должны были в кратчайшие сроки все обговорить. Нам удалось справиться с потерей Кита. Сможем ли мы пережить и это? Мы были обязаны! Не стоит и говорить, что без них все было не так, как прежде, но музыка все равно будет достаточно хороша.

Мы могли сделать это вместе. Мы вдвоем. Нам просто нужно было собрать всю волю в кулак и отыграть каждый из этих двадцати семи концертов. У нас не было выбора.

Вы должны понимать, как обстоят дела перед началом тура. Ты находишься в минусе. Ты оплатил репетиции, страховку, аренду, съемочную группу и все остальное и оказываешься в долговой яме размером в несколько миллионов фунтов стерлингов. Ты по самые уши в долгах, а долги оплачиваются благодаря гастролям. Груз спадает с плеч, ошеломляющее чувство надвигающегося финансового бедствия исчезает, и только под конец, на концерте этак тридцатом или сороковом, вам удается выйти в плюс. Если повезет. Вот вам экономика турне. И все это лежало на нас троих, а теперь нас осталось двое. Но мы должны были продолжать. Мы отодвинули два первых концерта турне на конец и уже через три дня выступали на сцене.

В тот же день, когда мы узнали о смерти Джона, нам удалось заполучить Пино Палладино. Это не было похоже на то, как мы пытались найти замену Киту. Ведь к тому моменту у нас уже была крепкая сыгранная группа. Джон изменил стиль игры на басу, создал свою собственную неоклассическую форму искусства, вывел бас-гитару в центр внимания. Пино был мастером, который мог изобразить игру Джона и воссоздать энергетику The Who. У нас было три дня на репетиции, и 1 июля 2002 года мы вышли на сцену «Голливуд-боул».

Эта была очень волнующая ситуация, которая отняла у нас много сил. Необычайно тяжело осознавать, что у вас нет другого выбора, кроме как выступать, что вы просто обязаны найти энергию. Мы были расстроены. Мы потеряли Джона. Потребовалось огромное усилие, чтобы просто выйти на сцену. Каждое выступление проходило словно бы на краю пропасти, и нам с Питом приходилось с боем прорываться через каждое шоу, чтобы держать все под контролем. И, конечно, мы расправились с этим концертами. Мы играли с яростью группы, которая бросила вызов тьме, и аудитория чувствовала это. Они чувствовали напряжение, гнев и эмоции. Это был хороший тур, возможно, это был даже наш лучший тур. Несмотря ни на что, мы вернулись на вершину, играя каждый вечер перед аудиторией в двадцать-тридцать тысяч человек. Когда я фокусировался на этом, то чувствовал себя прекрасно.

Затем, в начале октября, я внезапно оказался дома, где смог перевести дыхание. Вот тогда-то я в полной мере все осознал. Когда кризис закончился и я вернулся в Сассекс к своим живописным холмам, пропустив через себя все произошедшее, именно тогда меня словно молнией ударило. Джон ушел из

жизни как рок-звезда, которой он всегда был. Для всех остальных он был историей, для меня же это было реальностью. В течение четырех месяцев его смерть была для меня иллюзией, но теперь реальность обрушилась на меня со всей силой. Никто вокруг не мог этого понять, ведь они не были в моей шкуре, они не знали, каково это. В более радужные дни я мог бы утешиться тем, что по крайней мере мы были в порядке. Я, Пит и музыка. Этого было достаточно. А потом, через несколько недель, мы лишились и этого.

13 января 2003 года я открыл газету и узнал, что Пит был арестован за посещение сайта с детской порнографией. Он предоставил данные своей кредитной карты для доступа к сайту, который оказался уткой ФБР. Первым делом я позвонил его братьям. Я знал, что новости делали со мной и Хизер, поэтому позвонил Полу и Саймону, которые стали мне как братья. Я спросил, как они себя чувствовали, и, конечно, чувствовали они себя ужасно. Это был полнейший кошмар.

Я не звонил Питу три дня, а потом увидел фотографию, на которой он выходил из полицейской машины. Он не пытался спрятаться, как обычно. Напротив, он смотрел прямо в камеру. Я знал этот взгляд. Когда ему трудно что-то сказать, он смотрит вниз, но на фотографии он гордо держал голову. В этот момент я понял, что он был невиновен. Я позвонил ему, спросил, какого черта происходит. Разве он не мог сказать, что кто-то посторонний завладел его кредитной картой? И он сказал: «Нет, ты не понимаешь. Я это сделал сам, ввел данные своей кредитной карты. Я хотел узнать, куда уходят деньги».

Я сказал ему, что он глупый высокомерный осел, но я знал, что он говорит правду. В течение нескольких лет он точил зуб на правительство. Он бесился из-за того, что его младший сын мог легко получить доступ к порнографии. Но на все претензии он получал одинаковый ответ: «Мы ничего не можем с этим поделать». На месте одного закрытого сайта появлялось два новых. Поэтому он придумал план, чтобы проследить, куда уходят деньги. Он думал, что сможет доказать причастность кредитных компаний к детской порнографии.

Я недостаточно разбирался в компьютерах, чтобы понять, был ли это хороший план. Единственное, что можно было утверждать с полной уверенностью, – это было ужасное время. В прессе на Пита спустили всех собак. Газетчики не знали его историю и не догадывались, сколько всего он делает для благотворительных организаций, поддерживающих людей, ставших жертвой насилия. Они не знали, как много в его жизни связано с насилием, которое он перенес в детстве. Эти мотивы читаются в *Tommy*, но каждый

мыслил в меру собственной испорченности.

Расследование заняло месяцы. У Пита было около тридцати компьютеров, и каждый из них подвергся тщательной проверке. И за весь этот период казалось, словно огромный мусорный грузовик вываливал на нас гору дерьма: на всю нашу жизнь, включая наши семьи, на все, что мы сделали, чего достигли. И посреди всего этого у нас возникли проблемы с семьей Джона, которая требовала свою долю прибыли от тура. Плюс ко всему возникла загвоздка в вопросе права собственности на название нашей группы. Для нас было бы нереально обеспечить себе какое-либо будущее, отстегивая при этом наследникам Джона за право использовать The Who, имя, которым мы всегда называли себя.

Мне оставалось встретиться с мамой Джона, Куинни, и его единственным сыном Кристофером, чтобы разобраться в этом беспорядке. Мы встретились на нейтральной территории в доме моего старого друга Нобби Стекловаты в Чизике, но сидеть напротив них и лично сообщать о том, что они не получат никаких денег с турне, оказалось нелегко. Во всяком случае его семейство должно быть благодарно Питу и мне за выполнение контракта. В противном случае с них бы сняли последнюю рубашку. Когда дело дошло до названия, я спокойно заметил, что, если бы у нас с Питом не было полной собственности, это поставило бы под большой вопрос дальнейшую судьбу группы. Я также пообещал им, что в случае, если они уступят нам права за небольшую плату, я сделаю все от меня зависящее, чтобы группа вернулась на вершину. Это означало, что гонорары с продаж нашей дискографии продолжат поступать и приносить им хороший доход в будущем. К счастью, кажется, они осознали свое положение и поняли, что они могли получить намного больше, если The Who продолжат существовать.

Это было самое мрачное время в истории группы, последние события вогнали меня в депрессию. Ко времени проведения благотворительных концертов Teenage Cancer Trust в Альберт-холле я был полностью разбит. Нам не хватало гвоздя программы, пока я в последний момент не позвонил Эрику Клэптону.

– Что случилось, Родж?.. Хорошо, я буду там.

– Большое спасибо, Эрик. Ты хороший человек.

Когда у тебя депрессия, то даже в самый ясный летний день с ярким солнышком и голубым небом кажется, что кто-то вырубил свет и ты не можешь найти выключатель… Хуже всего, когда ты идешь к врачу и он ставит тебе диагноз, а затем дает таблетки. Таблетки – вот их ответ на все. Я принимал эти таблетки в течение нескольких дней и ходил как зомби. Они явно не помогали, а только ухудшали ситуацию. Тогда я решил – к черту

все это. Такими темпами я превращусь в пудинг.

Поэтому я избавился от них и вместо этого окунулся во всевозможные проекты. Я делал все, на что никогда не решился бы, что угодно, лишь бы убежать из Британии. Я принимал участие в съемках американского сериала «Экстремальная история» для History Channel. Я сыграл в «Моей прекрасной леди» в «Голливуд-боул» с Джоном Литгоу. Затем я исполнил роль безумной рок-звезды, помесь Дэвида Боуи и Элиса Купера, в комедийном сериале «Rude Awakening» с Линн Редгрейв. Все это помогло мне отвлечься от хаоса, который творился дома, однако не помогло справиться с депрессией, а лишь ненадолго заглушало ее. Каждый раз, когда я возвращался, тьма снова сгущалась.

В конце концов я воспользовался советом друга и связался с гипнотизером и гуру самопомощи Полом МакКенной. Пол сделал блестящую карьеру, дерзко бросая вызов самым всевозможным недугам. Он мог сделать тебя худым, заставить тебя бросить курить, сделать тебя уверенным. Но мог ли он вернуть свет в мою жизнь? Я понятия не имел, но я не отношусь скептически к таким вещам. За свою жизнь я использовал много альтернативных лекарств и методов лечения и считаю, что западный мир мог бы кое-чему поучиться у восточной медицины. Запивать проблему таблетками – это не всегда выход. Поэтому я пошел к Полу и объяснил свою ситуацию. Он очень быстро все понял. Мы не смогли должным образом оплакать смерть Джона. Мы только что закончили напряженное турне, а затем, спустя всего несколько недель по возвращении домой, когда мы толком не успели прийти в себя, случился арест Пита и вся наша жизнь перевернулась с ног на голову. Перед лицом продолжительного кризиса мозг перестает справляться. По словам Пола, мозг выключается, чтобы защитить сердце.

Были времена, когда мой мозг говорил мне сдаться. Депрессия была слишком сильной. Я не видел выхода из нее и становился все более и более несчастным. Поэтому я не преувеличиваю, когда говорю, что Пол МакКенна спас меня. Он провел меня через этот ужасный год, и я все еще использую его записи, прежде чем выйти на сцену. Друзья познаются в беде, и Пол протянул мне руку помощи, как и Эрик, Ноэл Галлахер, Пол Веллер и Келли Джонс. Так же, как и Ричард Десмонд, владелец газеты, который сделал все возможное, чтобы в трудную минуту деньги на благотворительность не переставали поступать. Конечно, это мемуары, а не эпизод передачи «This Is Your Life» («This Is Your Life» – американский и британский документальный сериал. В программе ведущий удивлял гостей, а затем проводил ретроспективу их жизни перед аудиторией, приглашая также

коллег, друзей и членов семьи. – *Прим. пер.*), но я все равно собираюсь воспользоваться этой возможностью, чтобы поблагодарить всех этих людей. Музыкальный бизнес может перегрызть вам глотку, он может прожевать вас и выплюнуть, но мои друзья поддерживали меня и Teenage Cancer Trust. Каждый март мне предстоит организовывать по шесть-семь вечеров подряд в Альберт-холле. Я должен найти музыкантов и комиков, готовых бросить все, приехать и играть даром. Наши шоу целиком основаны на доброй воле, и я буду вечно благодарен всем, кто откликнулся, когда я обращался за помощью.

Питу пришлось долго ждать, чтобы вырваться из своей темницы. В мае 2003 года с него сняли обвинения в том, что он загружал фотографии. Они не нашли ни одной картинки. Он не заходил на веб-сайт и не просматривал никаких изображений. Я уверен, что в противном случае его бы сцапали. Как он выразился несколько лет спустя, когда наконец почувствовал, что может обсуждать это с журналистами: «Судебный следователь установил, что я не заходил на сайт, но тем не менее к тому времени, когда мне предъявили обвинения, я был измотан». Он с самого начала признался, что предоставил данные своей кредитной карты, и этого было достаточно, чтобы нарушить закон, поэтому он мужественно встретил эти невзгоды.

В итоге мы сделали то же, что и всегда. Мы вернулись на сцену. Мы должны были выступить в качестве хедлайнеров фестиваля на острове Уайт в июне 2004 года, и, хотя я не нервничал, для Пита, очевидно, это было серьезным испытанием. Он изменился, стал более скромным и менее охотно шел навстречу. Несмотря на свою невиновность, он был шокирован пережитым унижением. Ему предстояло выйти на сцену и встретиться лицом к лицу с миром. Что он и сделал.

Аудитория в тот вечер была потрясающей. Было замечательно вернуться и осознать, что кошмар окончен, что наша аудитория все еще с нами и что музыка будет продолжаться, по крайней мере, еще некоторое время. Так легко сбиться с курса, когда попадаешь в самое сердце урагана желтых газетенок. Кажется, что весь мир катится в тартарары, но для всех остальных это просто страница в газете, которую быстро переворачивают, а затем используют, чтобы завернуть в нее рыбу с жареным картофелем. Той ночью никто не издевался и не освистывал нас. Это было наше первое фестивальное выступление после ареста Пита, наше первое шоу в Британии после смерти Джона и первый концерт на острове Уайт с 1970 года. И это было здорово.

Пит выразил свою благодарность в виде песни на нашем альбоме *Endless Wire*. Он вручил мне демозапись «You Stand By

Me» («Ты приходишь мне на помощь») и сказал: «Я написал это для тебя».

When I'm in trouble
You stand by me
When I see double
You stand by me
You take my side
Against those who lied
You take my side
Gimme back my pride.

Когда у меня проблемы,
Ты приходишь на помощь.
Когда двоится в глазах,
Ты приходишь на помощь.
Ты на моей стороне,
Против тех, кто лгал.
Ты на моей стороне,
Верни мне мою гордость.

Для него было очень важно написать и сказать это. Конечно, позже он утверждал, что написал это для Рейчел, его подруги, а теперь и жены, но с этим все было в порядке. Она была рядом с ним, и у них все было хорошо. Для нас же с Питом все было просто: братья могут ссориться, они могут даже драться, не разговаривать друг с другом. За многие годы мы все это пережили. Но когда запахнет жареным, ты понимаешь, что твой брат – твой самый преданный союзник. Я всегда знал это и думаю, что Пит тоже это понимал. Что бы ни случилось, я всегда был готов за него заступиться. И мне снова пришлось это сделать раньше, чем любой из нас того хотел бы. Это был 2006 год, и мы собирались выпустить новый альбом и отправиться в турне. Пит и в лучшие времена с большой неохотой занимался продвижением альбомов, но после событий, произошедших за последние нескольких лет, его едва ли можно было обвинять в том, что он наотрез отказывался общаться с журналистами. Мы согласились дать одно интервью на радио-шоу Говарда Стерна. Мы согласились, потому что он обещал не поднимать тему ареста Пита. Он дал нам свое слово.

Разумеется, не успел Говард представить нас, как тут же прозвучал запретный вопрос. Пит в гневе выбежал из студии. Я побежал за ним вслед со словами: «Давай, Пит, ты должен

вернуться. Ты должен постоять за себя. Тебя оправдали полицейские. Скажи это». Но он просто не мог. Он ужасно расстроился и не мог собраться с мыслями. Поэтому я вернулся и набросился на Говарда, устроив ему разнос. Я очень рад, что встал на защиту Пита. А в 2012 году Говард публично извинился передо мной и Питом за то, что был таким засранцем. Спасибо, Говард. Извинения приняты. Мы все иногда можем быть засранцами, просто некоторые из нас бывают ими чаще, чем другие.

Глава 20. Я надеялся, что умру

В июне 2006 года мы начали турне в поддержку нашего нового альбома *Endless Wire* с концерта, который проходил в столовой Лидса. Университет решил поставить мемориальную табличку, посвященную нашему концерту 1970 года в Лидсе, тому самому, где я перенапрягал связки. Энди Кершоу, бывший социальный секретарь университета Лидса, спросил Билла, можем мы ли приехать на торжественную церемонию открытия памятника и заодно дать концерт. Вы можете смеяться над мемориальной доской, мол, мы так давно ходим по земле, что теперь превратились в памятник, но я испытывал гордость. Хорошо иметь наследие и приятно думать, что мы оставили свой след в истории. Сам концерт проходил перед камерами, поэтому был слишком громким и слишком ярким, но не может же все быть идеально, правда?

Мы с радостью отправились в очередной продолжительный тур по Британии, Ирландии, Германии, Швейцарии, Монако, Франции, Швейцарии и вновь почему-то заглянули в Австрию, Испанию, Канаду, посетили тридцать городов США, вернулись в Европу, потом опять поездили по Штатам, а затем, под конец 2007 года, дали один концерт на стадионе «Эллис-Парк», что в Йоханнесбурге. От начала до конца это путешествие заняло тринадцать месяцев (плюс пару недель на отдых тут и там), и, кроме одной катастрофической ночи в Тампе, Флорида, о которой я упоминал в самом начале книги, все прошло без сучка и задоринки. Оглядываясь назад, можно сказать, что присутствовал какой-то символизм в том, что каждый концерт турне мы заканчивали «Tea & Theatre», небольшой простенькой песней с альбома *Endless Wire*. Для меня она являлась олицетворением всего, что мы чувствовали: того, что творилось внутри у нас двоих и что мы испытывали к аудитории.

A thousand songs
Still smoulder now,
We play them as one,
We're older now,
All of us sad,
All of us free,
Before we walk from this stage…

Тысяча песен

Все еще тлеют.
Мы играем их как одну,
Мы теперь стали старше.
Все мы грустим,
Все мы свободны,
Пока не сойдем с этой сцены…

Эта песня идеально все описала. В ней чувствовались и глубокие думы, и почти что тоска. Мы пережили несколько мучительных лет, но наша музыка все еще жива. Она еще тлеет. Мы начали восстанавливаться. Сегодня наши дела обстоят куда лучше: мы закрываем концерты исполнением «Pinball Wizard», «See Me, Feel Me», «Baba O'Riley» и «Won't Get Fooled Again» – заканчиваем на ура. Но тогда казалось правильным завершать концерты на более интимной ноте.

Несмотря на минимальную раскрутку, турне окупилось. Представьте себе, это был тур, в котором мы не потеряли деньги. Это был также первый раз, когда мы транслировали концерты в Интернете. Какой прогресс! Хотя, оглядываясь назад, это, вероятно, было началом конца финансовой жизнеспособности музыкальной индустрии. Интернет мог сделать музыку, особенно новую музыку, более доступной, но вместе с тем появились сайты для обмена музыкой – крупнейшие воришки в истории музыки. Все, что Интернет сделал для большинства музыкантов, это лишил их дохода. Я не против, если вы распространяете нашу музыку бесплатно, покуда мне на счет будут поступать деньги. Но это так не работает. Возможно, однажды это и произойдет, но не сегодня. В сегодняшних реалиях новичкам очень сложно раскрутиться в этом бизнесе. Мы думали, что в шестидесятые годы нам приходилось тяжко, но по крайней мере нам платили… иногда.

Во всяком случае тур был отличным. До такой степени отличным, что на следующий год мы решили снова отправиться в путь и опять гастролировали по Америке. В 2007 году мы удостоились мемориальной таблички в Лидсе. В 2008 году мы получили награду Центра Кеннеди, традиционно присуждаемую за пожизненный вклад в американскую культуру посредством исполнительного искусства. Мы были первой рок-группой, удостоившейся этой награды, и мы были британцами. Если подумать, это было логическим завершением круга. Мы росли в послевоенном аскетизме, черпали вдохновение в американских группах, в ритме и блюзе. Наш протест происходил из протеста чернокожих в Америке. Теперь мы были в Белом доме и

оттягивались с руководством. Мы стали важными шишками, ВИП-персонами. Получить признание в Америке было ни с чем не сравнимым удовольствием. Теперь мы могли бы успокоиться и все бросить, но вместо этого мы продолжили играть.

* * *

Меня часто спрашивают, на что был похож тот или иной концерт. Как это было на «Вудстоке»? В «Уэмбли»? В Railway Hotel в 1965 году? Как я уже признался, мне бывает трудно ответить. Простирается толпа до задней стены паба или уходит за горизонт, как на фестивале, для меня это не имеет большого значения. Я не отношусь к ситуации по-другому, даже если меняется ландшафт. Но если что и осталось у меня в памяти, так это шоу во время перерыва на Супербоуле в феврале 2010 года. Вам дается пара минут, чтобы возвести сцену в центре поля. Затем у вас есть двенадцать минут, чтобы разнести к чертям стадион, а после еще минута или две, чтобы убраться подобру-поздорову. Это полнейшее безумие. Перед любым другим концертом у команды есть пара дней, чтобы все подготовить, проверить звук и убедиться, что все подключено как надо. На Супербоуле, если один из проводов подключен в неправильное гнездо, то вы облажаетесь перед семьюдесятью четырьмя тысячами футбольных фанатов на стадионе и еще сотней миллионов телезрителей, которые сидят дома на своих диванах. (На всякий случай записывается фонограмма, и я по сей день не знаю, пел ли я тогда живьем или под фонограмму, потому что я никогда ее не слушал.)

Так что репетировали мы до упаду. Когда нас пригласили, мне очень понравилась идея посетить Майами в феврале. Приятно немного погреться на солнышке. Но, разумеется, это была самая холодная зима за последние годы. Всю неделю было чертовски холодно и шел дождь. Мы репетировали, репетировали и репетировали в гигантском ангаре с сотней добровольцев, пока они не довели сборку круговой сцены до автоматизма. Сам день начался довольно гламурно – с полицейского сопровождения на стадион Sun Life. А потом нас затолкали в вонючую раздевалку команды «Нью-Орлеан Сэйнтс», где мы просидели первую половину игры. За пять минут до выхода пришлось ждать в тоннеле. Игроки сломя голову бегут на выход, волонтеры бегут на поле, а я в этот момент пытаюсь все замедлить. Джон МакВикар сказал мне, что, прежде чем ограбить банк, он сидит в машине, повторяя про себя снова и снова: «Возьми себя в руки, возьми себя

в руки». Потому что иначе можно струсить. Я не собирался грабить банк, но выход на сцену Супербоула заставлял сердце колотиться ничуть не меньше. Я не нервничал – это просто процесс замедления. Люди не понимают (или я надеюсь, что не понимают), какое интенсивное взаимодействие происходит в самом начале концерта – координация между тобой и другими участниками группы, звукорежиссером, парнем, который отвечает за внутриканальные наушники. Это очень напряженный момент. Даже во время рядового шоу над концертом работают шестьдесят человек. Если у вас получится замедлиться, то это поможет внести мелкие корректировки, чтобы все получилось как надо. Я ни разу не подумал: «Черт, на меня смотрят миллионы людей». Нет времени для размышлений. Я вышел, спел и ушел за кулисы. Сцена была тут же демонтирована, а «Нью-Орлеан Сэйнтс» тогда одержали победу.

* * *

Турне *Quadrophenia* 2012–13 годов чуть было не сорвалось. А ведь это означало бы, что не состоялся бы и наш юбилейный тур в честь пятидесятилетия группы. В таком случае все бы закончилось, прежде чем мы по-настоящему вернулись к радости от возможности снова выступать в группе. Последние пять лет были сплошным удовольствием: с группой все было прекрасно, семейная жизнь была великолепна. Я проводил время со своими внуками – возможно, даже больше времени, чем я проводил со своими собственными дочерьми.

В 2011-м я исполнял *Tommy* в Альберт-холле со своей группой. Как я уже говорил, каждую весну мне нужно организовывать по шесть-семь концертов для Teenage Cancer Trust. Прошу заметить, и так каждый год. Неплохой вызов, да? Кто бывает свободен весной? Кто уехал в тур? Кто сможет выкроить денек, чтобы выступить в Альберт-холле? В тот год после усиленных поисков мне все равно оставалось завербовать еще одного артиста. Никто не соглашался, и я решил поучаствовать сам. К моему удивлению, все билеты были распроданы. Я не кокетничаю. Выступали не The Who, а я один – без Пита, без Зака, но люди все равно хотели прийти послушать меня. Концерт тогда получился просто потрясающим.

Кроме того, моя маленькая группа отправилась в турне, и впервые за долгое время все работало как часы. Люди приходили вовремя и держали свое слово – прекрасно! С The Who все было далеко не так. Несмотря на то, что мы снова наслаждались

музыкой, наши турне проходили со скрипом, потому что кто-нибудь постоянно косячил. Если один человек опаздывал на трансфер из отеля, нам всем приходилось его ждать. Когда такое случается, то весь чертов день идет насмарку. И дело не в том, что я нетерпеливый человек, просто я терпеть не могу опоздания, ненавижу тратить время впустую. Если мы договоримся встретиться в определенное время, а вы опоздаете на полчаса, то эти полчаса моей жизни мне уже не вернуть. Если у вас есть подходящее оправдание: например, вы застряли в лифте или свалились в шахту, то тогда все в порядке. Но если вы просто не можете вовремя поднять свою задницу с постели, то это никуда не годится. Мне нравится моя жизнь, и у меня ее осталось не так уж много, чтобы разбазаривать минуты. Во время турне и так хватает хлопот – без этого ожидания в вестибюлях отеля или в залах вылета из-за того, что один парень не смог собраться.

Поэтому, когда Пит объявил, что мы будет гастролировать с *Quadrophenia* в традиционном исполнении и с группой, которая не могла вовремя встать с постели, я просто сказал: «Нет». Мы встретились, чтобы обсудить это с Робертом и Биллом. Каждый настоял на своем, и на этом встреча закончилась. Очередной тур, который мог не состояться, просто потому что никто из нас не хотел уступать. Я помню, как ушел с той встречи, чувствуя себя вполне счастливым. Я тогда честно думал, что на этом все и кончится, потому что в этот раз все происходило немного не так, как в остальных случаях, когда возникала пауза. Я наслаждался своими сольными проектами, и по большому счету мне не было нужды продолжать ездить в турне с The Who. К чему терпеть месяцы мучений? К тому же мы уже гастролировали с *Quadrophenia* в 1996 году, и я чувствовал, что тогда нам далеко не все удалось. Зачем повторять это? В первый раз, когда Пит начал объяснять мне многослойную структуру *Quadrophenia* в 1972 году, я уцепился за одну фундаментальную идею. В группе было четыре парня, которые представляли четыре грани персонажа – «Квадрофения». Все просто. Когда группа играет на полную катушку, она выражает свои чувства. Вы импровизируете, не имея ни малейшего понятия, что будет дальше, но вы движетесь вместе, инстинктивно, словно стая скворцов. Однако версия 1996 года была совсем не такой. Скворцами там и не пахло. Была только машина, которая тащилась на первой передаче всякий раз, когда мы пыталась переключиться на пятую. Было много лишних вещей, мешающих простой концепции, которая давным-давно отпечаталась в моем сознании.

«Если ты доверяешь мне, то я знаю, как сделать это по-другому», – вот что я сказал Питу, но он сказал: «Нет». Он хотел

сделать это с той же командой и в том же виде, что и раньше. Сообщив это, он вышел. Три часа спустя Билл позвонил с удивительными новостями. Пит сказал, что готов сделать все по-моему. Я получил полную свободу действий. Невероятно.

В течение следующих нескольких месяцев я работал с Робом Ли, моим отличным другом, который делал наш сайт. В свое время он позвал Колина Пейна, чтобы отредактировать видео выступлений для «Томми» с группой студентов из Университета Мидлсекса. Работая над *Quadrophenia*, они придерживались моего простого видения, и все шоу разворачивалось вокруг того, как мы четверо поем на пленку для повзрослевших себя на сцене. Колин и Роб помогли мне обнажить суть. В итоге у нас получилось современное и актуальное шоу. Пит всегда обладал талантом писать вечную музыку, которая никогда не устареет. Но порой ему нужна была помощь в том, чтобы рассказать историю так, чтобы ее смогли понять все.

Мы начали турне в Санрайзе, Майами, 1 ноября 2012 года, и шоу произвело настоящий фурор. В начале, когда играла инструментальная секция, мы поставили кадры волн, ударяющихся о камни. Теперь у нас были все эти архивные кадры, охватывающие последние пятьдесят лет социальных и культурных потрясений, которые перемежались с видео наших выступлений за многие десятилетия. Мне казалось, это была довольно впечатляющая нарезка. Аудитория была со мной согласна. Они в восторге повскакивали с мест во время этой части. И самое главное, Пит понял задумку. Он понял, что мы нашли путь к первоначальной идее. За девять месяцев мы сыграли перед полумиллионом человек в США и Европе. Профессор Мэри Бирд приехала на последний концерт в туре на «Уэмбли» в июле 2013 года и нашла меня, чтобы поговорить об этом монтаже. Она сказала, что мы отлично запечатлели период конца XX века. Получив высочайшую оценку от уважаемого академика, я почувствовал себя по-настоящему счастливым.

* * *

В 2015 году я отметил пятидесятилетний юбилей The Who тем, что подхватил вирусный менингит. Тридцать шоу на североамериканском этапе турне *The Who Hits 50*! были отложены. Вместо того, чтобы петь на сцене, я лежал на больничной койке, будучи абсолютно уверенным, что умру. Я звонил людям, чтобы попрощаться. Это был конец, и было очень досадно, потому что после всех усилий мы наконец-то достигли своего золотого

возраста. Мы наслаждались собой и друг другом.

Оглядываясь назад, можно предположить, что все пошло не так еще задолго до того ужасного лета. В декабре 2014 года я отыграл шоу в Кардиффе, которое следовало бы отменить. У меня была сильная простуда, но фанаты уже были в зале, поэтому я выступил и испортил свой голос. Мне пришлось приложить уйму усилий, чтобы отыграть тот концерт, и это как-то повлияло на нервы в моей шее. Мы перенесли следующие два концерта, запланированные на стадионе «Арена O2» в Лондоне, на март, и врачи сказали, что я не смогу петь в течение двух месяцев. К февралю я снова начал петь, но мог петь не выше, чем Джонни Кэш. Массажист Фил, человек, который раньше массировал Коби Брайанта, предпринимал все возможное, чтобы облегчить положение, но по мере приближения концертов по-прежнему было паршиво. Фил – один из самых сильных массажистов на планете. У него стальные кулаки и пальцы – вот что требуется, чтобы подготовить мое старое скрюченное тело для сцены. Но даже Филу задача оказалась не по зубам, поэтому он порекомендовал Яна-Яна, доктора из Голландии, которого я немедленно решил вызвать в Лондон на первое шоу на «Арене O2». Я был готов на все ради хорошего концерта. Ян-Ян прибыл в мою гримерную за три часа до начала. Как и большинство голландцев, он был ростом более шести футов, выглядел здоровым и подтянутым и уверенно улыбался. Что отличало его от большинства голландцев, так это то, что он всюду таскал с собой сумку, полную молотков и зубил.

«Где проблема?» – спросил Ян-Ян, и я указал на свою шею. Он велел мне снять рубашку и сесть спиной к нему на переносной столик. В течение следующих нескольких минут он, словно инженер, что-то чертил на моей спине маркером. Пока все выглядело довольно безобидно. Затем он спросил: «Вы готовы?» И началось. Словно какой-то кузнец со всех ног торопился выполнить свою дневную норму. Я слышал и чувствовал, как движутся мои кости. Вообще, меня и раньше били молотком, но чтобы так – впервые. Однако Ян-Ян знал, что делает. Благодаря ему я продержался все те шоу, и к лету снова начал хорошо петь.

* * *

30 июня 2015 года мы играли на стадионе «Зенит» в Париже. Мы только что выступали хедлайнерами в Гайд-парке и на фестивале в Гластонбери, и впервые в этом году я почувствовал, что вернулся. Та ночь в Париже было просто невероятной, но там

было жарко как в аду. Снаружи было сорок градусов, но внутрь «Зенита» набилось шесть тысяч человек и каждый из них был словно ходячий электрический обогреватель. Концерт прошел великолепно и плавно, но, когда я вышел за кулисы, я был полностью истощен. Помню, как ко мне за кулисы заглянул Лиам Галлахер. Я люблю Лиама. Он один из последних столпов старой школы рока. Это человек, который пойдет с тобой в разведку и вынесет тебя с поля боя. Той адски жаркой ночью он все еще носил свою парку. Смешно, но было приятно видеть его.

Я вернулся в отель лишь под утро и принял чудесную ванну. Поскольку теперь мы останавливаемся в шикарных отелях, ванные комнаты всегда облицованы мрамором. Выйдя из ванной, я растянулся на полу, который оказался скользким, словно каток. Бывают моменты, когда я скучаю по тем дерьмовым мотелям, в которых мы останавливались. Конечно, дырявый заплесневелый линолеум может показаться не таким эстетичным, как мрамор, но зато он гораздо менее скользкий. Несколько минут я не мог разговаривать от боли, поэтому кое-как вызвал доктора. Он сказал, что все в порядке, поэтому я проглотил пару таблеток аспирина и лег спать, больше ни о чем не думая. В конце концов от небольшого сотрясения еще никто не умирал.

На следующий день вся наша команда села на поезд из Парижа в Амстердам. Это был один из тех замечательных скоростных европейских поездов, о достоинствах которых мы так много слышали, однако именно в нашем вагоне кондиционер накрылся медным тазом. Нам предстояло еще четыре часа в сорокаградусной жаре. Мы сидели в одних трусах и обливались потом, пролетая мимо северных французских деревень.

Один концерт и два дня спустя я был дома, собираясь отправиться на репетицию шоу в Актоне, которое я устраивал со своей группой на фестивале Криса Эванса CarFest. Но мне пришлось все отменить, потому что я заболел гриппом. Не знаю, была ли болезнь как-то связана с ударом по голове, но сейчас мне кажется, что инцидент в гостинице мог спровоцировать все это. В следующие несколько дней мне становилось все хуже и хуже. Меня положили в больницу, где проверили на все, что только можно: СПИД, туберкулез, лейкоз. Четыре поясничных прокола и два сканирования мозга, каждое из которых лишало меня слуха на пару дней, – все это было весьма неприятно.

На фоне этих событий я потихоньку начал сходить с ума. У меня постоянно возникала пелена перед глазами, случались провалы в памяти, галлюцинации. Мне было трудно понять, где я и что происходит. В какой-то момент я просто встал и вышел из больницы, чтобы посетить стоматолога. После этого медсестре

было велено сторожить мою дверь, но мне все же удалось сбежать. Я не могу объяснить вам, почему я так хотел выбраться оттуда. Просто однажды утром я пришел в Холмсхерст и наотрез отказался возвращаться в Лондон. Спустя три дня после моего бегства Хизер твердо настояла на своем. Мне не становилось лучше, я нес полную чепуху, и мне было очень больно. Я вернулся в больницу, где меня продолжили тщательно осматривать. В самый разгар моих мучений, до того, как удалось выяснить, что это такое и мне прописали правильные лекарства, агония стала просто невыносимой. Я валялся в слезах. Ничто не могло сравниться с этой болью.

А потом, в момент, когда я едва мог все это выносить, боль просто исчезла. Это было внезапно и потрясающе, как солнечный свет после бури в Новом Орлеане. Я достиг точки абсолютного мира и покоя, блаженного ощущения, которое казалось невероятным не только потому, что боль прошла, но и потому, что я испытывал удовлетворение. Каким-то образом я взглянул на свою жизнь словно со стороны. Сначала увидел свое детство в «Бригаде мальчиков», потом скиффл-группу, в которой я находил утешение от школьных кошмаров, дебют The Detours в Шепердс-Буш: Реджи на басу, Гарри на барабанах, я на гитаре. Затем я увидел The Who. Я думал о «Вудстоке» и о том моменте, когда я осознал, что мы наконец-то покорили Америку. Я вспомнил чувство заработанного упорными трудами, выстраданного успеха, потом момент получения Ордена Британской империи в 2005 году – как много это значило для меня, но не потому, что это что-то меняло, а потому, что это служило окончательным признанием того, что мой директор был неправ, когда говорил мне, что я ничего в жизни не добьюсь.

Все мы уникальны. У каждого своя неповторимая жизнь. Но взглянув на свою жизнь по-новому, я понял, что мне несказанно повезло. Посреди этого странного выхода из тела я сказал себе: «Можешь ли ты представить себе, что оставишь после себя?» И тогда все, о чем я смог подумать, была моя семья. Я бы не бросил в беде никого из членов моей семьи. Я был свободен от долгов, значит, с Хизер все будет в порядке, а дети будут всем обеспечены. Я понимал, что сделал достаточно и лежал с чувством покоя. Не то чтобы это был какой-то религиозный опыт. Я не видел света в конце тоннеля, не слышал голоса с небес – может быть, я наоборот спускался вниз по лестнице. Но само чувство спокойствия и умиротворения было прекрасным и возвышенным. Я верю, что смерть – это не конец. Энергия просто переходит из нашего тела куда-то во вселенную. Сегодня, когда я пишу эти строки, я совершенно не боюсь смерти. Меня не

прельщает мысль о воскрешении. Я знаю, что исчезну, и меня это устраивает.

Конечно, тем летом я не умер, мое время еще не пришло. Вот он я, три года спустя, и мы все еще в строю. Мы отыграли все те концерты, которые нам пришлось отложить. В следующем году у нас было еще больше шоу, а в этом мы снова увеличили их количество. И это потрясающе. На интервью я часто рассказываю одну небольшую шутку. The Who будоражили всех в былые времена, потому что никто не знал, чего от нас ждать. Теперь мы будоражим, потому что никто не знает, дотянем ли мы до конца шоу. В этой шутке есть доля правды, но последние пару лет были хорошими. Я чувствовал себя прекрасно. Может быть, это из-за того, что я не сильно напрягаюсь, а может быть, я наконец научился расслабляться.

Мне по-прежнему надо бережно относиться к своему здоровью. Потребовалось много времени, чтобы избавиться от боли, и менингит всегда может вернуться. Мне нужно избегать переработок, но я люблю свою работу и все еще могу заниматься ей. Сейчас у меня идет последний тур. Правда, я понятия не имею, как долго он продлится. Когда мы начинали его в 2015 году, я сказал, что это начало долгого прощания. Вероятно, сейчас мы находимся где-то посередине тура. Он продолжится до тех пор, пока мы будем в состоянии это делать. Я смирился с тем фактом, что однажды, возможно, довольно скоро, я открою рот и не смогу издать ни звука. И это будет день, когда я скажу: «Извините, ребята, все кончено».

Что мне не нравится в турне, так это беготня. После целой жизни, потраченной на самолеты, поезда, автомобили и отели, у вас появляется своеобразная аллергия на поездки, на любое передвижение. Сейчас мы путешествуем по самому высшему разряду: шикарные отели, частные самолеты, золотые раковины и мрамор, этот проклятый мрамор. Конечно, это небо и земля по сравнению с тем, как мы начинали. Благодаря Гордону, моему ассистенту, тому еще пройдохе, и Рексу, нашему беспощадному тур-менеджеру, мы организовали жизнь в дороге так, чтобы все проходило как можно более гладко. По четкости и отлаженности это напоминает военную операцию. Никакой регистрации в отеле – мы идем напрямик в свои комнаты. В аэропорту тоже нет регистрации. Видели бы вы, с какой скоростью мы проходим досмотр и паспортный контроль. Все продумано до мелочей, чтобы избежать потери времени. Это просто фантастика по сравнению с пятью десятилетиями задержек рейсов, пробок и переполненных отелей, не говоря уже о многих неделях, месяцах или даже годах заключения в раздевалке из-за того, что концерт

все откладывается и откладывается. К тому же не стоит забывать об уникальных способах Кита Муна разрушать все наши планы. Думаю, я сполна отмучился.

За что я люблю турне, так это за промежутки между всей этой суматохой. Быть на сцене, исполнять музыку Пита именно так, как она должна быть исполнена, – этим мы и занимаемся по сей день, и именно поэтому мы счастливы. Группа развлекается, мы способны смеяться над собой, мы все еще строим планы, нам еще есть чем заняться. Невозможно бросить этот бизнес. Однако этот бизнес всегда может избавиться от вас. Можете сколько угодно исполнять аккорды и петь песни, но у вас не получится обмануть сущность музыки. И я думаю, именно поэтому мы все еще успешны и искренни. Между мной и Питом сохраняется особенная химия, у нас есть этот дар, и теперь The Who – это мы двое. Он называет меня «чертовым романтиком», но я верю в то, что вижу собственными глазами. Сопереживание – основа всего. Если я могу почувствовать состояние Пита, в котором он пребывал, когда писал песню, то мне открывается ее подлинная сущность. И большинство этих песен рождаются в месте, где бушует боль, однако там же расправляет свои крылья дух. Сначала я изо всех сил пытался найти это место, и вы можете услышать звуки моей борьбы. А потом я просто решил сам там поселиться. Нет, мне не нужно было для этого становиться Питом, я просто должен был осознать свою уязвимость. Я должен был разрушить все свои собственные стены, которые я возвел, чтобы выжить. И мне повезло. Жизнь сложилась таким образом, что все это стало возможным. Оголенные нервы, драки, постоянная критика, личные разборки, отношения с Хизер, которые пережили все это. Боже мой, как я рад, что она осталась со мной и мы достигли самой ценной, самой плодотворной части наших отношений. Сегодня люди расстаются слишком легко. Над отношениями надо работать, потому что со временем они становятся только лучше.

Все эти кусочки пазла, их необыкновенная, безошибочная комбинация сделали меня тем, кем мне и нужно было стать. Я мог свернуть на любую из миллиона других дорог, но все случилось так, как случилось. Я мог бы рассказать совершенно другую историю или вообще ничего не рассказать. Когда я исполняю песни – это баланс уязвимости и силы. Когда я на сцене, стены рушатся и я пою для вас.

В конце концов, если подумать, когда мы все превратимся в пыль, музыка все равно будет жить. И я надеюсь, что люди скажут о нас, что мы выстояли до конца. Для меня этого будет достаточно. Мне повезло, у меня была счастливая жизнь. Большое

спасибо, мистер Киббловайт. От всего сердца.

Благодарности

Выражаю благодарность людям, которые помогли мне с написанием этой книги.

Моей жене Хизер, которая была далеко не молчаливым партнером. Она консультировала меня, поощряла и делилась своим мнением на протяжении всей жизни.

Биллу Карбишли, Роберту Розенбергу и Джулсу Бруму из Trinifold Management, а также Каликсте Стэмп и Киту Алтэму за их помощь и поддержку.

Джейн Ховард, Найджелу Хинтону, Мэтту Кенту и Джеку Лайонсу за вычитку черновиков.

Ричарду Эвансу за вычитку текста и неоценимую помощь в художественном оформлении книги.

Крису Руле за фотографии.

И, конечно же, огромное спасибо Мэтту Радду.

Джонни Геллеру из Curtis Brown и командам из Blink Publishing и Henry Holt & Co.

И, разумеется, спасибо Питу, Джону и Киту… без которых эта история получилась бы намного короче.

Фотографии предоставлены

Все фотографии для этой книги любезно предоставлены из частной коллекции автором, за исключением следующих:

My first mic swing at the Golf-Drouot Club. © HBK-Rancurel Photothuque. Photo by Jean-Louis Rancurel.

At the Goldhawk Social Club. © Wedgbury Archive. Photo by David Wedgbury.

The famous van that got stolen. © Roger Kasparian.

With former girlfriend Anna at Ivor Court. © Colin Jones/Topham/Topfoto.

With Emmaretta Marks. © Granger/REX/Shutterstock.

At the Rolling Stones Rock and Roll Circus, 1968. © Alec Byrne/Uber Archives/Eyevine.

Live in Copenhagen, 1970. Photo by Jan Persson/Redferns/Getty Images.

Isle of Wight, 1970 (black and white). © David Goodale.

With Pete and Kit at IBC Recording Studios. © Chris Morphet/Redferns/Getty Images.

Arriving by jet in Finland, 1966. © Motocinema, Inc.

At the "My Generation" shoot. © Wedgbury Archive. Photo by David Wedgbury.

Chris's Viking boat. © Calixte Stamp.

Outside the Goldhawk Club, 1977. © Robert Ellis.

With Bill Curbishley, 1975. © Terry O'Neill/Trinifold Archive.

In the chamois shirt. © Waring Abbott/Getty Images.

With Heather outside Elder Cottage, 1969. Photo courtesy of Barrie Wentzell.

Heather "likes me," 1989. Photo by Tony Monte.

Flying low while filming Tommy. © Alamy Stock Photo.

With Ken on the set of Tommy. © Mondadori Portfolio via Getty Images.

Tommy. © Rbt Stigwood Prods/Hemdale/Kobal/REX/Shutterstock.

Me playing Franz Liszt in Lisztomania. © Michel Ochs Archives / Getty Images.

Me and Keith with Peter Sellers in the stage version of Tommy. © Michael Putland/Getty Images.

The Comedy of Errors. Photo courtesy of the BBC.

McVicar. © Everett Collection Inc./Alamy Stock Photo.

With Arsene Wenger. © The Arsenal Football Club plc.

With Bruce Springsteen. © Michael Putland.

Boys' night out, 1985. © Alan Davidson/REX/Shutterstock.

Quadrophenia *rehearsal.* © Ethan Russell.

With Keith Richards and Mick Jagger. © KMazur/WireImage/Getty Images.

Kennedy Center Honors. Photo courtesy of the Office of George W. Bush.

At the Royal Albert Hall for TCT, 2005. © Camera Press/Rota.

Neil Young Bridge School Benefit, 1999. © John "Nunu" Zomot.

Daltrey, Ride a Rock Horse, *and* Under a Raging Moon *album covers.* Photography and cover designs by Graham Hughes.

Madison Square Garden, 1974. Waring Abbott/Getty Images.

Recording with Pete. © Colin Jones/Topfoto.

Quadrophenia *in Hyde Park*. © Stefan Rousseau/PA Archive/PA Images.

Two old geezers, 2005. Photo by Rob Monk.

Closing out the 2012 Olympics. © Jeff J. Mitchell/Getty Images.

Иллюстрации

Мама с Папой на Хаммерсмит-Бродвей, 1938

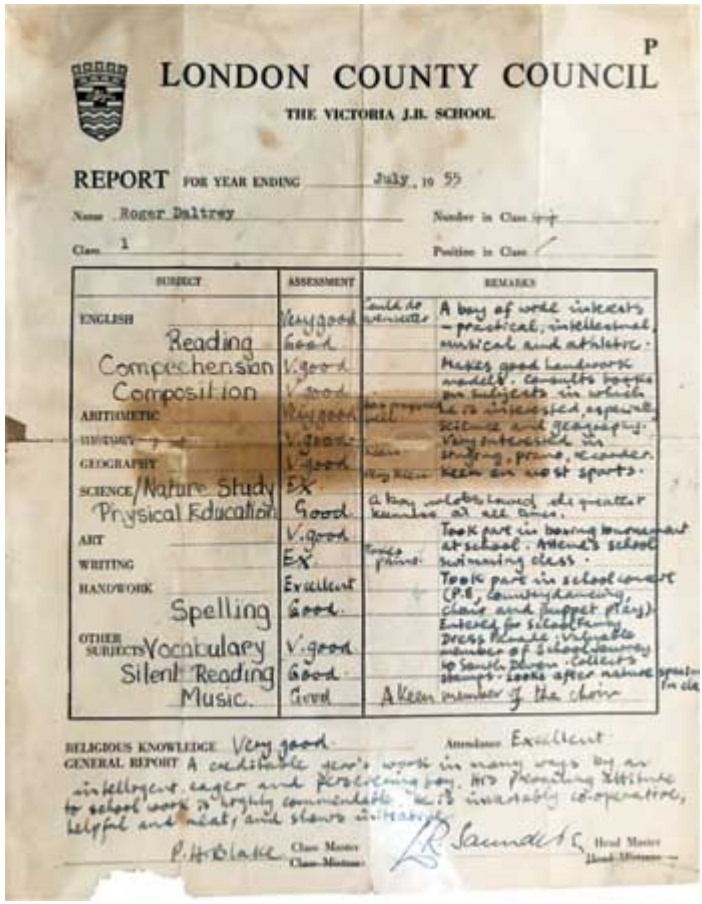
Я с мамой, 1945

Папа вернулся с войны, 1945

Время спать, я спасаюсь бегством (в колючем джемпере)

Перси-роуд, дом 16, 1946

На школьном фото мне девять лет, 1953



P

LONDON COUNTY COUNCIL

THE VICTORIA J.B. SCHOOL

REPORT FOR YEAR ENDING July, 19 55

Name Roger Daltrey — Number in Class —

Class 1 — Position in Class —

SUBJECT	ASSESSMENT	REMARKS
ENGLISH	Very good	Could be A boy of solid interests
Reading	Good	— practical, intellectual,
Comprehension	V. good	musical and athletic.
Composition	V. good	Makes good handwork
ARITHMETIC	Very good	models. Consults books
HISTORY	V. good	on subjects in which
GEOGRAPHY	V. good	he is interested, especially
SCIENCE/Nature Study	Ex.	Science and geography.
Physical Education	Good	Very interested in
ART	V. good	singing, prose, recorder.
WRITING	Ex.	Keen on most sports.
HANDWORK	Excellent	A boy who takes a good deal of trouble and learns at all times.
Spelling	Good	Took part in boxing tournament at school. Attends school swimming class.
OTHER SUBJECTS Vocabulary	V. good	Took part in school concert (P.E., country dancing, choir and puppet play).
Silent Reading	Good	Entered for sketching competition.
Music	Good	Dress Parade. Valuable member of School Library staff. Collects stamps. Looks after rabbits.
		A keen member of the choir

RELIGIOUS KNOWLEDGE Very good — Attendance Excellent

GENERAL REPORT A creditable year's work in many ways by an intelligent, eager and persevering boy. His promising attitude to school work is highly commendable. He is invariably co-operative, helpful and neat, and shows initiative.

P. H. Blake — Class Master / Class Mistress

J. R. Saunders — Head Master / Head Mistress

Мой школьный табель, 1955

Школьная поездка в Пейнтон, графство Девон, 1955. Я во втором ряду, второй справа, а мистер Блейк

В школьной форме с модной шляпкой, 1959

Джон, Даг Сендом, я и Пит. Фургон Detours с еще рабочей дверью, 1962

Устал стоять без дела: первый взмах микрофоном в клубе «Golf-Drouot», Париж, 2 июня 1965

Уф! – я на тромбоне, Джон на трубе, 1961

В общественном клубе «Goldhawk», Шепердс Буш, март 1965

Знаменитый фургон угнали, 1965

Вместе с подругой Анной в моей квартире на Айвор-Корт, 1965

Рок-н-ролльный цирк «Роллинг Стоунз», 1968. Пит, Брайан Джонс, Роки Дижон, Йоко Оно, Джулиан Леннон, Джон Леннон, Эрик Клэптон и я

Эммаретта Маркс, 1970, после выступления, «Метрополитен-опера»

The Who в Копенгагене, 1970

The Who на остров Уайт, 1970

«Мое поколение», Суррей-Докс, 1965

Прибытие в Финляндию, 1967. Крис Стэмп с группой

Пит, Кит и я работаем над Tommy в студии IBC, конец 1968

Викингская ладья для Криса

Track Record, «Giving It All Away»

Старые моды у клуба «Goldhawk», 1977. Слева направо: Ян Муди, Томми Шелли, Айриш Джек, Ли Гэш, я, Грифф в шляпе, Крисси Ковилл со сломанной рукой и пинтой Becks. Целый взвод товарищей

Билл Карбишли

Замшевая рубашка а-ля «Я только что из гаража»

Новехонький Corvette Stingray, 1969

Перси-роуд, 1975

Верхом на Олли, 1974

Главное не улов, не так ли? 1979

Устроил двухгодовалому Джейми урок по управлению бульдозером, 1983

Расслабляемся в коттедже вместе с Хизер, 1969

«Пушистик», 1979. Мое собственное фото

Я ей нравлюсь, 1989

Лечу на низкой высоте

Летний лагерь с Кеном Расселом на съемочной площадке «Томми», 1974

Томми

Я в роли Франца Листа в фильме Кена Рассела «Листомания», 1975

Мун и я – два дурака. Мы с Китом и Питером Селлерсом на постановке «Томми» в лондонском «Rainbow», 1972

«МакВикар», 1980

«Комедия ошибок» для BBC. По часовой стрелке, начиная с левого нижнего угла: Майкл Китчен, Уенди Хиллер, Сирил Кьюсак и я, 1983

Обсуждаю командную тактику с Арсеном Венгером, 2011

Брюс Спрингстин и я, «Мэдисон-сквер-гарден», 1980

«Парни отдыхают», 1985 с Полом Маккартни, Бобом Гелдофом и Филом Коллинзом

Репетиции в Англии перед турне «Quadrophenia», 1973

The Who вместе с Китом Ричардсом и Миком Джаггером за кулисами «Мэдисон-сквер-гарден», концерт в Нью-Йорке памяти жертв терактов 11 сентября, 2001

Прием в Белом доме по случаю получения награды от Центра Кеннеди, вместе с Крисом и Каликстой Стэмп, Биллом, Марцелой и Каталиной Карбишли, Хизер и мистером и миссис Буш, 2008

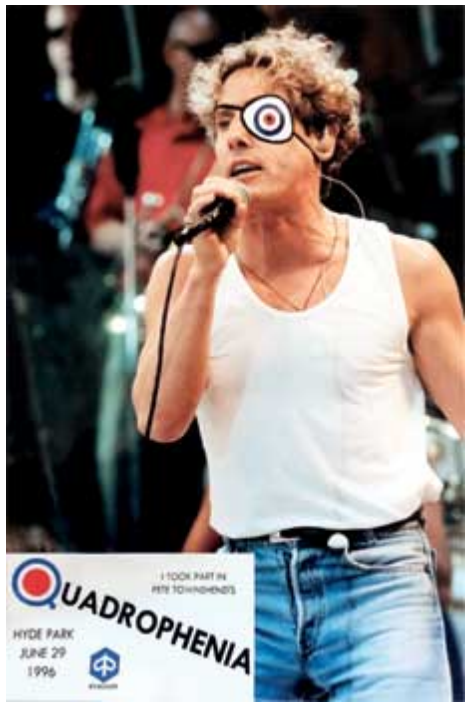
«Пожалуйста, мадам, говорите громче, я в рок-группе», «Teenage Cancer Trust» в Альберт-холле, 2005

Благотворительный концерт «Bridge School Benefit» объединил нас с Нилом Янгом, 1999

Обложки альбомов Daltrey, Ride a Rock Horse и Under a Raging Moon

«Мэдисон-сквер-гарден», Нью-Йорк, 1974

Мы с Питом во время записи, 1966



«Quadrophenia» в Гайд-парке, 1966 – «Глаз-алмаз»

Два старикана, 2005

Мы с Питом на церемонии закрытия Олимпийских игр, 2012

notes

Примечания

1

«Пирамид-стейдж» – одна из самых известных концертных площадок в мире, главная сцена музыкального фестиваля в Гластонбери. *(Прим. ред.)*

2

«Голливуд-боул» – концертный зал в виде амфитеатра под открытым небом в районе Голливуд в Лос-Анджелесе. *(Прим. ред.)*

3

Супербоул – в американском футболе название финальной игры за звание чемпиона Национальной футбольной лиги Соединенных Штатов Америки. *(Прим. ред.)*

4

«Вудсток» – рок-фестиваль, проходивший в американском штате Нью-Йорк в 1969 году. Один из самых знаменитых музыкальных фестивалей всех времен и народов, символ конца «эры хиппи» и начала сексуальной революции. *(Прим. ред.)*

5

«Блиц» – кампания стратегической бомбардировки Великобритании во время Второй мировой войны, длившаяся с 7 сентября 1940-го по 10 мая 1941 года. *(Прим. ред.)*

6

Операция «Steinbock» – ночные бомбардировки Лондона в феврале – марте 1944 года. *(Прим. ред.)*

7

Актон – район на западе Лондона. К началу XX в. Актон был одним из главных индустриальных районов британской столицы. *(Прим. ред.)*

8

«Racing Post» – газета о лошадиных скачках и ставках в Великобритании и Ирландии. *(Прим. ред.)*

9

British Light Steel Pressings – британское предприятие транспортного машиностроения, существовавшее с 30-х годов до середины 60-х годов XX века. *(Прим. ред.)*

10

Джон Уэйн – американский актер, которого называли «королем вестерна». Его рост составлял 193 см. *(Прим. ред.)*

11

«Это один маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всего человечества», – фраза, которую произнес астронавт Нил Армстронг 20 июля 1969 года, когда стал первым человеком, ступившим на поверхность Луны. *(Прим. ред.)*

12

Холмсхерст – загородный дом в якобинском стиле, расположенный недалеко от Бурваша в Восточном Сассексе, Англия. *(Прим. ред.)*

13

Уилкинс Микобер – неунывающий персонаж романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд». *(Прим. ред.)*

14

«Спокойной ночи, Вена» («Goodnight Vienna») – песня с четвертого студийного альбома барабанщика The Beatles Ринго Старра, записанного летом 1974 года. *(Прим. ред.)*

15

Ночь фейерверков, также известная как Ночь Гая Фокса и Ночь костров, – традиционное для Великобритании ежегодное празднование в ночь на 5 ноября. Так британцы отмечают провал Порохового заговора, когда заговорщики пытались взорвать Парламент Великобритании в ночь на 5 ноября 1605 года. *(Прим. ред.)*

16

«Я знаменитость, заберите меня отсюда!» («I'm a Celebrity… Get Me Out of Here!») – британское телевизионное реалити-шоу, в котором несколько знаменитостей живут вместе в джунглях в течение нескольких недель, соревнуясь за звание «короля» или «королевы джунглей». *(Прим. ред.)*

17

Джон МакВикар – британский журналист, вор, сбежавший из тюрьмы, впоследствии написавший книгу о своей жизни и снявший автобиографический фильм с Роджером Долтри в главной роли. *(Прим. ред.)*